

БРАЙАН

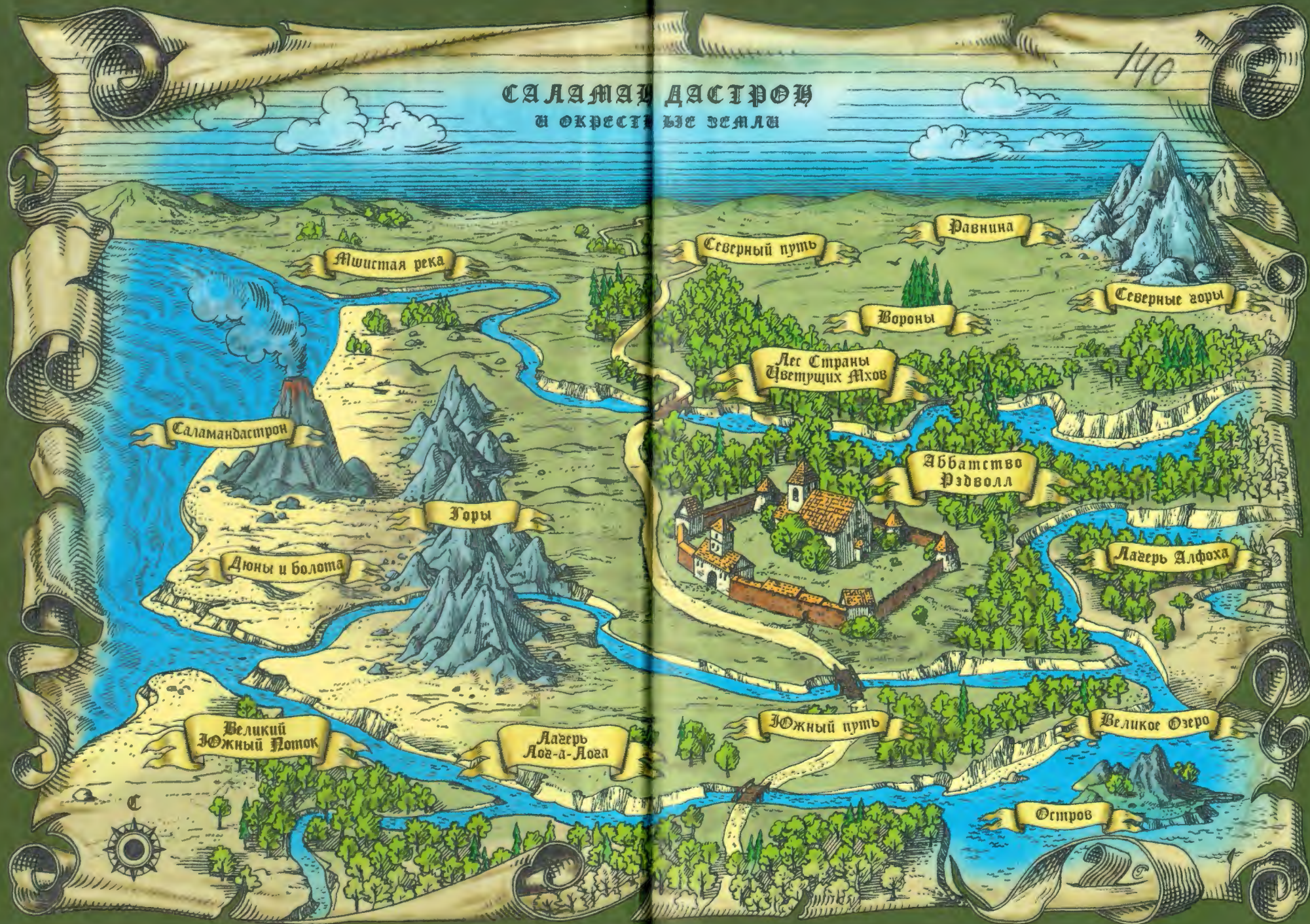
ДЖЕЙКС

САЛАМАНДАСТРОН

Настоящие
приключения!

САЛАМАНДАСТРОН
и окрестные земли

СЕРИАЛ
«РЭДВОЛ»

ВОИН РЭДВОЛЛА

ВОЙНА С КОТИРОМ

ПОХОД МАТИАСА

МЭРИЕЛ ИЗ РЭДВОЛЛА

САЛАМАНДАСТРОН

Брайан Джейкс

САЛАМАНДАСТРОН

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2003

УДК 82-93
ББК 84.4 Вл
Д 40

Brian Jacques. Salamandastron
Copyright © 1992 by Brian Jacques
First published by Hutchinson Children's Books 1992

Издательство выражает благодарность
литературному агентству Эндрю Нюрнберг

Перевод с английского Ольги Брусовой

Дизайн переплета Вадима Пожидасва

Иллюстрации на обложке
Сергея Бордюга
Сергея Григорьева

Художники
Сергей Ботнарюк
Юсуп Ханмагомедов
Александра Ларионова
Валерий Есауленко
Сергей Рожин

Джейкс Б.
Д 40 Саламандастрон / Пер. с англ. О. Брусовой. — СПб.:
Азбука-классика, 2003. — 368 с.
ISBN 5-352-00422-8

В Страну Цветущих Мхов пришла беда — страшная лихорадка. Спасти аббатство Рэдволл может только лекарство из Ледяного Цветка, который растет в далеких северных горах. Герои Рэдволла отправляются в путь за Ледяным Цветком, не зная, что в это самое время разбойничье войско под предводительством безжалостного горносталя Ферраго Убийцы готовится осадить крепость Саламандастрон.

ISBN 5-352-00422-8

© О. Брусова, перевод, 1997
© С. Степанов, перевод стихов, 1997
© «Азбука-классика», 2003

Старик, мышь-соня с седой, вьющейся бородой, уже облачился в свой коричневый сюртук. Маленький кротенок, его приятель, проснулся ни свет ни заря из-за весенней погоды и сидел теперь рядом, привалившись к покрытому мхом стволу бука, росшего в саду. Они только что вместе позавтракали горячими, прямо из печки, овсяными лепешками и съели по два яблока. Рассвет уже тронул своими розовыми перстами краешек земли, знаменуя наступление теплого солнечного дня. Весна обещала с лихвой воздать за холода долгой зимы, которую только что пережило аббатство Рэдволл. Белые кучевые облака с золотистым подбрюшьем неподвижно висели

в теплом воздухе, капли росы сверкали на свежей зеленой травке, распускающиеся бутоны нарциссов и подснежников поджидали наступления прогретого солнцем дня.

Старик глубокомысленно вздохнул:

— Скоро будем выбирать День Названия. Обычно это делается для того, чтобы лето было добрым.

Кротенок медленно дожевывал овсяную лепешку. Наморщив свое черное, похожее на пуговицу рыльце, он глянул на старшего товарища:

— Ты обещал, что расскажешь мне какую-нибудь историю.

Старик вытер яблоко полый своего сюртука:

— Тебе нравятся мои истории, Баррем?

— Еще как!

— Ладно, слушай еще одну историю. Давным-давно, в незапамятные времена...

Холоднее зимнего ветра, что завывает над юго-западным лесом.

Холоднее снега, что саваном покрывает деревья, камни и землю зимой.

Холоднее льда, что лежит на воде и свисает сосульками с ветвей.

Холоднее всего на свете была улыбка Фераго Убийцы! Фераго был еще молод, но по мере того, как проходили годы, росло в нем зло, и росла дурная о нем слава, и каждый зверь боялся даже имени этого голубоглазого горноста.

Его банда обыскивала разрушенную барсучью нору, чтобы обеспечить себя хоть какими-нибудь зимними припасами, которые можно было найти среди обломков. С безжалостной улыбкой Фераго

стоял, возвышаясь над телами двух убитых барсуков, Урта Быстрого и его жены Урты, двух последних отважных зверей, которые отказались по-виноваться ему. Воровство и обман, помноженные на безжалостность, были оружием Фераго Убийцы. Он заманил барсуков в западню, пригласив их якобы на мирные переговоры. Дураки!

Ласка по имени Мигро отступил в сторону от охапки сухого лишайника, лежащей в углу:

— Хозяин, смотри!

В куче лишайника лежали, прижавшись друг к другу, два барсучонка.

Мигро расхохотался:

— Этот вылитый отец, а другой, смотри, хозяин, он совсем белый! А я думал, все барсуки полосатые.

Фераго тронул носы малышей своим остро точенным кинжалом:

— Оба самцы. Один обычный, а другой — альбинос. Из-за несговорчивости своих родителей оба стали сиротами.

Мигро следил за движениями кинжала своего хозяина:

— Что ты собираешься делать с ними?

Фераго пожал плечами и убрал кинжал:

— Ничего. Об отроде Урта Быстрого зима сама позаботится.

Поигрывая золотым медальоном, который он только что снял с шеи убитого барсука, Фераго бросил вокруг себя прощальный взгляд:

— Теперь на юго-западе не осталось никого, кто бы осмелился мне перечить. Вперед, мои головорезы!

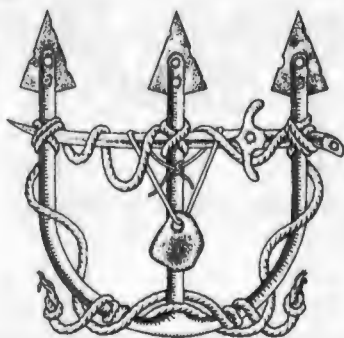
И когда горностаи в сопровождении своей банды вышел из норы в зимнюю стужу, его прекрасные голубые глаза смеялись.

В обвалившейся норе копошились возле остывающего тела матери два барсучонка, полосатый и совсем белый. Они жалобно повизгивали, ожидая, что мать проснется и успокоит их. Снаружи, подгоняемые ветром, кружились и падали на землю снежные хлопья.

Было холодно. Но холодней всего на свете была улыбка Фераго Убийцы.

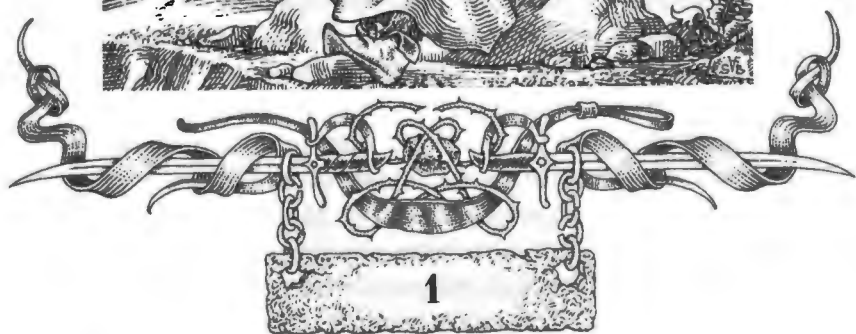

БЕГЛЕЦЫ
И ИСКАТЕЛИ

КНИГА
ПЕРВАЯ

Ного-много долгих сезонов пришло и ушло после того страшного зимнего дня в юго-западных землях.

Единственным звуком, нарушающим покой летнего полдня, было пение кружившихся в небе птиц. В огромном пространстве спокойного моря царил полный штиль, в воде отражалась лишь голубизна безоблачного неба.

Сразу за линией прибоя возвышалась огромная цитадель Саламандастрон, обломок горы, которая давным-давно, когда мир был еще юным, представляла собой вулкан. Все бесчисленные годы этой страной управляли владыки-барсуки

и их друзья-зайцы из Дозорного Отряда. Эта скала была превращена в крепость, изрытую пещерами, переходами и залами. Крепость охраняла западный берег и раскинувшуюся вдоль него Страну Цветущих Мхов.

От главного входа в Саламандастрон бежала по песку цепочка следов к отдельно стоящему утесу. Подперев лапой подбородок и глядя вдаль, сидел на утесе владыка Урт Полосатый, или, как его еще называли, Урт Могучий. Он даже не снял фартук, в котором обычно работал в кузнице, и не взял с собой ни меча, ни какого-либо другого оружия. Оставшись наедине с землей, морем и небом, барсук отдался своим думам. Мары не было дома уже два дня, и он начал беспокоиться. Правильно ли он когда-то поступил, взяв на воспитание молодую барсучиху? Она была одной из немногих особ женского пола, живших в горе. По традиции здесь обитали в большинстве своем одинокие барсуки-самцы. Пять лет назад зайцы нашли барсучиху в дюнах. Урт был очень доволен, когда ее принесли к нему. И так как дочери у него никогда не было, он и стал к ней относиться как к дочери. Так и шло, пока она была маленькой. Он был благородным барсуком, обремененным делами, а она росла рядом, и так вот рядом, но не вместе они и прожили до сегодняшнего дня.

Жизнь поставила перед Марой некоторые трудности. Она стала роптать на тот суровый образ жизни, который вели в Саламандастроне. Урт Полосатый в обращении с ней стал неловким и излишне суровым, и Мара в свою очередь восставала против его тяжелой лапы. Не посчитавшись с его желанием, два дня назад она ушла из дому со своим другом, молодым зайцем Пикклем Фолгером.

Барсук нахмурился. Пиккль был слишком необузданным и своенравным. Из Мары никогда не выйдет толку, если она будет продолжать с ним водиться. Но странное дело, когда Урт начинал читать ей нотацию или угрожать наказанием, он чувствовал себя каким-то великаном-людоедом. Поэтому они стали избегать друг друга. Мара шла своим путем, а Урт своим.

На утес взобрался сержант Сапвуд. Он немножко постоял на месте, боксируя со своей тенью, пока Урт не заметил его. Шагнув в сторону, заяц вздернул подбородок и отдал левой лапой честь.

— Как давно ты здесь сидишь, владыка? Не пойдешь ли чего-нибудь поесть? У тебя со вчерашнего дня крошки во рту не было.

Урт медленно поднялся с камня, на котором сидел, и с тревогой глянул на зайца:

— От Мары есть какие-нибудь известия, сержант?

— Никак нет. Но ты не беспокойся. Они с Пикклем вернутся, как только нагуляются вволю. Хочешь, чтобы я послал Мару к тебе, когда она придет?

— Нет, не надо, но дай мне знать, когда она вернется. Проследи, чтобы хорошо поела. А потом... потом пришли ко мне!

Пока они шли вдоль берега, Сапвуд, легонько касаясь лапами командира и кружа вокруг него, сделал нырок и ложный выпад:

— Давай побоксируем.

Барсук пытался не обращать внимания на своего драчливого друга, но Сапвуд настаивал:

— Ну же, давай тряхнем стариной, а?

Урт Полосатый остановился и отмахнулся, но заяц все приседал и подпрыгивал под самым его носом.

— Оставь, Сапвуд. Я не в том настроении, когда занимаются спортом.

Сержант сделал нырок и прикоснулся сжатой в кулак лапой к скуле барсука:

— Один есть.

Тогда барсук всем своим огромным телом сделал стремительный выпад и нанес зайцу в подбородок удар, который сам назвал бы легким, однако сержант упал навзничь и не шевелился. Барсук озабоченно склонился над своим другом:

— Сап, ты в порядке?

Сапвуд сел. Потирая подбородок, он сокрушенно хмыкнул:

— Благослови небо твое доброе сердце. Я в полном порядке. Можно сказать, как огурчик. Хорошо, что ты никогда не бьешь со всей силы, а то бы из меня и дух вон!

И, взяв друг друга под лапы, старые друзья пошли в Саламандастрон, болтая, смеясь и вспоминая прежние битвы.

К востоку от Саламандастрона виднелся массивный горный гребень. На юге же горы уступали место болотистой равнине, которая в свою очередь переходила в дюны. Раннее полуденное солнце разбудило кузнечиков у подножия холма, и они подняли утреннюю трескотню.

Фераго Убийца вынул из ножен кинжал и метнул его. Бросок был отличным: отточенный клинок рассек кузнечика пополам. Нож еще дрожал, вонзившись в землю, когда Фераго вытащил его и вытер о траву.

— Одним кузнечиком меньше будет прыгать по земле, — хмыкнул он. — Ну разве я не молодец, а, Мигро?

Тот энергично закивал:

— Ага, хозяин, классный бросок!

Фераго сунул кинжал в ножны на перевязи, которую он носил крест-накрест. Там же были и два других ножа, такие же острые и смертельно опасные в руках Убийцы. Улыбаясь, Фераго заложил обе лапы за широкий пояс, который придерживал кожаную юбку. Он был много выше и сильнее, чем любой другой горноста́й. Годы, казалось, только добавили блеска его глазам, сохранившим цвет яркого весеннего неба. Многим, доверившимся чистому взгляду этих невинных миндалевидных глаз, пришлось встретить свою безвременную смерть. Каждый горноста́й, ласка, крыса, хорек или лис в этой бандитской армии знали, что чем шире улыбается Фераго Убийца, тем злее и жестче он становится. Ужас, внушаемый им, распространился по всем юго-западным землям, пока наконец вся страна не стала дрожать при одном упоминании его имени. Фераго!

Этим летом он решил продвинуться дальше на север. Никто в его армии не осмеливался задавать вопросы, хотя втайне каждый размышлял о причинах такого дальнего путешествия. Сейчас вся орда отдыхала среди дюн и у подножия холмов.

Убийца разлегся на сухой траве и закрыл глаза. Один его глаз внезапно приоткрылся, когда он подозвал к себе ласку, расположившуюся среди камней чуть повыше него:

— Фидл, дождись возвращения моего сына и Гоффы. Не вздумай заснуть.

Прежде чем отозваться, Фидл предусмотрительно бросил взгляд на север и запад:

— Я дам тебе знать, как только Клитч и Гоффа появятся, хозяин. Не беспокойся!

— Я и не беспокоюсь, Фидл, беспокойся лучше ты. Потому что, если прозеваешь их, я с тебя живьем шкуру спущу.

Все это было сказано самым деловым тоном, можно сказать даже дружелюбно, однако тут знали, что Убийца шутить не любит. Фераго редко шутил. Зато часто улыбался.

Лис Детбраш и шесть его крыс-ищеек появились с юга. Фераго услышал, как Фидл объявил об их прибытии со своего высокого места:

— Пришел Детбраш с ищейками, хозяин!

Лис стоял перед Убийцей, пока тот выслушивал его доклад, продолжая спокойно лежать с закрытыми глазами.

— Вы не привели с собой Битоглаза и Туру?

Детбраш ужасно устал, но присесть не осмеливался.

— Нет, хозяин. Мы охотились за ними две луны. Они шли на восток, к равнине, что за этими горами.

Лапа Фераго легла на рукоятку его любимого ножа.

— Мне не нравится, когда мои приказы не выполняются.

Лис попытался унять дрожь в лапах, он с трудом сглотнул и облизнул внезапно пересохшие губы:

— Хозяин, мы шли за ними день и ночь без отдыха. Они, должно быть, знали путь через южный ручей, там-то я и потерял их след. Я подумал, что лучше вернуться с докладом, чем остаться одним в незнакомой стране.

Фераго открыл глаза. Сейчас он не улыбался.

— Ты был прав, Детбраш. Отдохни до завтра и перекуси. А потом снова отправишься в погоню со своими крысами. Но помни, мне нужны Битоглаз и Тура или их головы. Видишь ли, иначе это будет дурным примером для моих солдат, я не хочу, чтобы они думали, что дезертиры могут избежать наказания. Ты понял?

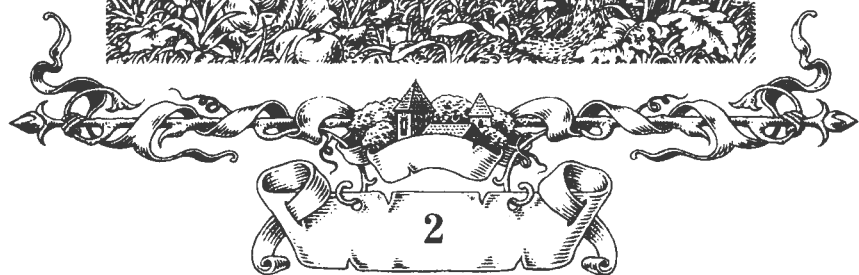
Детбраш постарался сдержать вздох облегчения и кивнул:

— Все понял, Фераго. В этот раз я не подведу.

Фераго закрыл глаза:

— Уверен, что не подведешь, приятель.

Моббатство Рэдволл спокойно дремало под горячим полуденным солнцем. В Лесу Цветущих Мхов пел дрозд, его мелодичная песня эхом отдавалась в сложенных из красного песчаника стенах главного здания монастыря.

Госпожа Вера Иголка собирала в саду фрукты.
Дз-з-з! Бумс!

Стрела, выпущенная из лука, пролетела на волосок от лапки госпожи Веры и вонзилась прямо в сочное яблоко, и оно мягко свалилось в траву. Ежика уронила корзинку и присела, закрывая голову обеими лапами и в ужасе причитая:

— Помогите, убивают! Разбойники!

Помощь подоспела в лице неожиданно появившейся выдры.

— Что за шум?

— Бей тревогу, Труг. Ты только посмотри на яблоко, что лежит в траве!

Осторожно ступая, Труг подобрал яблоко. Вытащив стрелу, он оглянулся и мрачно закивал головой:

— Не беспокойся. Я не засек того, кто выпустил эту стрелу, но, клянусь хвостом, я выясню, кто это сделал!

Труг собрал в корзинку высыпавшиеся из нее фрукты, к которым добавил и яблоко. Бережно обняв колючие плечи ежихи, он повел ее к аббатству, неся корзинку.

Послеобеденный чай в аббатстве всегда был отменным. Мыши, которые были местными братьями и сестрами, сидели вместе с другими зверями в Большом Зале.

Аббатиса Долина, сменившая старого аббата Сакстуса, сидела чуть сгорбившись в большом барсучьем кресле во главе длинного стола уже много долгих сезонов. В аббатстве не жили барсучихи-охранницы, с тех самых пор как матушка Меллус ушла на заслуженный отдых. Рядом с аббатисой сидел почтенный Бреммун, белка. Он наклонился к ней, но ему пришлось повысить голос, чтобы перекрыть шум и гам, царившие за чаем:

— Ты слышала, что Труг рассказал про Самкима?

Аббатиса отставила свой бокал в сторону:

— Да, я знаю об этом.

Бреммун взял ломтик смородинового пирога и продолжал:

— Могу ли я попросить тебя заняться этим делом, или хочешь, чтобы это сделал я?

Аббатиса в задумчивости вертела в пальцах бокал.

— Вы оба белки, и я думаю, что было бы лучше, чтобы это исходило от тебя, мой друг. Самким иногда бывает несносным, но у меня сердце не лежит бранить его. Предоставляю это тебе, если не возражаешь.

Дежурные по столовой начали собирать тарелки, кое-кто уже встал из-за стола. Бреммун резко постучал по столу деревянным черпаком:

— Одну минутку, друзья. Прошу внимания!

Разговоры мгновенно прекратились. Вставшие почтительно вернулись на свои места. Бреммун достал из-под стола стрелу, которую ранее принес ему Труг, и поднял ее так, чтобы все видели:

— Сегодня после полудня это было найдено в саду. Пусть тот, кто выпустил эту стрелу из лука, встанет и выйдет вперед!

Все присутствующие, скрипя деревянными скамейками, повернулись, чтобы посмотреть на две маленькие фигурки, направившиеся к столу от двери. Многие понимаяще закивали головами. Опять эти Самким и Арула!

Самким был крепким бельчонком, одетым в темно-зеленую тунику, на голове его красовался берет с заливчатским пером королька. С независимым видом Самким шел вдоль длинного стола, и, несмотря на серьезность, в его глазах играли озорные огоньки. Арула, молодая кротиха, семенила рядом с ним. У нее тоже были туника и берет, но ее маленькие круглые глазки были скромно опущены. Голова Самкима едва виднелась над столом, когда он предстал перед Бреммуном.

— Эта стрела моя. И стрелял тоже я. Арула тут ни при чем.

Кротиха покачала своей бархатной головой:

— Хо, нет, это я подговорила Самкима выстрелить. Это моя вина, Бреммун.

Голос старика был громким и строгим:

— Помолчи. Самким, это уже не в первый раз. Не так давно одну стрелу нашли торчащей из кухонной двери, другой стрелой было разбито окно в привратничкой. Позже жертвой твоей стрельбы из лука чуть было не сделался брат Хэл. Ты едва не попал ему в голову, одним дюймом ниже — и его бы не было сегодня среди нас. Теперь же настала очередь госпожи Иголки. Твоей шалостью почтенная ежиха была напугана до полусмерти. Что скажешь в свое оправдание, юный лучник?

Самким пожал плечами, словно бы сожалея о случившемся:

— Извините, я не хотел никого обидеть.

Бреммун обошел вокруг стола и приблизился к провинившемуся:

— «Никого не хотел обидеть»! Лук и стрелы — это оружие, а не игрушка! Но ты этого не понимаешь! Стреляешь, не задумываясь...

Арула прервала говорившего, указывая на себя:

— Это моя вина. Это я подговорила Самкима!

— Подожди, Арула, — отмахнулся Бреммун. — Аббатиса так расстроилась, что даже не может говорить с вами, мне пришлось взять этот печальный долг на себя. Вы оба, Самким и Арула, будете сидеть в изоляторе, пока не дождетесь новых распоряжений. Не сомневаюсь, брат Остролист отыщет вам дело — чистить котлы, застилать постели, мыть полы, — занятие найдется обоим. Еду будут приносить вам наверх, спать тоже будете в изоляторе, и ни при каких обстоятельствах не выходите оттуда до тех пор, пока аббатиса или я не решим, что вы можете присоединиться к остальным. В дальнейшем, Самким, если я когда-нибудь еще увижу тебя с луком и стрелами, ты будешь иметь большие неприятности.

Молчание повисло в Большом Зале, когда оба проштрафившихся пошли навстречу своей судьбе к брату Остролисту. Подобного рода наказания были большой редкостью в обычно мирно живущем аббатстве.

Бреммун вернулся на свое место и, наклонившись, прошептал аббатисе Долине:

— Я был не слишком суров с ними?

Аббатиса сложила лапы на коленях:

— Да, пожалуй. Ограничить их свободу стенами изолятора слишком жестоко.

Бреммун выглядел смущенным и неловко пожал плечами:

— Не беспокойся, я не стану держать их там долго. А ты обратила внимание на Арулу? Я едва сдерживал улыбку, она стояла на своем как камень и брала всю вину на себя.

Аббатиса сжала покрепче губы, чтобы не рассмеяться:

— Эти двое — настоящие друзья, хоть они и пара негодников. Молодежь вроде них всегда будет опорой нашего аббатства. Подожди, пройдет несколько лет — и они возьмут бразды правления в свои лапы и покажут пример всем.

Самким и Арула сидели рядышком на кровати, глядя на брата Остролиста. Пожилой лекарь откинулся в кресле и сухо хмыкнул:

— Вам еще повезло, что сегодня во время чая не было барсучихи. Вот тогда вы бы узнали, что такое настоящее наказание. Эти барсучихи очень строгие.

— А я думала, нам отрежут хвосты!

Остролист напустил на себя серьезный вид:

— Именно такими и бывали наказания в прежние времена... Вот стены, двери, шкафы и полки. Все это должно быть вычищено, простыни пересчитаны и сложены, разорванные ночные рубашки зашиты.

Мордочки наказанных вытянулись и из просто расстроенных превратились в мрачные. Весело рассмеявшись, Остролист поднялся и потрепал их по головам:

— Но все это мы начнем завтра. Сегодня можете отдохнуть. Жаль, что вам не разрешили выходить отсюда. Но зато если заглянете в большой шкаф, найдете там игру в камешки и желуди. А в моем маленьком ящике засахаренные орехи. Это поможет вам скоротать время до сна.

Самким в восторге потер лапки:

— Огромное спасибо, брат Остролист, ты настоящий друг. А в молодости ты любил пошалить?

Старик нарочито опасливо оглянулся и прошептал:

— Пошалить? Позволь мне сказать тебе, мой юный друг, когда я был еще совсем маленькой мышью, я был известен как Остролист Ужасный. Старый аббат Сакстус говаривал, что именно в моем поведении причина того, что у него поседели волосы и согнулась спина. А теперь я должен пойти взглянуть на свои травы в саду. Вы сумеете вести себя как следует, пока меня не будет?

Арула тем временем уже накинула чистую простыню себе на голову:

— Смотри, я буду снеговичком!

Пиккль Фолгер, с головой нырнув в свой заплечный мешок, исследовал все его уголки и вынырнул оттуда с одной-единственной овсяной лепешкой, которую торжественно показал Маре:

— Слышь, это все!

Крепкая молодая барсучиха ловко отняла у зайца лепешку.

— Перед тем как я пошла спать, в этой самой сумке было четыре такие лепешки. Ты просто-напросто противный обжора, ты их сожрал!

Пиккль прижал лапу к сердцу, на его морде было написано выражение полной невинности.

— Сожрал? И такие слова ты употребляешь в разговоре со мной, ты, мой верный спутник и товарищ моих юных дней? Съел, схрумкал, слопал, в конце концов. Но не сожрал, нет!

Мара разломила лепешку пополам.

— Слушай, старик, не пытайся заговаривать мне зубы. Ты обжора и всегда таким был!

Усмехаясь от уха до уха, Пиккль быстро умял свою половину.

— Вот и хорошо, правда всегда выйдет наружу, старушка! Слышь, домой мы попадем только к ночи. Представляю, какими словами встретит нас старый Урт.

— Уй, этот Саламандастрон! Хотела бы я вообще никогда не возвращаться в эту ужасную гору. Вечно тебя учат хорошим манерам, правильной осанке, всему тому, что должны знать барсуки. Держать комнату в чистоте, не сутулиться, делать так, делать сяк, не делать того, не делать сего. Надоело до последней полосочки! Есть же на свете места, где молодые могут делать, что хочется.

— Тогда пошли с нами.

Мара и Пиккль с удивлением оглянулись. Два молодых существа, горностаи и хорек, появились из-за дюны.

Словоохотливый Пиккль приветливо обратился к ним:

— Привет, ребята. Кто вы такие?

Горностаи в ответ тоже улыбнулись. Он выглядел очень красивым, таких ярко-голубых глаз Мара прежде не видела ни у кого.

— Привет! Меня зовут Клитч, а его — Гоффа. Мы идем из Юго-Западной Страны.

Мара внимательно рассматривала эту странную па-
рочку. Хорек выглядел довольно мешковатым, на нем
был длинный балахон. В руках хорек держал копье,
а к веревке, которая служила ему поясом, был при-
вязан кинжал. Юный же горноста́й был одет совер-
шенно иначе. Его одежда сидела на нем превосходно.
Состояла она из красивого желтого камзольчика, на
плетеном поясе висел короткий меч в ножнах. Кроме
того, на его лапе красовались два браслета из белой
кости. Короче, выглядел горноста́й очень нарядным.
Но Мару это нисколько не смущало, хотя они с Пик-
клем были в домотканых песочного цвета кафтанчи-
ках, которые носили все живущие в Саламандастроне.

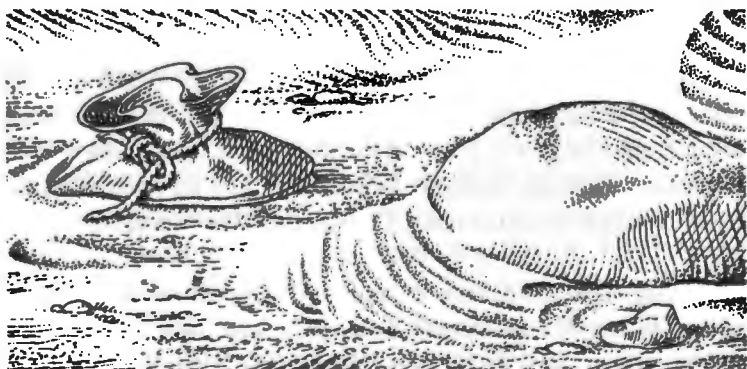
— Мое имя Мара, а это мой друг Пиккль Фолгер. Мы
идем с горы, на которой расположена крепость Саламан-
дастрон. Отсюда это почти целый день пути на север.

Клитч приветливо улыбнулся:

— Но вы не хотите возвращаться, да?

Мара встала и отряхнула с себя песок.

— Ну, мы можем ворчать и жаловаться, но все
равно всегда возвращаемся. Там наш дом, понимаете.

Скажите, а вы проделали весь этот путь с Юго-Запада по собственной воле?

Клитч и Гоффа переглянулись, затем горноста́й беззаботно пожал плечами:

— Да, более или менее. Мы всегда делаем то, что хотим, и идем туда, куда хочется. Правда, Гоффа?

Хорек оперся на копье и глубокомысленно кивнул:

— Точно!

— Но вы совсем молодые, прямо как мы, — преврал Пиккль. — Я хочу сказать, кто вам разрешает носить оружие, вот как сейчас?

Смех заискрился в голубых глазах Клитча.

— Мы ни у кого не спрашиваем разрешения, хотим носить оружие — и носим его, и плевать нам на всех.

Чем больше Мара слушала Клитча, тем в больший восторг она приходила.

Наконец он вытащил из ножен меч и ловко махнул им, отрубив головки двух одуванчиков.

— Черт подери, значит, вы из Саламандастрона! Это же язык можно сломать, что за название. Вот что я скажу, мы пойдем с вами. Мне хочется посмотреть на это место. По дороге вы нам о нем расскажете.

И без долгих разговоров путники пошли дальше вместе, болтая и смеясь. Клитч оказался замечательным рассказчиком и знал много интересных историй. Кроме того, он был прекрасным слушателем и уделял должное внимание тому, что Мара и Пиккль рассказывали о своем доме. Уделял столько внимания, что из рассказчика превратился в слушателя. Гоффа больше помалкивал.

Возвращение домой оказалось совсем не нудным в столь веселой компании. Тем не менее была уже ночь, когда они увидели большую гору.

Ветролапка, взрослая зайчиха, встретила их на берегу. Она кивнула двум незнакомцам и предостерегающе подняла лапу навстречу Маре и Пикклю:

— Мы уже собирались посылать поисковую партию за вами. Мара, ты выглядишь неопрятно. Где вы пропадали?

Пиккль махнул лапой:

— То там, то здесь, знаешь ли. Там и сям, как говорится...

Ветролапка суровым взглядом заставила его замолчать:

— Можешь рассказать об этом владыке Урту, юный Фолгер. Но сначала вы оба пойдете со мной. Вы сегодня ели?

Мара указала на горностая и хорька:

— Мы встретили друзей. Их зовут Клитч и Гоффа. Их тоже нужно покормить.

Ветролапка с сомнением покачала головой при мысли о том, что хорек и горностаи окажутся в стенах крепости. Она осмотрела их с ног до головы, потом хмыкнула:

— По крайней мере выглядят они голодными. Да и молодые еще. Ладно, идите за мной.

Клитч благодарно поклонился с улыбкой, которая могла бы очаровать кого угодно:

— Сердечно благодарю тебя, прекрасная госпожа.

Ветролапка хмыкнула, затем провела всю четверку через потайной вход.

— Столовая ниже, по тому коридору. На пороге увидите кувшин с водой и полотенце. Не забудьте вымыть лапы перед тем, как сядете за стол.

Клитч подмигнул своему приятелю:

— Да мы в жизни не сядем есть с грязными лапами. Правда, Гоффа?

Когда они поели, в столовую вошли Урт Полосатый и сержант Сапвуд. При виде двух хищников барсук стиснул зубы. Сапвуд заложил лапы за спину и задержал дыхание. Пиккль и Мара, опустив головы, уставились в свои уже пустые тарелки, боясь встретиться глазами с грозным взглядом барсука.

Демонстрируя свои безупречные манеры, Клитч поднялся и подтолкнул Гоффу, чтобы тот сделал то же самое. Когда горностай заговорил, его голубые глаза сияли всей искренностью, на которую он был способен:

— Владыка Урт Полосатый, я полагаю. Надеюсь, я вижу тебя в добром здравии. Меня зовут Клитч, а это мой друг Гоффа. Мы оба хотели бы поблагодарить тебя за чудесное угощение и сердечное гостеприимство.

Повисло долгое молчание. Урт странно смотрел на горностая, будто бы стараясь что-то припомнить. Пиккль выронил ложку, и звук дерева, ударившегося о камень, вернул барсука к действительности. Он вежливо склонил голову, как бы принимая благодарность Клитча, но когда заговорил, отвращение в его голосе было явным:

— Это моя гора, Клитч. Пока вы здесь, я должен относиться к вам как к гостям. Если вы закончили еду, мой сержант покажет комнату, где вы проведете ночь. Завтра после завтрака вам обоим придется оставить Саламандастрон. На дорогу вас снабдят пищей. Сейчас я желаю вам обоим спокойной ночи. Сержант!

Хмурый Сапвуд провел Клитча и Гоффу в их спальню.

Когда они ушли, барсук, скрестив лапы на своей мощной груди, обратился к Маре:

— Что скажешь в свое оправдание? Пропала, не сказав ни слова, на целых два дня. Теперь ты вернулась, приведя с собой в наш дом хорька и горностая!

Мара изумленно покачала головой:

— Зачем ты так грубо обошелся с ними? Они мои друзья...

Урт стукнул лапой по столу:

— Друзья? Хорек и горностаи не могут быть друзьями, это хищники. Хорьки, горностаи, ласки, крысы и лисы — главные виновники войн в Стране Цветущих Мхов. С кем они пришли? Где остальные члены их банды?

В разговор вступил Пиккль:

— Я что говорю, не волнуйся. Эти двое были одни, когда мы их встретили. Они путешествовали из юго-западных земель. Они такие веселые...

Рычание Урта прервало его речь.

— Замолчи, Фолгер! Когда я захочу узнать твое мнение, я к тебе обращусь. Ступай в свою комнату. Тебе пора бы вырасти и обрести повадки настоящего зайца.

Пиккль поспешно выскочил из-за стола, прекрасно зная, что спорить с барсуком, когда он разгневан, бесполезно. Слезы выкатились из глаз Мары и закапали на стол.

Барсук беспомощно вздохнул и покачал своей полосатой головой:

— Мара, малышка, не плачь. Извини, я не сдержался, но я думал, ты знаешь о наших врагах.

Всхлипывая, барсучиха вытерла лапами глаза:

— Не все они враги, но тебе нет до этого никакого дела. Ты даже не хочешь, чтобы я дружила с Пик-

клем. Иногда мне кажется, лучше умереть, чем жить взаперти в этой противной горе!

Урт вынул из кармана своего рабочего передника платок и мягко промокнул ее глаза.

— Не говори так, Мара. Ты — это все, что у меня есть, и когда-нибудь, когда меня не станет, управлять всеми делами этой противной, как ты говоришь, горы придется тебе. Я знаю, это нелегкая участь, но таков наш барсучий долг. Мы должны защищать Страну Цветущих Мхов и побережье. Только тогда добрые и честные звери, которым не довелось вырасти такими сильными, как мы, смогут жить в мире и счастье. Ты должна верить мне, малышка.

Мара выскочила из комнаты, крикнув на бегу:

— Я не знаю, чему верить! Я просто хочу жить там, где можно быть счастливой!

Урт сел за обеденный стол и закрыл глаза. Он так сильно сжал лапами столешницу, что на ней остались борозды от его когтей. Когда он открыл глаза, перед ним стоял сержант Сапвуд. Быстро овладев собой, Урт спросил чуть приглушенным голосом:

— Эти хищники надежно заперты на ночь?

— Да. Я сам повернул ключ в замке.

Глаза барсука превратились в две узкие щелки.

— Мне ненавистна сама мысль о том, что хорек и горностаи будут разгуливать ночью по нашей горе.

— Не беспокойся. Около двери я поставил двух часовых — Сережку и Бычеглаза. Даже если те двое как-нибудь ухитрятся выскользнуть за дверь, им не поздоровится.

Устроив свой сторожевой пост высоко среди камней и взгромоздившись там, Фидл изо всех сил ста-

рался не заснуть. То и дело поплеывая на лапы, он безжалостно тер ими глаза. Напряженно моргая, он таращился на дюны, боясь пропустить возвращение Клитча.

Фераго Убийца сидел отдельно от остальных, глядя на языки пламени разведенного костра и поигрывая золотым медальоном, который прежде принадлежал семейству барсуков. Понизив голос, Убийца обратился к жилистой водяной крысе, сидевшей неподалеку:

— Скажи, Гнилоух, а как ты узнал о горе?

— Я был пиратом и несколько раз видел ее, хозяин. Правда, издалека. Они называют ее Саламандастрон.

Фераго, задумчиво поглаживая медальон, повторил это название так медленно, словно в нем таилось для него какое-то очарование:

— Саламандастрон. Мне нравится, как звучит это слово. Саламандастрон. Но ты Расскажи мне все остальное, то, о чем я люблю слушать.

Гнилоух повторил все, что знал. С тех пор как он присоединился к банде, уже много раз он рассказывал это Фераго, втайне от остальных.

— Крысиные капитаны говорят, что внутри горы спрятаны несметные сокровища, так гласят старинные легенды. Крепость охраняется зайцами из Дозорного Отряда, а управляет там всем барсук. Так было всегда, по крайней мере насколько нам известно. Нынешнего правителя зовут Урт Могучий, это великий и бесстрашный воин.

Фераго придвинулся ближе к говорившему, в отблесках костра его голубые глаза горели своим собственным огнем, огнем жадности.

— Сокровища? Расскажи мне про сокровища!

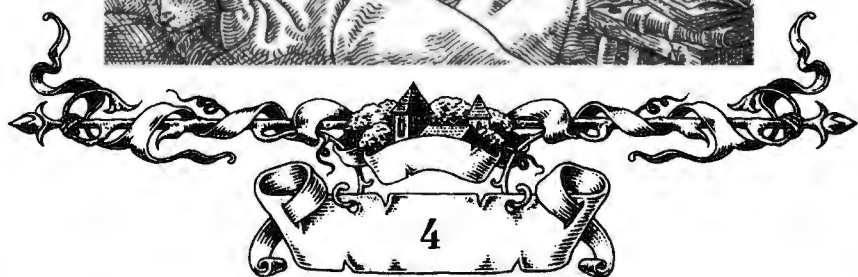
Гнилоух с трудом сглотнул, когда лапа Фераго сжала его плечо. И повторил то, что тот хотел слышать:

— Говорят, что великие барсуки никогда не расстаются со своим богатством. Имущество каждого из них, умирает ли он своей смертью или погибает в битве, переходит в общую казну, которая и спрятана где-то внутри горы. Там и заморский жемчуг, и разноцветные драгоценные камни, серебро, золото и медь, копья и разное другое оружие, все сделано барсуками в их кузнице. Там и боевые топоры, которые могут рубить камень, щиты необыкновенной красоты, мечи, лезвия которых режут сталь будто масло, в их рукояти вправлены драгоценные красные и зеленые камни, а хранятся они в необыкновенных по красоте ножнах...

Когти Фераго впились в плечо крысы. Гнилоух застонал от боли. Горноста́й резким рывком высвободил свои лапы из смятого меха. Фераго ухмыльнулся, его голубые глаза сияли в свете костра подобно глазам невинного ребенка.

— Извини, дружище. Мне следовало быть осторожнее. Лучшее лекарство — свежий воздух и что-нибудь отвлекающее. Ступай-ка к Фидлу и составь ему компанию на остальную часть ночи. Ступай!

Созовый рассвет бережно тронул стены аббатства как раз в ту минуту, когда Бреммун взбирался по ступеням в изолятор. Тихонько постучав, он вошел. Брат Остролист никогда не спал в постели, вот и сейчас он сидел в своем кресле, обложившись подушками, и следил, как за окнами занимается заря ясного летнего дня. Арула и Самким спали в кроватках. Бреммун показал на них и, понизив голос, заговорил:

— Доброе утро, брат. Как они сегодня?

Остролист зевнул и потянулся:

— Доброе утро, Бреммун. Посмотри сам. Вчера они работали допоздна, зашивая наво-

лочки и стирая ночные рубашки. Мне их даже жаль стало — они чуть не плакали перед сном от всей этой работы.

— Считаешь, с них достаточно?

— Гм! А ты как думаешь? — хмыкнул Остролист.

— Да, конечно, они были здорово наказаны. Когда проснутся, можешь сказать им, что они свободны. Понимаешь, из-за этого происшествия я чувствую себя просто ужасно. Надеюсь, что они извлекли урок из этой истории.

Остролист подышал на стекла очков, протер их и снова водрузил на кончик носа. Затем серьезно посмотрел на Бреммуна:

— Уверен, извлекли.

Окончательно сконфуженный, Бреммун на цыпочках вышел вон и осторожно закрыл за собой дверь.

Самким приоткрыл один глаз и издал приглушенный смешок. Брат Остролист грозно указал на него лапой:

— Эй, маленький лентяй, ты подслушивал!

— Я не подслушивал, я просто лежал и нечаянно все слышал.

Старик сокрушенно покачал головой:

— Не очень-то это полезно для молодежи, слушать, как старшие говорят неправду.

Самким спрыгнул с постели:

— А ты и не говорил неправду. Просто ты забыл о работе, которую задал нам вчера. Между прочим, есть засахаренные каштаны очень трудно — у меня до сих пор челюсти болят.

Тут в разговор вмешалась тоже давно проснувшаяся Арула:

— Да, да, ужасно трудно, как и играть в твои игры. Все эти камешки и желуды такие тяжелые!

На мордочке Остролиста промелькнула улыбка, а потом он разразился веселым смехом. Арула же и Самким просто катались по полу от хохота:

— У старика Бреммуна было такое лицо! Ха-ха-ха! Как у лягушки, проглотившей камень!

Единым духом пробежав всю лужайку, мышонок догнал аббатису Долину у самой сторожки:

— Матушка, а когда у нас будет День Названия?

Долина в отчаянии возвела очи горе:

— Думбл, когда ты перестанешь мне докучать? Я еще даже не завтракала, а на голодный желудок плохо думается.

Мышонок ухватил аббатису за платье и захныкал:

— Скажи скорей, когда будет День Названия, а то Думбл покраснеет и станет плакать!

Из сторожки, прихрамывая, вышел Тодд Иголка и потряс в воздухе своей тростью:

— Кто это здесь плачет? Что с тобой случилось, малыш?

Аббатиса пыталась вытянуть из лапок мышонка подол своей сутаны.

— Вообрази только, Тодд, этот маленький хулиган требует, чтобы я назначила День Названия, а то он, видите ли, начнет плакать.

Старый еж подбросил вверх свою трость и легко поймал ее.

— А что, совсем неплохая идея. Матушка, назначь поскорее День Названия, а то я, пожалуй, присоединюсь к Думблу. Ты еще не слышала, как я умею плакать.

— Постыдись, Тодд. Я ведь еще даже не придумала подходящего названия для нынешнего лета.

Думбл снова ухватился за подол ее сутаны:

— Думай поскорее, матушка Долина!

Аббатиса снова принялась терпеливо высвобождать свой подол.

— Лето Надоедливого Мышонка, вот как мне сейчас хочется назвать это лето!

В дверях сторожки показалась ежиха:

— Лето Негодника Лучника, по-моему, подходит куда больше. Я имею в виду этого сорванца Самкима!

Медленно переваливаясь на ходу, к ним подходили Труг и его сестра Труган, волоча за собой сеть с только что выловленными рачками. Труг гордо приподнял ее:

— Вот, выловили на рассвете в нашем пруду. Если добавить перцу и несколько головок камыша, выйдет отличный суп. Никогда не видел столько рачков в нашем пруду, как в это лето. Думаю, старушка форель перестала их есть, она стала слишком толстая и ленивая. Смотрите-ка, вон она!

Старая форель шумно выпрыгнула на поверхность. Все направились к пруду, Тодд шел, слегка опираясь на трость.

— Должно быть, эта рыбешка старше меня. Я еще пешком под стол ходил, а она была уже взрослой рыбиной.

Они постояли на берегу пруда. Прямо на поверхности воды плавала огромная форель и смотрела на всех выпуклыми глазами, то открывая, то закрывая рот. Труг потряс перед ней сетью с рачками:

— Смотри сюда, мы выловили всех твоих рачков.

Форель выпрыгнула из воды и шумно плюхнулась обратно.

Думбл высунул язык и показал ей нос:

— Старая лентяйка!

Ежиха вынула из кармана передника кусочек пудинга и сунула его малышу в рот:

— Пусть это будет Лето Ленивой Форели!

Аббатиса улыбнулась:

— Право, не знаю, дорогая, нравится ли мне это название. Обычно мы называем сезоны по названию какого-нибудь дерева или цветка. Лето Ленивой Форели, гм, несколько необычно, но за неимением лучшего, пожалуй, подойдет. Когда вы хотели бы провести этот День?

— Завтра! — раздался общий крик.

Вскоре после завтрака новость облетела все аббатство. Молодежь играла и веселилась у южной стены, вместе со всеми прыгали Самким и Арула.

— Ура! Завтра День Названия!

— Праздник! У нас будет праздник!

Думбл повел друзей на прогулку вдоль бастионов, и все они напевали традиционную для этого Дня песенку, которую полагалось петь в предвкушении пира:

— Угощение и веселье!

Почему? Почему?

Пой, пляши и объедайся!

Потому! Потому!

Потому что День Названия —

Приходи, сестра и брат!

Исполняются желанья —

Всякий будет сыт и рад!

А за стенами аббатства прятались еще двое, до которых донеслись звуки праздника. Это были Битоглаз и Тура, две ласки, дезертировавшие из армии Фераго несколько недель назад. В данный момент они лежали

в канаве с противоположной стороны дороги, огибавшей западную стену. Дни и ночи, проведенные в скитаниях по западным землям, попрошайничество и воровство наложили свой отпечаток на их и без того изможденные морды. Битоглаз спал, разморенный теплым утренним солнышком, и снились ему жареное мясо и красное вино. Как раз в эту минуту Тура растолкал его:

— Ты что-нибудь слышишь, чудила?

Битоглаз проснулся и сел. Протер рваным рукавом глаза и, склонив голову набок, принялся прочищать ухо. Прислушавшись, он усмехнулся и принялся в так пению размахивать лапой:

— Да-а-а-а, точняк. Похоже на старомодные стишки.

Тура сидел и жевал стебелек травы. В животе у него громко бурчало, он скроил рожу и сплюнул:

— Какой-то тип бьет в колокол, и молодые глотку дерут. Как, по-твоему, называется это место?

— Это аббатство.

— Батство? Что еще за батство?

— Аббатство! Понимаешь ты, куриные мозги, аббатство. Кажись, называется оно Красный Потолок или что-то в этом роде. Я слышал о нем от лисы.

— Да ты ни одной лисы не знаешь, оборванец. А если и знаешь, то они не хотят с тобой знаться. Батство Красный Потолок, фу ты ну ты!

Тут Битоглаз прыгнул на него и зажал ему лапой пасть:

— Заткнись. Сюда кто-то идет.

По тропинке шли несколько кротов под начальством старшего, которого так и звали Кротоначальник. Выглядывая из канавы, ласки внимательно наблюдали за процессией.

— Урр, доброе утро тебе, Самким, и тебе, Арула. Будьте добреньки, отворите нам ворота, — проговорил Кротоначальник.

Те, кого он назвал, прыгнули с западной стены на ступеньки и побежали отворять ворота. Как только кроты по одному стали исчезать за ними, Битоглаз толкнул под локоть Туру:

— Айда за ними, чудила! Пошли и мы. Давай прикинемся, что мы тоже кроты, прицепимся к ним и пройдем за ворота.

Перебежав через дорогу, они присоединились к процессии.

Так с опущенными головами они и попали прямо в лапы Труга. Тот схватил обоих за загривки:

— Ну-ка стой! Куда это вы направляетесь?

Битоглаз упал на землю и, ухватив Труга за лапу, завыл:

— У-у-у, мы несчастные. Пусть удача ходит за вами по пятам, если вы проявите жалость к двум путникам, переживающим трудные времена.

Тура тут же присоединился к своему приятелю и ухватил Труга за другую лапу:

— Будь милостив к нам. Сжальтесь над двумя голодными и несчастными созданиями.

Труг не мог даже шевельнуться, он скрестил на груди лапы и обратился к Самкиму, пытаясь перекрыть завывание двух оборванцев:

— Беги за аббатисой. Живее!

К тому времени, когда прибыла аббатиса, обе ласки валялись ничком на лужайке и немилосердно причиняли. Долина решительно подняла лапы вверх:

— Тише! Прекратите завывать. Вы же не ранены!

Битоглаз казался безутешным, он рвал траву и сыпал ее себе на голову, потом принялся царапать лапами землю, отрывисто рыдая:

— Не ранены? Ах, добрая госпожа, если б ты только знала. Двух голодающих, больных и хромых, лапы которых стерты до костей, называешь не ранеными. О голодные дни и холодные дождливые ночи, когда у нас не было даже дырявого коврика, чтобы прикрыть голову от грома и молнии.

Самким и Арула не могли удержаться и не захихикать над этой трагикомической сценой. Аббатиса еще раз суровым взглядом призвала пришельцев к молчанию.

— Если хотите остаться в аббатстве, вы должны немедленно прекратить это безобразие.

Битоглаз и Тура тут же замолчали и сели прямо.

— Говоришь, что мы можем остаться?

— И что мы будем распевать эти ваши стишата и что нам дадут чего-нибудь пожрать... я хотел сказать — поесть?

Аббатиса кивнула:

— Аббатство Рэдволл — это место мира и благоденствия, но пока вы здесь, вы должны соблюдать наши правила: жить в мире со всеми окружающими и помогать больным, пожилым и детям. Кроме того, вы никогда не должны поднимать на кого-либо лапу. Мы — мирные жители, мы возделываем землю, и она щедро платит нам за это. Если будете придерживаться наших законов, можете остаться здесь, среди нас.

Тодд бросил на аббатису сомневающийся взгляд:

— Что ты надумала? Лично я и смотреть не хочу на эту парочку.

Кротоначальник поддержал мнение товарища:

— Они выглядят отъявленными разбойниками!

Аббатиса задумчиво погладила подбородок:

— Я вас, кажется, понимаю. А что скажет Бреммун?

Будучи все еще под впечатлением своей суровости по отношению к Самкиму и Аруле, старик неуверенно пожал плечами и сказал:

— Ну, по-моему, они выглядят довольно жалко. матушка, но решение за тобой.

Голос Битоглаза дрогнул от избытка чувств, он в отчаянии затряс лапами:

— Решение за тобой. Да, госпожа, за тобой. Прикажи вышвырнуть нас вон, обратно в жестокий мир. И больше никогда два несчастных страдальца не станут мозолить тебе глаза и пачкать ваши лужайки.

Несмотря на устрашающие размеры, у Труга было чувствительное сердце, и он громко всхлипнул:

— Не говори так, приятель. У нашей аббатисы сердце не из камня.

Его слова, казалось, заставили аббатису переменить мнение, и она решительно кивнула:

— Ладно, можете остаться. Но помните: пока вы гости нашего аббатства, вы должны вести себя как положено, следить за своими манерами и не распускать лапы. Вам все ясно?

Битоглаз и Тура вырвались из сильных лап охранников и, упав на четвереньки, принялись целовать подол аббатисы.

Стараясь не морщиться от отвращения, она их оттолкнула:

— Самким и Арула, у меня есть для вас работа. Эти двое поступают под вашу ответственность. Если понадобится помощь, обратитесь к Тругу или Кротональнику. Боже мой, как бы я хотела, чтобы в аббатстве

опять жила барсучиха. Ладно, пора за работу, друзья. Если хотим, чтобы завтра у нас получился удачный День Названия, нам предстоит еще многое сделать!

Когда все стали расходиться по своим делам, бельчонок и юная кротиха представились:

— Меня зовут Самким, а это Арула.

— Завсегда приятно познакомиться, молодежь. Я Битоглаз, а это мой приятель — чудила Тура. Ладненько, где мы будем хавать и дрыхнуть?

Запах двух немытых тел заставил Арулу поморщиться.

— Нет, нет, пока еще рано есть и спать. Обычно мы помогаем на кухне варить и жарить.

Тура просветлел при упоминании о пище:

— Идет, варить и жарить, это мне нравится.

Самким немного побледнел. До него тоже дошел неприятный запах, исходящий от двух ласок, и он схватил их обеих за лапы:

— Не так быстро, друзья. Сначала нужно принять ванну и переодеться.

Битоглаз и Тура в ужасе попятились.

— Ванну? Ну уж нет, чудила. Это вредно.

— Битоглаз прав, молодежь. Ванна — это просто смерть для нас.

Самким заговорчески подмигнул Тругу и Кротона-чальнику:

— Может, сводите наших друзей к пруду? Летом там замечательно.

Самким и Арула сидели на траве вместе с Битоглазом и Турой, весело хихикая над их рассказами о зверствах, которые тем пришлось перенести со времени их прибытия в аббатство.

— Клянусь всем, чем хотите, чудилы, не знаю, что хуже: голодать и скитаться или когда тебя топят в треклятой воде в этом, как его, батстве. Жестокая тут у вас жизнь, доложу я вам.

— Можете называть это гостеприимством, но когда огромная водяная собака волочет тебя в мокрую воду, напихав сначала полный нос мы-

ла, а в этой воде прыгает какое-то чудище, нет, это не может понравиться.

— Точняк, чудила. И не будь я лаской, если не помру к ночи от простуды из-за этой воды.

Тура вздрогнул и поплотнее закутался в чистую, но изрядно поношенную курточку, которую его заставил надеть Кротоначальник.

Битоглаз сунул лапу в ухо, чтобы вычистить застрявшее мыло:

— Ффуу! Мало этого, так они еще сожгли нашу прекрасную одежду. Я вам так скажу, это первая ванна, которую я принимал в своей жизни, но и последняя тоже. Благодарю покорно.

А потом нас поставили чистить сковородки. Это было ужасно, просто невыносимо, скажу я вам. Два таких благородных господина, как мы, стоят в дурацких курточках и скребут черные сковородки и старые кастрюли. Хорошо, хоть разрешили посидеть на свежем воздухе. Я был близок к тому, чтобы броситься в грязную воду в раковине и насовсем покончить с этой несчастной жизнью.

Труг подошел к собравшимся и сразу обратился к обоим ласкам:

— Ладненько, приятели, перерыв окончен. Пошли обратно на каторгу, миленькие!

Из груди Туры вырвался стон отчаяния.

— Я и так едва жив, чудила. Эта вода действует мне на мозги. И не только на мозги, но и на лапы тоже. Пожалуйста, больше никаких горшков и сковородок!

Битоглаз трепыхался в крепкой хватке Труга:

— Если я умру, чудила, то, прошу тебя, поставь на моей могиле горшок и сковороду, дабы все знали, что послужило причиной моей смерти.

Самким вступился за своих приятелей:

— Пусть посидят еще немножко, Труг. Они и так уже похожи на два выжатых лимона. Ой, смотрите, сестра Настурция идет!

Сестра Настурция была полной и очень доброй мышью, которую вся молодежь любила за ее веселый и легкий нрав. Все сразу потеснились, освобождая ей место.

Самким стал упрашивать ее спеть, поскольку Настурция была знаменита своим мелодичным голосом:

— Сестра, двое этих бедняг никогда не слыхали, как ты поешь. Пожалуйста, спой для них что-нибудь.

Она добродушно рассмеялась:

— Это не они, а ты хочешь послушать, как я пою. Бельчонок покраснел:

— Сестра, мы все хотим тебя послушать.

Настурция не заставила себя долго упрашивать:

— Приплелся странник в холода,
Устал он и шатался —
Сам по себе пришел сюда
И Мартином назвался.
Воитель славный Мартин
Принес свой ржавый меч,
Дабы Страну Цветущих Мхов
От гибели сберечь.
Жестокий враг в ту пору
В округе страх нагнал —
Он в каждый дом и нору
Свой коготь запускал.
Не убоявшись стали,
Все звери поднялись —
И с Мартином восстали
И биться принялись.
Воитель славный Мартин
Достал свой грозный меч,

Дабы Страну Цветущих Мхов
От гибели сберечь.
И в лес пришла свобода,
И с Мартином тогда
Здесь наступили годы
Покоя и труда.
Построил он аббатство,
Наш Рэдволл, — потому
Свободой наше братство
Обязано ему.
Воитель славный Мартин,
Благодарим твой меч,
Который некогда помог
Покой и мир сберечь!

Конец песни подхватили все вместе веселым хором. Эхо, отразившись от стен родного дома, унеслось в небеса. Битоглаз и Тура, неожиданно для самих себя, запели вместе со всеми, потом переглянулись в изумлении:

— А мы-то чего? Мы даже не знаем, кто такой был этот Мартин.

— Ладно, кто бы там он ни был, могу поспорить, что горшки на кухне он не чистил. Не думаю, что они ему говорили: «Эй, ты там, с верным мечом, ступай-ка почисть сковородки».

Самким стал объяснять ласкам, кто такой был Мартин:

— Мартин Воитель — это символ нашего аббатства. Он жил много лет назад.

Битоглаз беспечно махнул лапой:

— Так он, оказывается, мертвяк. Неудивительно, что никто не заставляет его чистить горшки.

Труг ухватил Битоглаза за ухо:

— Будь добр, отнесись к этому с уважением. Мартин — Хранитель нашего аббатства.

Сокрушенно потирая занывшее ухо, Битоглаз стал жаловаться:

— Откуда мне было знать? Кроме того, если кто мертвяк, то мертвяк, и дело с концом.

Сестра Настурция потрепала его по спине:

— Ты не понимаешь. Мартин умер много лет назад, но дух его живет в каждом камне Рэдволла и в сердце каждого из его обитателей. Может быть, сейчас мы его не видим, но это потому, что теперь настали мирные времена. А когда нашему аббатству грозит опасность, некоторые из нас его видят, и он вдохновляет их на великие подвиги.

Тура почесал в голове:

— А ты когда-нибудь видела своего Мартина?

На минуту вдруг воцарилось молчание, и все усталились на Настурцию. Казалось, она дремлет. Ее широко открытые глаза были устремлены на красный камень стены напротив нее, и она вдруг медленно заговорила. Этих слов никто прежде не слышал.

— Я лишь тень, что в саду оставляет неясный след,
Прах ушедших сезонов на плитах.

Лапы мои легки, словно лунный свет,

В памяти я живу чертогах укрытых.

В шепоте ветра можно меня услышать,

Можно увидеть в бледном рассветном луче,

Если пламя беды начнет полыхать,

Вспомни меня, вспомни о грозном мече.

И тогда я встану рядом с тобой

И великую силу в тебя вдохну —

Силу, с которой в берег бьется прибой, —

Дабы встал ты с оружием на бой за свою Страну.

И будет тогда враг тобой побежден,

И скажут тогда о тебе:

«Воителя лапой тронут он».

Жди. Я найду тебя. Доверься судьбе.

В странной тишине, которая настала после этих слов, раздался тонкий голосок Думбла:

— Я что-то ничего туточки не понял, сестра.

Настурция заморгала, глаза ее приобрели нормальное выражение, и она вздрогнула:

— То же можно сказать и про меня, Думбл. Не понимаю, что заставило меня произнести эти строки, прежде я никогда их не слышала. Это было... как будто говорил кто-то другой, а не я.

Брат Остролист, который тоже сидел поблизости, быстро вскочил на ноги:

— Ты могла бы еще раз прочесть это стихотворение, сестра? Подожди только, пока я схожу за пером и пергаментом. Мой долг летописца велит все это записать.

Настурция покачала головой:

— Странно, я не помню ни одного слова. Боюсь, все стихотворение улетучилось у меня из памяти. Странно! Как будто кто-то другой владел моим языком, да и разумом тоже.

Тут подошел запыхавшийся начальствующий брат Ревунчик. В руках он держал черпак.

— Пойдемте, пойдемте. День Названия уже завтра. Ни одно блюдо само не приготовится. Мойте лапы — и за дело!

Послышалось несколько недовольных стонов, но почти все пошли работать охотно. Битоглаз и Тура были, разумеется, среди стонущих.

— Ух, хотел бы я научить все эти сковородки самим себя мыть.

Уточку раньше тем же утром мрачная пелена повисла над крепостью Саламандастрон. Мара подольше повалялась в постели и встала только перед самым завтраком. Когда она вошла в обеденный зал, то увидела Урта Полосатого, который сидел на своем обычном месте — на большом стуле между сержантом Сапвудом с одной стороны и Бычеглазом с другой. Мара вошла бочком и усеялась в дальнем конце стола рядом с Пикклем, Клитч и Гоффа сидели рядом с ней с другой стороны. Сегодня завтрак проходил в мрачной обстановке, и молчание висело над собравшимися.

Клитч наклонился к Маре, лукавые голубые глаза, которые он унаследовал от своего отца Фераго, лучились сочувствием.

— У тебя неприятности, случайно, не из-за нас с Гоффой, а?

— Совсем нет, Клитч. Просто я устала оттого, что со мной обращаются как с глупым несмышленищем.

— Твой отец кричал на тебя? — спросил Гоффа.

Пиккль очищал свою миску корочкой хлеба.

— Он ей не отец.

Клитч украдкой бросил взгляд на Урта:

— Тогда почему Мара должна делать то, что он велит? Мы с Гоффой делаем что хотим, и никто нам не указ.

Урт сидел, уставившись в свою тарелку с нетронутым завтраком. Мара даже не подошла сегодня утром к нему поздороваться.

Глубокий вздох вырвался из груди барсука:

— Сапвуд, видеть не могу этих двоих за моим столом. Дай им провизии на дорогу, и пусть убираются прочь из моей горы.

Заяц выпрямился и отдал честь:

— Я лично провожу их до дверей.

Сорок бойцовых зайцев, которые постоянно жили в Саламандастроне, в молчании проводили взглядами Сапвуда, когда он шел к двум гостям.

— Вы уже закончили с завтраком? — обратился он к ним.

— Да, закончили.

— Отлично, тогда следуйте за мной к выходу.

— К выходу? — Мара умоляюще положила свою лапу на лапу Сапвуда. — Но это мои друзья, сержант!

Сапвуд стоял, стараясь не встречаться с ней взглядом:

— Владыка Урт сказал, что им пора идти. Не беспокойся, им дадут по мешку с провизией и отпустят в целости и сохранности. А теперь следуйте за мной, вы двое. И поживее.

Гоффа и Клитч поднялись, горностаи сокрушенно улыбнулся Маре:

— Желаю вам счастья с вашим Уртом в Полосочку. До свидания, Мара. Может, мы еще когда-нибудь встретимся.

Пока сержант вел пришельцев к выходу, Мара не смогла выдержать напряжения. Она знала, что Урт любит ее и заботится о ней, и так же относилась к нему. Но сейчас он повел себя как диктатор, управляя ее жизнью и диктуя ей, как она должна себя вести. Это было уже слишком! Не думая о том, что творит, Мара вдруг услышала собственный голос, гневно обращающийся к Урту:

— Прекрасно, выгоняешь моих друзей. Это ведь твоя гора. Ты всегда поступаешь как хочешь, и каждый должен тебя слушаться!

Зайцы даже подпрыгнули на своих сиденьях, когда барсук с бешеной силой стукнул лапой по столу:

— Мара, ступай к себе в комнату!

Но Мара и так уже вскочила с места и опрометью бросилась вон из зала, поняв, что должна сейчас сделать.

— Не пойду я к себе в комнату! Я уйду отсюда вообще и пойду с моими друзьями. Ты не сможешь остановить меня!

Ветролапка, подняв лапу, хотела было остановить ее, но Урт покачал головой:

— Пусть идет.

Пиккль бросился за своей подругой:

— Мара, подожди, слышь, я с тобой!

Когда они вышли, Сапвуд вернулся на свое место. Заяц испытующе посмотрел на Урта:

— Вернуть их?

Барсук отвел взгляд от пустого стула Мары:

— Не надо, я должен ее отпустить. Ей не нравится с нами.

Тогда встал Бычеглаз:

— Прошу прощения, владыка. С твоего разрешения, и даже без него, мы с сержантом пойдем за ними. Проследим, чтобы ничего не случилось. Хорошо?

Урт пожал им обоим лапы:

— Спасибо, друзья.

Взяв из оружейной по легкому копыю, Сапвуд и Бычеглаз легким размашистым шагом отправились по следу Мары и Пиккля. Барсук пошел в свою кузницу. Весь долгий день гора содрогалась от мощных ударов кузнечного молота, которым барсук выковывал горячий красный металл до толщины сухого листа.

Спрятавшись между дюнами, с юга подступавшими к Саламандастрону, Клитч и Гоффа следили за приближением Мары и Пиккля.

Клитч подтолкнул локтем своего напарника:

— Они будут здесь с минуты на минуту, поэтому слушай. Не говори ни слова, предоставь это дело мне. Мой план должен сработать.

Гоффа погладил два туго набитых мешка с провизией:

— Твой отец будет другого мнения. Два мешка с едой — это не сокровища барсуков, так? — И он тут же сморщился, потому что получил удар по ребрам.

— Если бы мозги были желудями, ты был бы мертвым дубом. — В голосе горностая чувствовалась

злая насмешка. — Мы побывали внутри горы, все увидели своими глазами, узнали, что там находится сорок бойцовых зайцев и Урт Полосатый и что они там живут не просто так. Пусть мне оторвут хвост, если они не охраняют там сокровища. Я предложу Фераго новый ход: я приведу ему заложницу — маленькую Мару, драгоценную дочку Урта. Мы могли бы обойтись без этого зайца Пиккля, но если он ей так нужен, то пусть. Чем больше, тем лучше!

Догадка засветилась в глазах Гоффы.

— Клянусь лапой, ты чертовски умный малый, Клитч!

Не отводя глаз от приближающихся беглецов, молодой горностаи продолжал шептать:

— Правильно, Гоффа, я очень умный. Я много умнее, чем Фарран, Детбраш, Мигро или любой другой из банды отца. Поэтому Фераго и позволяет мне шпионить для него. Но вот чего он не понимает, так это того, что стареет, а я остаюсь молодым.

Когда Мара и Пиккль взобрались на холм, Клитч разыграл полнейшее удивление. Он повернулся к ним, его голубые глаза счастливо блеснули:

— Мара, Пиккль! Что вы здесь делаете?

Пиккль смешно выставил вперед свои длинные уши:

— Привет, парни! Я что говорю, явились два рекрута для вашей бродячей банды!

Мара согласно кивнула, ее лицо светилось радостью обретенной свободы:

— Я наконец сделала это — оставила Саламанда-строн навсегда! Как видите, и Пиккль ушел со мной. Он мой единственный друг.

Клитч тепло пожал ее лапу:

— Не единственный, теперь у тебя есть еще два преданных друга, я и Гоффа.

Мара оглянулась — Саламандастрон все еще виднелся вдаль, высокий и угрюмый в это утро. Оглядевшись вокруг, барсучиха даже вздрогнула от восторга. За поросшими травой холмами она видела вдаль высокие горы, невообразимо красивые на фоне высокого неба. Ее сердце пело от радости безграничной свободы.

— Это ли не счастье, Клитч! Мы свободны!

Гоффа скорчил гримасу и усмехнулся:

— А где ваша еда?

Пиккль рассмеялся и раскинул лапы:

— Спросите Мару-беглянку. Она так торопилась за вами, что не захватила с собой даже корочки хлеба.

— И вы с собой ничего не взяли? — Вид у Клитча стал озабоченным.

Мара безмятежно махнула лапой:

— Ни лепешечки. Все равно, найдем, наверное, что-нибудь.

Гоффа потряс копьём:

— Ты хочешь сказать, что вы не взяли даже оружия?

Пиккль сел и стал ловить кузнечиков в песке.

— Кому тут нужно это оружие? Я что говорю, врагов тут нет и сражаться не с кем.

Голубоглазый горноста́й сел рядом с ним:

— Никогда не знаешь, что может случиться. Мара, а у тебя нет ничего такого, чем ты могла бы подкупить незнакомцев, например какого-нибудь сокровища барсуков?

— Сокровища барсуков, о чем ты говоришь, Клитч? — Мара была озадачена.

Горноста́й пожал плечами, будто речь шла о каком-нибудь пустяке:

— Ну, ты знаешь, какие-нибудь золотые или серебряные побрякушки, может, медальон или что-нибудь в этом роде. Я думал, у барсуков всегда припрятаны сокровища.

Мара задумчиво поскребла свои полосочки:

— Никогда не слышала о сокровищах в Саламандастроне. А ты, Пиккль?

— Нет, ни словечка, ни полсловечка!

Клитч криво усмехнулся:

— Могу поспорить, старый Урт что-нибудь припрятал, но не говорит об этом тебе, Мара. Я думаю, он считает эти сокровища только своими и не хочет, чтобы ты даже краем уха слышала что-нибудь про них. Он считает тебя слишком маленькой. Но простите меня, вы, должно быть, проголодались. Мы поделимся с вами нашими припасами. Давайте перекусим — вы сегодня первый день на свободе.

Они достали из своих мешков лепешки, сыр и яблоки.

Пиккль набросился на еду со своим обычным аппетитом:

— Вот это я понимаю, друзья! А ты что скажешь, старушка?

Мара ответила приглушенным голосом, так как ела яблоко:

— Ты прав, Пиккль. Но кое-что заставило меня задуматься. Все эти запреты входить к нам в гору. Может, Урт и в самом деле что-то там прячет. Наверняка сокровища.

Они не заметили многозначительного взгляда, которым обменялись Клитч и Гоффа.

Нриглушенный звон колокола Джозефа возвестил о наступлении сумерек. Аббатиса Долина как раз собиралась постучать в дверь сторожки, когда та открылась сама собой. В дверях, приложив палец к губам, стояла Вера Иголка.

— Тише, маленький Думбл сегодня спит здесь. Я только что его уложила. Пойдем прогуляемся по саду. Там мы сможем побеседовать без помех.

Аббатиса потянула носом посвежевший воздух, потом взглянула на небо:

— Завтра на День Названия погода должна быть отличная. Как идут приготовления?

— Все идет своим чередом. Не могу не похвалить Самкима и Арулу, они сегодня были прямо-таки славными ребятками. Так помогали брату Ревунчику, что можно подумать, родились на кухне.

— Приятно слышать о них добрые слова.

— А какого ты мнения об этих двух ласках?

— Ты имеешь в виду Битоглаза и Туру? Я бы не стала беспокоиться о них, матушка Долина.

Аббатиса повела свою приятельницу по тропинке, бегущей вокруг пруда.

— Надеюсь, ты права, Вера.

На первом этаже общей спальни горел свет. Брат Остролист, сестра Настурция и выдра Труган сидели на краю одной из кроватей. Вокруг них, прямо на полу, завернувшись в одеяла, расселась молодежь аббатства. Самким и Арула привели с собой двух ласок.

Арула шикнула на них:

— Тише, сейчас будем слушать интересные истории.

Брат Остролист наклонился вперед, вглядываясь в мордочки своих слушателей, и перешел на тихий шепот:

— Кто-о-о хо-о-очет слушать исто-о-ории?

Молодые захихикали и стали взволнованно подталкивать друг друга локтями:

— Мы-ы-ы хотим слушать исто-о-ории!

Смотритель изолятора повел рассказ:

— Когда в ночи гаснут лучи
И ветер песню заводит,
Когда все спят, в густой снегопад,
По Рэдволлу призрак бродит...

Один из кротят жалобно пискнул и, задрожав, спрятался под одеяло:

— Бррр, я ужасно боюсь призраков.

Толстенький выдренок присоединился к нему:

— Я тоже боюсь. Давай возьмемся за лапки. Тогда нас никто не схватит.

Когда снова воцарилось молчание, Остролист продолжил:

— В рубище грубом, цыкая зубом,

Бродит, охоту верша.

Дверь приоткрое, голодно воет:

«Съем я сейчас малыша!»

Мышата запищали и нырнули под кровать. Зубы Туры вдруг нервно застучали о край стакана, когда он попытался выпить немного напитка.

— Я т-т-так рад, что уже не молоденький и совсем не вкусный.

Битоглаз громко треснул его по голове и рявкнул:

— Замолчи и не мешай слушать!

Рассказчик продолжал свою кошмарную историю:

— И вот как-то ночью холодной,

Под бури грохот и гул,

Явился призрак голодный

И в спальню сюда заглянул.

Но встал тут мышонок и крикнул ему,

Тоже бледный, как призрак могил:

«Зачем тут бродишь и воешь во тьму?

Зачем ты меня разбудил?» —

«Я съем тебя!» — призрак напал на него.

Мышонок откликнулся: «Дудки!

Я — Мартин, Хранитель аббатства сего.

Оставь неуместные шутки!

Я — Мартин Воитель, проваливай прочь!

Имею я силу и честь!

Проваливай лучше в безлунную ночь —

И нечего маленьких есть!»

Из-под кровати слышалось радостное повизгивание:

— Ура! Это старина Мартин! И что он сделал, брат?

Остролист поднялся, вынул из рукава длинный черпак и взял его так, будто это был меч.

— И поднял Мартин ржавый меч,
Пошел на супостата,
Чтоб на куски его рассечь,
Как свеклу для салата.
Отсек он уши, срезал нос,
И глаз врагу подбил,
И голову поганцу снес —
В капусту изрубил.

А затем и говорит призраку:

— Не знаю я, что ты за зверь, —
И не желаю знать.
Поди-ка сшей себя теперь,
А я намерен спать!

Аплодисменты и радостный смех заглушили конец истории о призраке в Рэдволле. И уже все настроились слушать следующую историю, когда Труган шаловливо провела корочкой хлеба по колену Битоглаза и завывла:

— У-у-у, посмотри-ка сюда, это хвост призрака.
У-у-у-а-а-а!

Насмерть перепуганный, тот перекатился через Туру и вскочил. Прошло некоторое время, до того как смех утих и порядок был восстановлен. Битоглаз все еще скреб пол лапами и продолжал нервно смеяться:

— Ха-ха, вовсе и нет никакого хвоста, это была шутка.

Тура схватил с полу корочку, затем легонько потрепал Битоглаза за ухо:

— Был, был хвост, дурья ты башка. Просто он исчез. У призрака хвост может исчезать, точняк!

Битоглаз еще раз осмотрел пустой пол и пожал плечами:

— Очень нужен мне этот Рэдволл, или как его там.

Вдруг сзади послышался чистый голос сестры Настурции. Она сидела, не сводя глаз со стены, и пела:

— Аббатство, бди — жди впереди,
На стыке дня и ночи
К стене бастиона встань
И, напрягая очи,
Ты с молнией мой меч скрести,
Чтоб Барсуку помочь
И вновь, как прежде, обрести
Защитницу и меч.

В ту же минуту воцарилась тишина. Брат Остролист дернул Настурцию за рукав, но она продолжала сидеть неподвижно, будто в трансе.

— Сестра, что это было? С тобой все в порядке?

Настурция заморгала и огляделась:

— Боже мой, опять! Что я тут наговорила? Что-нибудь ужасное?

Труган заботливо обняла ее за плечи:

— Нет, нет, сестра, ничего. Просто обрывок какого-то старого стихотворения. Нет причин расстраиваться. Сестра, ты выглядишь усталой. Ступай, кровать уже ждет тебя. А вам, малыши, пора спать, а то завтра проспите весь День Названия.

Едва успев коснуться головой подушки, Самким провалился в глубокий сон. И приснилось ему нечто странное. Во сне он вошел в Большой Зал и прибли-

зился к огромному гобелену, висевшему на стене. На полотне отчетливо выступала чья-то фигура, похожая на Мартина Воителя: он был в полном вооружении, в руках меч, на губах — улыбка. Неожиданно он взмахнул мечом. Тот описал в воздухе полукруг и, вылетев с полотна, воткнулся в пол, в щель между двумя плитками рядом с Самкимом. Бельчонок не почувствовал страха. Сам не зная почему, он вынул меч из щели и, протянув его обратно, подал Мартину. Хранитель аббатства взял его. Губы Мартина не шевелились, но Самким услышал его голос:

— Белка или мышь, не имеет значения. Ты житель Рэдволла, Самким. Будь отважным и мужественным. И придет день, когда ты снова вернешь мой меч и дашь аббатству новую защитницу. Берегись хищника, разыщи Белого.

Стараясь не шуметь, Труг выскользнул из кухни. Сон никак не шел к нему. Особенно мешали сообщения о том, что на плите кипел огромный котел супа с рачками, одобренный горьким перцем. Разумеется, Труг не мог заснуть, не сняв пробы! Стоя на кухне в своей необъятной белой ночной рубашке, Труг представлял собой курьезную фигуру. Он уже съел две миски своего любимого супа, облизнулся, потом зевнул и, прежде чем идти спать, добавил в котел еще немного перца. Проходя по Большому Залу, он чрезвычайно удивился, увидев Самкима. Бельчонок стоял, освещенный луной, и смотрел на гобелен. Труг видал прежде лунатиков и поэтому знал, что делать. Подойдя к бельчонку, он подхватил его своими сильными лапами и понес в спальню.

Тот открыл глаза и посмотрел на Труга:

— Так это ты Белый?

Труг оглядел свою ночную рубашку и усмехнулся:

— Да, это я, приятель. Я — Белый.

Самким свернулся калачиком и счастливым голосом пробормотал:

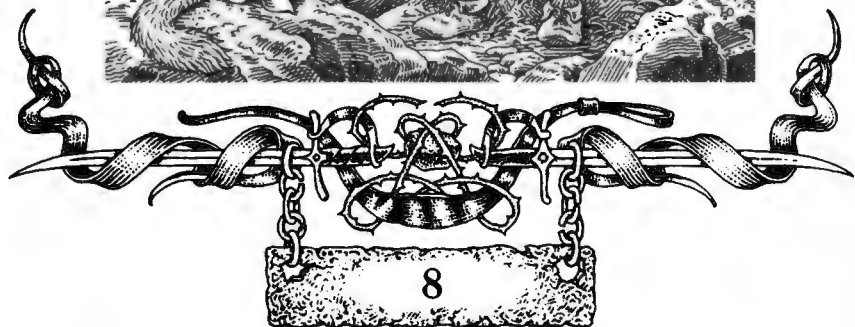
— Это хорошо, а то я тебя ищу.

Он тут же закрыл глаза и провалился в сон.

Войдя в спальню, Труг осторожно положил малыша на кровать и сказал:

— А он, однако, не легонький. Когда приходится носить тяжести, на меня нападает зверский аппетит. Пойду-ка посмотрю, не стал ли суп вкуснее, после того как я добавил перца.

Вастывшая земля отдыхала, отдавая тепло жаркого дня спокойной летней ночи.

Сперва Фидл подумал, что зрение подводит его, но, приглядевшись, отчетливо увидел ладно одетую фигуру Клитча, торопившегося к лагерю. Набрав в легкие побольше воздуха, Фидл что было сил заорал:

— Хозяин, смотри, вон подходит твой сын. Он идет один!

Грубо разбуженный от дремы, горностай прошипел злополучному часовому:

— Безмозглый червяк! Ори громче, чтобы объявить о нашем присутствии всему краю!

Фераго Убийца с сыном уселись подальше от посторонних ушей и глаз и начали разговор. Выслушав доклад Клитча, отец одобрительно кивнул, затем проговорил:

— Я знал, что за этими сказками о пустой горе и барсучьих сокровищах что-то кроется. Но ты говоришь, что ничего не видел. Откуда же ты знаешь, что они там?

Голубые глаза Клитча сверкнули в темноте.

— Эта барсучиха, Мара, обронила кое-какие слова на эту тему среди разговора. Помяни мое слово, она знает, что в горе спрятаны сокровища Саламандастрона.

— А где она сейчас?

— Там, в дюнах, со своим приятелем зайцем по имени Пиккль. Гоффа присмотрит за ними, пока меня нет.

— Отлично, Клитч! Теперь мы точно знаем, где находится гора. Следующий вопрос: как туда пробраться и как захватить сокровища?

Клитч поиграл мечом, висевшим у него на поясе:

— Это будет не так-то легко. Говорю тебе, это место — настоящая крепость, и охраняется она четырьмя десятками зайцев, а это закаленные в боях солдаты. И главным там барсук, которого они зовут Урт Полосатый. Никогда не видел зверя крупнее и опаснее. Это сильный боец, и не хотел бы я оказаться в бою против него!

Под носом Клитча внезапно блеснул нож Фераго.

— Предоставь это мне. Мне уже приходилось иметь дело с барсуками. Они умеют бешено сражаться, но они лишены хитрости, и их легко провести. Такие слова, как «честь» и «совесть», имеют для них большое значение. А сейчас тебе пора отправляться к своим новым друзьям, и приведи их сюда.

Клитч мгновенно исчез среди дюн и не успел разглядеть две неясные фигуры, притаившиеся по другую сторону холма. За ним следовали сержант Сапвуд и Бычеглаз. Они не слышали разговора, происшедшего между Клитчем и Фераго, но прекрасно поняли, что от вражеской орды, обосновавшейся у подножия холмов, веет смертью. Провожая глазами Клитча, Бычеглаз поднял дротик:

— Знаешь, я запросто мог бы пригвоздить этого маленького разбойника, хотя тут совсем темно...

Сержант удержал друга за лапу:

— Еще не время для грязной работы, сейчас нам нужны наши черепушки. Я считаю, что один из нас доложит о виденном владыке Урту, а другой продолжит собирать разведанные. Ты вернешься в гору, а я прослежу за горностаем.

Ранняя муха села Маре на веко. Барсучиха лениво смахнула ее и проснулась при первых золотых лучах рассвета.

Пиккль открыл один глаз и тут же закрыл его.

— Я что говорю, меня не имеет смысла будить, я опять засну, потому что еще не выспался.

Барсучиха набрала полную горсть песка и принялась сыпать его тонкой струйкой на нос своего приятеля.

Тот чихнул и сел прямо, его длинные уши смешно наклонились вперед.

— Мой бедный животик-будильник говорит мне, что уже пора завтракать. Надеюсь, так оно и есть.

Гоффа облокотился на свое копьё:

— Обжора, ты ел весь прошлый вечер!

— Сам ты обжора! Что-то я не видел, чтобы ты щадил свое брюхо, когда вчера уписывал за обе щеки.

Гоффа бросил на зайца сердитый взгляд и попробовал лапой острие копыта:

— Закрой пасть, кролик...

— Тихо, тихо, что за ссоры между друзьями? — Клитч, проходя мимо Гоффы, бросил на того гневный взгляд. Он приподнял за пустые уголки два мешка: — Пиккль, не стоит из-за этого ссориться. Просто на сегодня мы остались без еды, вот и все.

В желудке у Пиккля громко забурчало, и он погладил себя по животу:

— Пошли, ребята. А кто-нибудь имеет понятие, куда надо двинуться, чтобы найти еду?

Клитч незаметно подмигнул Гоффе:

— Думаю, нам надо двинуться к тем холмам на востоке.

Мара бросила взгляд на восток, где вдалеке на фоне зеленых гор и бледно-голубого неба виднелись темные холмы:

— Ты думаешь, мы найдем там пищу, Клитч?

Горностаи похлопал барсучиху по плечу и зашагал на восток.

— С гор обычно бегут ручьи, а вдоль них всегда найдутся какие-нибудь растения, корни или ягоды.

Занималось жаркое летнее утро, Гнилоух протер глаза и продолжил нести вахту, пока в лагере, расположенном ниже, шла обычная утренняя рутина. Партии фуражиров и охотников сновали туда-сюда. Стараюсь держаться подальше от Саламандастрона, они чаще отправлялись на юг, где выслеживали в болотах лягушек, жаб и птиц. Если же охота оказывалась неудачной, всегда находились какие-нибудь съедобные растения и корешки.

Хотя почти все звери в банде боялись Фераго, находились один или два, которые сомневались в удаче предстоящего броска на север. К числу таких сомневающихся принадлежали лис Форгрин и крыса Рванохвост. Они несли мешок с хлебом, по пути оделяя каждого черствым куском.

Хорек по имени Крысоглаз постучал доставшейся ему горбушкой по камню, пробормотав:

— Разве это хлеб? Больше похоже на камни!

Форгрин услышал эти слова и насмешливо обратился к недовольному:

— Рванохвост, ты только послушай! Старина Крысоглаз недоволен хлебом. Черствый, видал? У тебя есть что-нибудь другое? Может, пирожное?

Крысоглаз поднял лапу, собираясь швырнуть куском хлеба в Форгрину:

— Заткнись, идиот!

В это мгновение раздался свист и нож Фераго, пролетев между Форгрином и Рванохвостом, вонзился в корку, зажатую в лапе Крысоглаза. Кровь отхлынула от узкой морды хорька, когда Фераго подошел и взял свой нож вместе с насаженной на него коркой хлеба.

— С твоим хлебом что-то не так, Крысоглаз?

Хорек сел, заглянул в улыбающиеся голубые глаза горностая и энергично затряс головой:

— Нет, хозяин, все в полном порядке. Хлеб просто замечательный, спасибо большое!

— Отлично! Тогда посмотрим, как ты его сейчас съешь! — Фераго зло ухмыльнулся, держа хлеб наколотым на острие ножа и наблюдая, как Крысоглаз ест его.

Крысоглаз был далеко не молодым зверем с острыми белыми зубами, часть зубов у него уже выпала, и твердая как камень корка хлеба резала его десны, но

он старался есть быстро, слишком напуганный, чтобы остановиться.

Фераго внимательно следил за ним.

— Что это за треск я слышу? Кажется, один из твоих зубиков сломался? Смотри, он даже выпал! Крысоглаз, плохо ты смотришь за своими зубами, надо бы тебе каждое утро чистить их мягкой веточкой. Ничего, есть твердое полезно, вот увидишь. Что ты такое говоришь?

Крысоглаз пытался что-то сказать, но черствый хлеб забил рот, и хорек издавал только неясные звуки.

— Понимаю, дружище, — с сочувствием кивнул Фераго. — Тебе хочется еще. Форгрин, дай еще хлеба. Бедный хорек не наелся.

Форгрин окаменел при виде бессмысленной жестокости Фераго, но послушался. Тут прибежал Мокрюнос, ласка:

— Хозяин, Гнилоух говорит, что тебе стоит подойти к нему. Он заметил нечто интересное.

Фераго быстрым шагом направился к дозорному посту и проворно вскарабкался наверх. Гнилоух чуть подвинулся, освобождая место, и указал лапой:

— Вон там, хозяин. Клитч с Гоффой, а с ними еще двое.

— Ага, вижу. Хорошая работа, Гнилоух.

— Смотри еще, хозяин. Видишь, позади них крадется заяц.

— Интересно, барсук уже знает, что мы здесь, или этот заяц оказался тут сам по себе? Скоро мы это выясним.

Чтобы хорошенько рассмотреть горные кряжи, представшие перед ним, Пиккль прикрыл от солнца глаза лапой:

— Далеко же мы зашли, я совершенно разбит!

— Ты просто слишком много ел накануне, — укоризненно покачал головой Клитч. — Не так уж и далеко. Почему бы тебе и Маре не отдохнуть немного с Гоффой, пока я схожу и обследую эти края.

Пиккль с радостью бросился на землю:

— Предложение замечательное, дружище! Ты проведи куда разведку, а мы тут покемарим.

Мара не стала спорить, она была рада отдыху. Гоффа молча кивнул Клитчу и тоже уселся, держась на некотором расстоянии от Мары и Пиккля. Барсучиха привалилась спиной к камню и закрыла глаза.

Внезапно чей-то голос поблизости настойчиво зашептал:

— Не поворачивайся, оставайся, как сидишь. Тебе с Пикклем надо убираться отсюда побыстрее. Вас заманили в ловушку!

Испуганная Мара распахнула глаза и резко обернулась:

— Сержант Сапвуд, что ты здесь делаешь?

Гоффа подпрыгнул и резко приблизился, держа копьё наготове:

— Кто здесь? С кем это ты разговариваешь?

Сержант Сапвуд выскочил из своего укрытия, готовый к действию. С резким криком хорек выставил копьё вперед. Сапвуд сделал выпад и отбил копьё своими длинными задними лапами. Гоффа попытался было схватить его, но был встречен серией ударов чемпиона Саламандастрона по боксу. Последовал стремительный натиск, по два удара пришлось на каждую сторону головы Гоффы, затем мощный прямой удар в подбородок. Гоффа упал на землю.

Пиккль выскочил вперед, недоумение и тревога были написаны на его морде.

— Я что говорю, сержант, старина...

— Ты что, не видишь, тупица? — С этими словами сержант Сапвуд схватил Пиккля за ухо. — Не видишь, что скоро целая армия врагов будет здесь. Вы в ловушке. Бегите, спасайтесь!

Орущая орда под предводительством Фераго появилась на вершине холма. Сапвуд бросил испытующий взгляд на Мару, затем выхватил из-за камня свой дротик и сунул его ей в лапы.

— Слишком поздно, но все-таки бегите. У вас есть шанс, а я попытаюсь увести их в сторону!

9

Нразднование Дня Названия в аббатстве Рэдволл было в полном разгаре. Началось оно рано утром с того, что малыши промаршировали вокруг сада, где были встречены Тругом. Поскольку барсучихи теперь в аббатстве не было, Труг загримировался под нее, раскрасив себе морду черными и белыми полосками и накинув на плечи старую портьеру. В лапы он взял черпак и, держа его так, будто это была боевая дубинка, выкрикнул традиционное приветствие:

— Что вы затеяли тут за игру?
Что надо вам тут, на пиру, на пиру?

Две мышки, Турзель и Фиалка, выступили вперед. Пританцовывая вокруг Труга, они напевали:

— О Полосатая, выслушай нас!
Дай детям послушным покушать сейчас!

Труг замахал на них черпаком:

— Кушать сейчас не могу я вам дать —
Надобно всем Дня Названия ждать!

По традиции обращаться к аббатисе за разрешением начать пир выпадало на долю самого маленького. В этот раз таким оказался Думбл. Его голову обвивал цветочный венок, в лапе он держал ивовый прутик. В таком наряде мышонок выступил вперед и начал было свою речь, но неожиданно сбился раз, другой, затем наконец собрался с духом и, вызвав аплодисменты и смех со всех сторон, выпалил все слова правильно:

— Матушка, ты Полосатой скорей
Скажи: «День Названья уже у дверей!»

Аббатиса Долина выступила вперед. По случаю праздника она была одета в свой самый лучший наряд и громко объявила, вызвав всеобщую радость:

— Хватит тебя, Полосатая, слушать!
Дети со мною — им хочется кушать!

Труг отступил, и все кинулись занимать места за столами. Самким взял Труга за лапу и повел его вместе со всеми:

— Труг, ты мне приснился прошлой ночью.
— Хо-хо-хо, догадываюсь, малыш!
— Труг, а почему тебя все называют Полосатой?

— Это только в День Названия, когда я наряжаюсь барсучихой. В прежние дни барсучиху в аббатстве часто называли защитницей, нашему аббатству Рэдволл она была как родная мать. А почему ты спрашиваешь?

Волнение наступающего пиршества захватило Самкима, и он, выпустив лапу Труга и не ответив, побежал к своему месту за столом, между Арулой и двумя ласками. Все принялись угощаться.

Битоглаз, чье лицо было перемазано взбитыми сливками и клубникой, пытался разом есть и засахаренные каштаны, и вафли с мятным кремом, запихивая их в рот одновременно. Тура опускал горячую овощную запеканку в сваренные на меду сливы и ел их, с удовольствием запивая напитком из одуванчиков и лопухов.

— Пфф, чудила! Вот, я понимаю, это жизнь! Старое доброе аббатство Рэдволл, вот что я хочу сказать!

— Тут ты прав, чудила. Это стоит всех купаний, и сальных сковородок, и ванн тоже!

Сестра Труга Труган бросила брату вызов: кто съест больше переперченного супа из рачков. Труг, не задумываясь, положил в свою миску полную пригоршню перца и, наклонившись над ней, принялся есть. Труган немедленно бросила себе две пригоршни перцу, и, когда начала есть, из глаз ее потекли слезы. Чтобы не остаться в хвосте, Труг добавил еще перца, в то время как Труган добавила еще полный пакетик перца в свою миску. Из их мгновенно покрасневших глаз уже градом текли слезы, но оба продолжали хлебать, пока аббатиса не воскликнула:

— Объявляю ничью. Победители Труг и Труган!

Обе выдры выскочили из-за стола и окунули морды в открытую кастрюлю с холодным сидром. Смех, прокатившийся за столом, не мог заглушить громкого хлюпанья брата и сестры, которые, чтобы охладить горящие рты, чуть не окунались в сидр.

Брат Остролист аккуратно слил обе их миски в свою, добавил еще немного перца и, не поморщившись, доел весь суп, обронив одно-единственное замечание:

— Ммм, вкусно, только перцу маловато.

К полудню все участники пиршества отвалились от столов и разлеглись под деревьями и кустами по всему саду. Думбл и остальная малышня громко похрапывали в гамаке, который сестра Настурция повесила между двумя яблонями. Самким и Арула присоединились к брату Остролисту и брату Ревунчику, которые поместились в тени большого клена, росшего в южном углу сада. Остролист зевнул и потянулся, собираясь вздремнуть:

— Ну, Самким, как твои ласки отнеслись ко Дню Названия?

Самким, хотя глаза у него тоже закрывались, следил за полетом пчелы к цветочным клумбам.

— Ты не поверишь, но они все еще за столом. Наверное, они долго голодали до того, как попали к нам.

Мара и Пиккль бросились в одну сторону, а Сапвуд в другую. Фераго и Клитч возглавляли банду, которая шла по склону холма. Внезапность нападения пропала, и, услышав крик Гоффы, они перестали прятаться.

Фераго, взобравшись на гребень холма, быстро оценил ситуацию. Немедленно обернувшись назад, он крикнул:

— А ну в погоню за зайцем, задержать шпиона! А тем двоим отрезать пути!

Бегом направляясь к южным дюнам, Мара и Пиккль вдруг увидели двух хорьков и лиса, оказавшихся у них на пути. Фераго послал их преградить Сапвуду путь отступления, и таким образом они оказались перед двумя беглецами.

Мара почувствовала, что внутри у нее разгорается бешенство: их обманули друзья! Она обратилась к Пикклю, передавая ему дротик:

— Оставь лиса мне. Ты возьми на себя одного из хорьков, а вторым займемся вместе!

У лиса в лапах была пика. Он зарычал и двинулся прямо на Мару. Припомнив действия Сапвуда, она отпрыгнула в сторону, выхватила пикку из лап лиса и далеко отбросила ее. Не ожидая такой ярости от молодой барсучихи, лис застыл на месте. В следующее мгновение Мара ударила его в челюсть. Удивленные глаза лиса закатились, и он рухнул навзничь.

Тем временем Пиккль бежал прямо на хорьков и тут же уложил одного, изо всех сил стукнув его между ушей своим дротиком. Удар удался, но дротик переломился.

Тут подоспела Мара. Схватив обломок дротика, она дико зарычала:

— Иди сюда, Пиккль. Посмотрим, сумеет ли этот хищник драться, как солдат!

Хорек, в лапах которого был кинжал, тем не менее лишился мужества — на него наступали разгне-

ванные звери с обломками дротика в лапах, глаза их горели бешеным огнем. С коротким вскриком он выронил кинжал и кинулся бежать, спасая свою шкуру.

Кинжал подобрала Мара. Она тяжело дышала, из груди ее все еще вырывалось грозное ворчание:

— Пусть попробуют меня остановить! Пусть только попробуют!

— Совсем неплохо, старушка. Никогда не думал, что ты такой классный боец.

Барсучиха все еще дрожала в пылу своей первой битвы.

— Оказывается, чертовски здорово, когда у тебя в жилах течет барсучья кровь!

Громкое тяжелое дыхание предупредило их о том, что приближается войско Фераго.

— Сейчас не время болтать, — заметил Пиккль и схватил Мару за лапу. — Побежали отсюда, судя по звукам, их тут слишком много.

И они бросились бежать через песчаные холмы.

Сапвуд же удирал в противоположном направлении, его по пятам преследовали главные силы противника. Заяц имел боевой опыт и улепетывал с такой скоростью, которая была недоступна его преследователям, но и сам он не мог поддерживать ее долго. Оглянувшись, он увидел трех горностаев, значительно оторвавшихся от остальных. Угрюмо усмехнувшись, Сапвуд присел и спрятался за дюной, мысленно высчитывая время приближения преследователей. Точно в предугаданный момент он выпрыгнул из засады прямо перед ними, держа лапы наготове. Прежде чем они остановились, он уложил двоих: первого великолепным двойным ударом в нос, а второго — ударом

в подбородок. Третьего заяц пропустил и затем достал его скольльзящим ударом в живот. Когда он обернулся, чтобы закончить работу хуком слева, горностаи вдруг взмахнул своим кривым мечом и ударил Сапвуда по лапе. Остальные охотники были уже недалеко, поэтому Сапвуд подавил стон и резко сорвался с места, приседая и уворачиваясь на бегу.

Фераго и Клитч прекратили преследование и остановились на гребне дюны, провожая взглядами погоню за Сапвудом. Фераго сердито сплюнул в песок:

— Черт ему в зубы! Им не схватить этого зайца, он мог бы бежать вдвое медленнее, его не догнать. А как другие двое?

Клитч стоял вытянувшись на цыпочках, изучая дюны в противоположном направлении.

— Я их нигде не вижу. Их могли схватить. Наших там было достаточно.

Фераго отвернулся и в сильном гневе принялся вытывать нож в землю.

— Получилось как всегда. Если хочешь чего-нибудь добиться, то сделай это сам, не полагаясь на других. Болваны!

Клитч насмешливо скривил губы:

— Во всяком случае, мы с Гоффой сделали все, что нам поручили. Мы привели их сюда, и все, что тебе требовалось, — это окружить их.

— Щенок! — Фераго встал, многозначительно поигрывая ножом. — Считаешь, это я дал им убежать?

Внезапно в лапах Клитча блеснул меч. Его глаза превратились в две льдинки.

— Я просто констатирую факты, старик!

Убийца задрожал от бешенства и приготовился метнуть свой нож.

— Значит, старик!

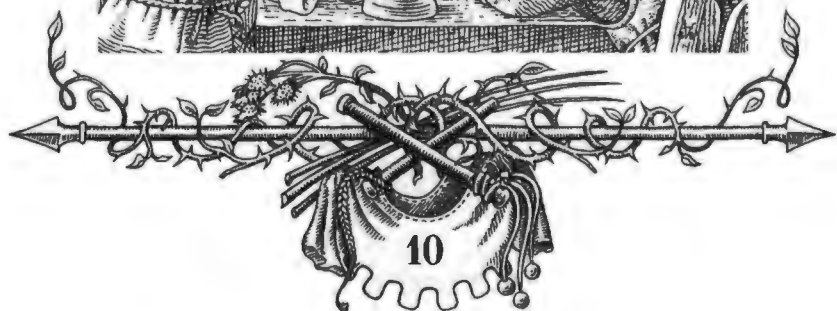
Клитч двинулся вперед, его меч почти коснулся горла Фераго.

— Да, старик, и ты сдохнешь на месте, если попытаешься что-нибудь сделать своей точилкой.

Два разгневанных горностае скрестили взгляды своих голубых глаз, затем Фераго коротко зарычал и опустил кинжал:

— Что за споры между своими? Нужно собирать армию в кулак. Сегодня же ночью двинем на Саламандастрон!

Оборудование для вечерних игр было установлено на западной лужайке. Мишени, столбы, смазанные салом, веревки, обручи и прочий спортивный инвентарь были разложены там, где предполагалось провести игры. Арула и Самким как раз помогали Тодду Иголке забивать в землю колья для бросания колец, когда к ним подошла Вера Иголка, озабоченно покачивая головой:

— Должна предупредить, что эти две ласки все еще едят. Только посмотрите на них, вот обжоры! Я дважды пыталась остановить их, но они не обращают на меня внимания. Сделай

что-нибудь, Тодд, иначе они, того гляди, умрут от переедания!

По саду шагала процессия, возглавляемая Тругом. Проходя мимо Арулы и Самкима, он помахал им лапой:

— Так-то вы относитесь к своим обязанностям, друзья? Аббатиса сказала, что вы отвечаете за тех двух негодников. Но не беспокойтесь, мы с Труган займемся ими.

Битоглаз и Тура жалобно стонали, заталкивая пищу в рот обеими лапами.

Взмахнув лапой, Труг быстро очистил от остатков еды близлежащую часть стола. Когда же обжоры попытались взобраться на стол, чтобы продолжить свое занятие, Труган схватила их за уши. При виде этого кошмарного зрелища Бреммун от отвращения прикрыл глаза:

— Отправьте их в изолятор, и побыстрее!

Труган взвалила Битоглаза на плечи. Тура икнул и жалобно заверещал, когда Труг попытался с ним обойтись таким же образом:

— Не тащите нас в этот, как его, зылятор! Оставьте нас здесь в покое. О, мои кишки!

Брат Остролист сочувственно потрепал их по спинам:

— Будет, будет, не волнуйтесь, вы просто немножечко полежите в мягких кроватках. После того, конечно, как я полечу вас. У меня есть превосходное лекарство, в его состав входят дикий чеснок, кора вяза, горький корень алоэ и толченый лист щавеля, смешанные с соком крапивы и порошком крестовника. По две столовые ложки каждому, и будете у меня как огурчики.

Сестра Настурция подмигнула Самкиму:

— И не знаю, право, хватит ли им по две ложки. Судя по их состоянию, надо бы по три!

Труг пинком открыл дверь изолятора:

— Три и будет. Тодд, Бреммун, садитесь-ка им на задние лапы, мы с Труган на передние, а вы, Самким и Арула, зажмите им носы, чтобы как следует рты открыли.

— Сжальтесь! Помогите!

Остролист достал ложку с противно пахнущим лекарством:

— Еще один вопль, и я удваиваю дозу!

К играм приступили перед сумерками. Самким и Арула начали их бегом на трех лапах, выполненном в прекрасном стиле. Затем дружный смех и веселье вызвал бой подушками среди старших, в то время как остальные приступили к состязанию на смазанном сале столбе. Аббатиса и Бреммун, которые всегда отличались меткостью при набрасывании колец, были приятно удивлены Думблом — он набрасывал кольца более метко, чем кто-либо другой, и завоевал несколько призов. Тодд Иголка заслужил всеобщее одобрение, выступив на крикетной лужайке, вместо крикетного молотка он использовал свою трость. Турзель и Фиалка победили в беге вокруг стен аббатства, а брат Ревунчик и брат Остролист победили всех, играя в желуди.

Игры были в самом разгаре, когда Кротоначальник поднял вверх лапу и принял:

— Урр, пахнет так, будто гром с молнией будет.

Отдаленный раскат грома подтвердил правильность нюха Кротоначальника. В еще теплом вечернем воздухе появилась какая-то тяжесть, и молния, блеснув-

шая на востоке, осветила верхушки деревьев восточного края Страны Цветущих Мхов. Малыши было расстроились и стали плакать, но сестра Настурция утешила их предложением перенести игры в Большой Зал.

Вера Иголка поддержала эту идею:

— Пошли друженько в зал. Только нужно собрать весь спортивный инвентарь. А я тем временем посмотрю, что можно приготовить на ужин. Может, горячего меда и холодного клубничного ликера из кладовой? Подходит?

Молодежь криками радости приветствовала это предложение и начала собирать снаряжение. Самким и Арула хотели было принести из оружейной луки и стрелы, но их остановил суровый взгляд Бреммуна.

— Помните, что я вам сказал насчет лука и стрел? Это дело предоставьте мне и держитесь от соблазна подальше. Лучше унесите лямки для перетягивания каната, вот это будет помощь.

Над головами прогрехотал удар грома, молния расколола небо пополам, и крупные, как орехи, капли дождя застучали по земле.

Все приспособления для игр уже внесли в зал. Вдруг Тодд стал ощупывать карманы своего жакета и, ничего не найдя, схватился за колючки на голове:

— Я забыл свои очки. Кажется, они на западном крыльце. Я промокну до нитки, пока доберусь до них!

Самким выступил вперед, предлагая свою помощь:

— Я принесу твои очки, Тодд. Я и так уж промок, пока носил в зал спортивное снаряжение. Пошли, Арула!

Дождь был сильным и теплым, без малейшего ветерка. Самким и Арула добежали до западного крыль-

ца, шлепая по лужам. Очки оказались именно там, где и предполагал Тодд. Захватив их, друзья нехотя побрели назад, наслаждаясь проливным дождем. Не пугаясь грома и молний, они шли, запрокинув головы и ловя падающие капли раскрытыми ртами. Вдруг прямо над ними раздался страшный удар грома и молния ударила прямо во флюгер, закрепленный на крыше аббатства, и все осветилось призрачным светом.

— Вот это да! Ты видела, Арула?

— Еще бы!

Над их головами послышалось странное жужжание. Боясь, что снова ударит молния, Арула бросилась наземь и прикрыла лапами голову. Самким только зажмурился, когда что-то пролетело мимо него.

Совсем рядом с ним в мокрую землю лужайки вошел меч. Самким обомлел от удивления.

Арула рискнула меж лап взглянуть на происходящее:

— Что это было? Снова молния?

Самким уже высвободил меч из земли:

— Вот что это было. Смотри, Арула.

Струи дождя сбегали по остро отточенному клинку, по канавке для стока крови — от красного камня в черной кожаной рукояти и серебряного эфеса до самого кончика острия. Друзья в страхе смотрели на меч. Он сверкал и светился под дождем, отражая сверкание молний, и казалось, что сам клинок источает белое сияние. Самким осторожно держал меч обеими лапами.

— Меч Мартина Воителя!

Мара и Пиккль слышали удар грома на востоке, когда, спотыкаясь и задыхаясь, бежали между суме-

речными холмами. Войско Фераго преследовало их по пятам. Всю первую половину дня они провели тщетно пытаясь уйти от погони, иногда для краткой передышки прячась между дюнами, иногда пересекая открытое пространство прямо на виду у противника. Мара споткнулась и упала, тяжело хватая ртом воздух. Пиккль попытался ее поднять.

— Нет... — Мара оттолкнула зайца. — Уходи. Спасайся... Не могу больше бежать... Ступай, Пиккль...

Пиккль, стоя, покачал головой, его узкая грудь тяжело вздымалась.

— Ничего подобного, старушка. Слышь, тебе придется бежать вместе со мной, вот!

И тут начался дождь, сначала слабенький, но быстро перешедший в ливень. Грохотал гром, молнии освещали дюны.

Пиккль огляделся:

— Хо, кажется, есть шанс на спасение. Видишь ту высокую дюну прямо перед нами? Там есть маленькое отверстие, ну как пещера. Там еще растет высокая трава. — Напрягшись изо всех сил, он поднял Мару с земли. — Пошли!

Они обогнули холм и незаметно для противника стали взбираться на него с противоположной стороны. Дождь яростно поливал их, когда они оказались на самой вершине и быстро нырнули в заросший травой лаз. Поглядывая сквозь завесу травы, они перевели дыхание. Дождь быстро смыл все следы, наступила ночь. Вскоре друзья различили голоса своих преследователей.

— Ты точно видел, как они шли этим путем, Гнилоух?

— Точно. Я же сказал тебе.

— Ну и где они сейчас?

— Понятия не имею. Этот дождь спутал нам все карты.

— Фераго сойдет с ума от злости, когда увидит, что мы вернулись без них.

— Не напоминай. Пошли скорей. Разделимся и будем искать.

Друзья в своем убежище обсохли и устроились вполне уютно. Пиккль зевнул и прошептал Маре:

— Ладно, похоже, сегодня они нас не найдут. Я собираюсь вздремнуть. Разбуди меня попозже, я подежурю. Лады?

Мара кивнула и устроилась поудобнее, чтобы следить за подручными Фераго. Вскоре они ушли, проклиная Гнилоуха за плохое зрение и ложные сведения. Мара прислушалась к их удаляющимся голосам, пока они уходили в темноту под дождем.

Бурчание в животе разбудило Пиккля, и он, расправляя онемевшие лапы, выглянул из пещеры:

— Клянусь мехом, я проголодался! Они ушли?

Мара сорвала листик травы и надкусила его.

— Они давно ушли. Почему бы тебе не забыть о своем голоде и не поспать еще немного? В нашем положении у нас не так уж много других занятий.

Пиккль застонал. В животе у него будто камни переворачивались. Мара с сочувствием дернула его за ухо:

— Мы найдем еду, когда рассветет. Поспи немножко. А я еще подежурю, мне пока не хочется спать.

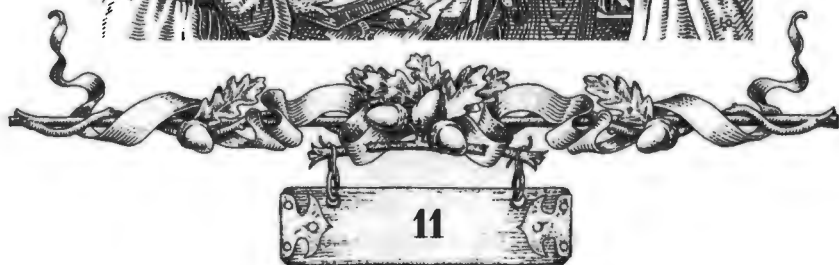
Некоторое время спустя по успокоившемуся дыханию Мара поняла, что заяц заснул. Тогда она подпер-

ла подбородок лапами и задумалась. Постепенно веки начали тяжелеть. Она стала чаще моргать, чувствуя приближение дремы.

Шорох в траве над головой заставил Мару встрепенуться. Вдруг послышалось шипение и узкая голова рептилии показалась в отверстии пещеры, глаза светились, язык энергично двигался. Лапа Мары потянулась за кинжалом, и барсучиха крикнула:

— Просыпайся, Пиккль!

Вся жизнь в Большом Зале замерла. Жители аббатства сгрудились вокруг длинного стола, с восторгом глядя на легендарное оружие. Брат Остролист бережно протер сверкающий меч мягкой тряпочкой и положил его на стол. Гром грохотал уже в отдалении, по окнам барабанили капли дождя.

Тодд надел очки и внимательно осмотрел оружие:

— Меч Мартина Воителя! Никаких сомнений, это он!

Самким и Арула уже несколько раз рассказали историю о том, как они нашли меч.

Самким не мог не потрогать красный камень, повторяя про себя слова Тодда: «Меч Мартина Воителя!»

Брат Остролист взял мордочку бельчонка обеими лапами и заглянул ему в глаза:

— Значит, он упал прямо с небес?

— Что-то плохо я перевариваю такие штуки, — фыркнул Бреммун. — Не сомневаюсь, что это превосходный меч, и даже допускаю, что он принадлежал Мартину, но мечи не падают с неба, как дождик. Что-то тут не то. Послушай, Самким, если это очередная шуточка, то изолятор покажется тебе сладким отдыхом по сравнению с наказанием, которому я тебя подвергну. И тебя тоже, Арула.

— Повремени, Бреммун. Я верю Самкиму! — С этими словами сестра Настурция выступила вперед. Обычно веселая и оживленная, она стала суровой и сдержанной, когда положила лапу на плечо Самкима. — Полагаю, Мартин Воитель дает знать о своем присутствии в аббатстве. Недавно я читала вам странные стихи и пела песни, которые никогда не знала прежде. Многие слышали меня. Если Хранитель аббатства Рэдволл пытается нам что-то сообщить, то следует прислушаться к нему.

Аббатиса Долина оторвала взгляд от сияющего меча:

— Я согласна, сестра. Брат Хэл, как летописец и историк, ты, я думаю, должен проверить старые записи аббатства Рэдволл. Из прошлого можно извлечь много уроков, и я не сомневаюсь, что старые летописи дадут нам ключ к разгадке сегодняшнего странного события. Начни завтра же утром. А пока мы положим меч перед большим гобеленом, прямо у портрета Мартина. Что же касается празднования Дня Названия,

то, поскольку уже поздно, я предлагаю прекратить игры в зале...

Молодежь зашумела, протестуя против такого сурового решения, но аббатиса, подняв лапу, заставила их замолчать:

— Завтра, я полагаю, погода будет отличной, и мы сможем посвятить целый день играм на свежем воздухе.

Шум протеста быстро сменился криками радости.

Труг постучал своим похожим на руль хвостом по полу:

— Отличное решение! А теперь все по своим кроваткам и спать!

Брат Хэл почесал голову в том месте, где стрела Самкима несколько дней назад проделала в его густом меху бороздку. Он сокрушенно улыбнулся и поймал Самкима и Арулу, когда те шли наверх:

— Сейчас я иду к себе в кабинет, чтобы порыться в старых записях, и, если понадобится, буду заниматься этим всю ночь. Так что не беспокойтесь. Возможно, уже к утру древние рукописи дадут свой ответ, а затем вы сможете заняться играми.

Самким энергично потряс его лапу.

— Брат Хэл, ты настоящий друг!

Проснулся Битоглаз незадолго до рассвета. Он был приятно удивлен своим хорошим самочувствием. Перегнувшись с кровати, он растолкал Туру:

— Эй, чудила! Ты как там?

Тура сел и потер свой живот, затем ощупал голову:

— Клянусь зубом дракона, чудила, я чувствую себя прямо как новорожденный!

Брат Остролист чуть пошевелился во сне и устроился поудобнее в своем кресле. Битоглаз предостерегающе поднял лапу:

— Ш-ш-ш! Не надо его будить! Пошли выбирать из этого зылятора.

Обе ласки на цыпочках выбрались за дверь и тихонько закрыли ее за собой. Было еще совсем темно, когда они стали спускаться по лестнице.

Из пролета лестницы, по которой они спускались, стали видны огни в Большом Зале. Битоглаз хихикнул:

— Пошли подзаправимся, пока эти чудилы спят. Все в нашем распоряжении.

Проголодавшиеся ласки набросились на орехи и мед, оставленные для малышей, затем умяли целую тарелку оладьев, которую отыскивали на столе.

— Эй, смотри, тут валяются всякие спортивные припиндалы. Они играли в игры, пока мы подышали в ихнем зыляторе.

Битоглаз схватил несколько обручей и быстро один за другим набросил их на голову Туре.

— Хи-хи-хи, где мой приз?

Его приятель ответил тем же, набросив на Битоглаза несколько колец.

Брат Хэл, попивая мятный чай, сидел среди вороха старых пергаментов и пожелтевших свитков. Он принялся изучать манускрипт, записанный на бересте в те времена, когда старый аббат Сакстус был еще молодым.

Меч Мартина Воителя был возвращен на свое место в аббатстве Рэдволл. Сегодня Раф Кисточка, наш чемпион по лизанью, взял это оружие и забрался на

крышу аббатства. Там он спрятал меч в северной стрелке флюгера. Там меч Мартина будет покоиться в мире, в то время как дух его будет охранять наше аббатство. Я горячо надеюсь, что Рэдволл будет вести мирное и спокойное существование и что меч больше никогда не покинет своего места за отведенные мне годы жизни.

Брат Хэл уселся поудобнее, размышляя над текстом: «Хм, темная ночь, гром, дождь, буря... Вот оно что! — Он вскочил, пролив чай на свою рясу. — Сильный удар молнии. Самким рассказал, что молния ударила во флюгер как раз перед тем, как он нашел меч. Конечно, удар молнии повредил флюгер, меч соскользнул с крыши и упал на землю».

Битоглаз и Тура обнаружили снаряжение для стрельбы из лука. Пренебрегши круглыми мишенями, они взяли каждый по луку и стали целиться в высокий стрельчатый потолок Большого Зала. Ни один из них не был хорош в стрельбе.

— Уй, побирушка, ты даже в потолок не можешь попасть.

— Это потому, что я вырос в нищете, чудила. Моя бедная мамочка не могла позволить себе купить ни лука, ни стрел!

— Хо, заткнись, свинячья башка! Если у тебя даже и была мамочка, ей с таким сыночком было не до лука со стрелами.

— Стань-ка здесь. Это лучше, чем стрелять в потолок.

— Никогда!

Они отпрыгнули в разные стороны, и стрела, дрожа, вонзилась в стол. Битоглаз высвободил стрелу,

которая едва не попала Туре в ухо, и от страха спрята-
лся под стол.

— Ты чего? Это просто несчастный случай!

— Я тебе дам, несчастный случай. Меня чуть не
убило!

— Это потому, что раньше мы не видали настоя-
щего оружия, чудила. Только и было что по ржаво-
му ножичку на брата, когда мы находились в войске
Фераго...

— Заткнись, дубина. Забыл, что я тебе говорил о
том, чтобы ты не упоминал этого дьявольского имени?
Иди сюда, я покажу тебе, как надо стрелять из этого
оружия.

Битоглаз обеими лапами согнул лук, Тура нало-
жил стрелу на тетиву и со всей силы откинулся назад.
Вдвоем они натянули лук до предела.

— Вот так это делается, чудила, — взволнованно
выдохнул Битоглаз. — А теперь стреляем. Стрела по-
летит через весь зал, затем в проход и по лестнице.
Готово... стреляй!

Брат Хэл бегом спускался по ступенькам, размахива-
вая пергаментом и торжествующе бормоча:

— Ха, решено! Я докажу старому Бреммуну, что
мечи не падают с неба, как дождик. Тут есть объяс-
нение всему, и записи доказывают это.

Выпущенная в несчастливый час стрела запела в
темноте и вонзилась прямо в горло брату Хэлу. Он
издал короткий крик и упал навзничь.

Лук выпал из задрожавших лап Битоглаза.

— У-у-у! Что ты наделал, толстый идиот!

Тура отпустил тетиву, и лук брякнулся на пол.

— Я ничего не наделал, умник нашелся. Это все ты!

— Заткнись, болтун. Это мы оба наделали. Тебе от этого легче?

Тура отыскал кусочек лепешки и принялся нервно жевать, не сводя глаз с брата Хэла.

— О-о-ох! Что же нам теперь делать, чудила?

Битоглаз подобрал лук и изо всей силы попытался укусить его. Твердое дерево не поддалось, и он отбросил лук прочь. Тот упал рядом с братом Хэлом.

— Вот дурья башка, не мог обождать, пока мы тут развлекаемся? Ему обязательно надо было спускаться по этой лестнице. Говорю тебе, чудила, надо смыываться из этого аббатства. Хватай что можешь и за мной!

Тура заторопился. Он разыскал еще лепешек, горшок меду и блюдо с орехами. Восхищенное шипение Битоглаза заставило его поднять глаза.

— Посмотри сюда!

Глаза Туры широко раскрылись, когда он увидел, что его товарищ держит меч.

— Даже Фераго не видел такого!

В этот раз Битоглаз был слишком взволнован, чтобы выругать приятеля за упоминание имени Фераго.

— Это сокровище...

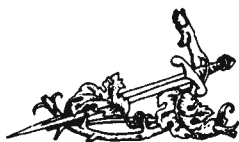
Вскоре рассвет окрасил небо на востоке. Две ласки крадучись выбрались из аббатства через плетеные ворота в южной стене, затем прошли через открытую лужайку и исчезли в Лесу Цветущих Мхов.

К несчастью, Самким проснулся с первым лучом солнца. Вспомнив о событиях предыдущего вечера, он не мог больше оставаться в постели, желая снова увидеть меч, дабы увериться, что то был не сон. Арула еще похрапывала, когда он на цыпочках вышел из общей спальни и стал спускаться вниз по лестнице.

Самким шел так быстро, что споткнулся о тело брата Хэла и упал. С криком ужаса он перекатился и вскочил на лапы, но тут же упал снова. Под его лапами зазвенела тетива. Он высвободился и встал, держа лук.

Брат Ревунчик встал в обычное время, чтобы приготовить завтрак. Он торопливо начал спускаться по лестнице и вдруг замер на последней ступеньке, похолодев от ужаса. Держа в лапах лук, над распростертым телом брата Хэла, в горле которого торчала стрела, стоял Самким. Брат Ревунчик тяжело рухнул на ступеньку и проговорил внезапно охрипшим голосом:

— Самким, что ты наделал?

Ветролапка наложила на раненую лапу Сапвуда припарку из успокаивающих трав и плевеловый компресс. Урт Полосатый ходил взад и вперед по кузнице, словно раненый зверь. Сержант уже несколько раз рассказал ему свою историю, но барсук снова и снова засыпал его градом вопросов:

— Они схватили Мару или нет?

— Вряд ли. Я предупредил их вовремя, так что, думаю, Мара и Пиккль спаслись.

— Ты можешь, в конце концов, дать мне окончательный ответ, сержант? Схватили их или нет? Кто был там предводителем? Сколько их?

Сапвуд в отчаянии покачал головой и перевел взгляд на Ветролапку, Сережку, Светлячка, Морскую Траву и Бычеглаза. Все зайцы понимали, что Урт сильно взволнован. Бычеглаз встал между Сапвудом и барсуком:

— Владыка, я думаю, тебе нужно оставить Сапвуда в покое. По-моему, он и так рассказал все, что знал. Нам ясно, что дни еще не станут короче, когда орда хищников будет у наших ворот. Кричать на Сапвуда бесполезно.

Барсук дружески потрепал его по плечу:

— Спасибо, Бычеглаз. Ты прав. Сапвуд, дружище, как твоя лапа?

— Она и без повязки не очень-то болела.

— Хорошо. Теперь займемся делом. Бычеглаз, Светлячок и Сережка, соберите свои отряды и закройте все выходы, кроме центрального. Ветролапка и Морская Трава, посмотрите, достаточно ли провизии в горе, и проверьте уровень воды в бочках. Сапвуд, ты пойдешь со мной. Мы с тобой займемся оружием, чтобы обеспечить теплый прием всякому, кто надумает прийти к нам с визитом. Я очень надеюсь, что Клитч с дружкой тоже пожалуют, и с нетерпением жду встречи с ними.

Так крепость Саламандастрон стала готовиться к войне.

В середине следующего дня Фераго готовил свою орду к маршу на Саламандастрон. Лисы Форгрин и Рванохвост приводили в порядок свое оружие. Форгрин точил о плоский камень свою длинную саблю, Рванохвост оперял стрелы листьями. Работая, они тихо разговаривали, совсем замолкая, когда Фераго или Клитч оказывались поблизости.

— Ты не знаешь, какого черта мы собираемся нападать на эту барсучью гору, приятель? Я хочу сказать зачем?

— Тебе и спрашивать об этом не полагается, Форгрин. Хозяин сказал, что это хорошая крепость и она может послужить нам базой.

Лис облизнул свою лапу и проверил острие сабли.

— Ха, он, должно быть, думает, что мы такие же тупые, как его Мигро. Крепость использовать как базу, где это видано, клянусь клыками! Клитч со своим приятелем Гоффой и Гнилоухом, кажется, знают что-то такое, чего не знаем мы.

— Э, солдатское дело исполнять приказы и не задавать вопросов. Но вот что я тебе скажу, я не собираюсь погибать в бою, не зная даже, за что дрался!

— Вот и я также, приятель. Но между нами говоря, я тут как-то приложил ухо к земле и услышал речь о каких-то сокровищах... Тихо, они идут!

Мимо проходили Фераго и Клитч, оба солдата низко склонились над своим оружием, притворяясь очень занятыми. Убийца одарил их улыбкой и одобрительно кивнул. Клитч тронул свой короткий меч, нетерпеливо оглядываясь по сторонам:

— Мы уже потеряли внезапность. Урт уже поджидает нас. Скажи, когда ты собираешься начать нападение?

Фераго неторопливо играл золотым барсучьим медальоном, висевшим у него на шее.

— Терпение, мой юный наследник, терпение. Когда Мигро и его охотники вернутся, тогда мы и тронемся.

— Но зачем нужно дожидаться Мигро? Мы можем оставить им условный знак, чтоб они нас нагнали.

Фераго уселся на камень и поднял морду вверх, глаза его стали такими же голубыми, как небо над головой.

— Какое прекрасное летнее утро после ужасной бури. Сын мой, ты видишь, как прозрачен воздух? Я люблю подышать прозрачным воздухом, прежде чем что-то предпринять. Слышал разговорчики в моей армии? Я лично слышал. Когда Мигро и остальные вернутся, я, в зависимости от того, приведут ли они с собой пленников, либо сделаю из него козла отпущения, либо награжу. В любом случае лояльность среди тех, кто шепчется за моей спиной, резко возрастет. Увидишь.

— Ну как скажешь, старик! — Клитч фыркнул и зашагал дальше.

Фераго насмешливо улыбнулся:

— С годами приходит мудрость. А горячие головы идут по десятку за черствую корочку, мальчик.

В полдень ласка по имени Песьеголов крикнул с наблюдательного поста:

— Мигро с охотниками возвращается с юга, хозяин.

Фераго легко потрепал Гоффу по сильно распухшей морде. Тот заморгал и поежился.

— Схлопотал от безоружного зайца, умник. Ступай позови Клитча и вели остальным строиться.

К тому времени, когда Мигро и его охотники достигли лагеря, вся орда собралась в одном месте между камней. Фераго стоял среди бойцов, его глаза были такими же опасно голубыми, как тонкий весенний лед на глубоком озере.

— Сюда, Мигро. Где вы были?

Мигро был не самым умным среди солдат Фераго. Он стоял, почесывая голову и обдумывая странный вопрос.

— Гнались за зайцем и барсучихой, хозяин. Как ты приказал.

Фераго снисходительно улыбнулся. Он наслаждался происходящим.

— Нет, нет, тут что-то не так, Мигро. Я не приказывал гнаться за ними. Я приказал схватить их и привести сюда. Верно?

Мигро начинал нервничать. Он с трудом проглотил слюну:

— Верно, хозяин.

Убийца улыбнулся всему войску:

— Что-то я не вижу барсучиху и зайца, а, Мигро?

Тот отступил, умоляюще сложив лапы:

— Хозяин, мы не виноваты. Полдня и целую ночь мы шли за ними по дюнам под проливным дождем и в темноте. Но они исчезли среди ночи, когда дождь был особенно сильным!

Нож Фераго молнией промелькнул в воздухе. Скорчившись, Мигро упал на землю, зажимая лапой ухо. Фераго переступил через него и вытер нож о его

шкуру. Обратившись к войску, он не повысил голос, но слышал его каждый:

— Когда я отдаю приказ, я ожидаю, что он будет выполнен. Мигро сегодня повезло: он потерял только ухо. Следующий, кто ослушается меня, потеряет голову. Я знаю, кое-кто из вас считает, что Фераго стал стар... — Тут он искоса глянул на Клитча. — Или что он потерял свою хватку. Некоторые из вас даже думают, что Фераго стал глухим, и сплетничают за его спиной. — Фераго улыбнулся Форгрину и Рванохвосту. Оба заметно побледнели. Он продолжал: — Кто же знает меня лучше, чем я сам? Я — Фераго Убийца, хозяин юго-западных земель да и всех других, куда я вздумаю вонзить свой коготь. Нет зверя умнее, хитрее и злее меня! Сейчас я поведу вас на крепость, и вы должны взять ее! И вы ее возьмете, а если я прикажу, то и умрете там! Вы станете богатыми и сытыми или же проклянете день, когда родились...

Когда голова рептилии просунулась в пещеру, Мара лихорадочно кинулась искать свой кинжал, но не нашла его. Его нашел Пиккль. Разбуженный криком Мары, перепуганный заяц упал на кинжал, и его острие вонзилось ему в бок. С резким криком Пиккль прыгнул вперед, стремясь схватить рептилию за голову. Ящерица откинулась назад, и Пиккль ухватил ее за шею. Сцепившись, они выкатились из пещеры. Отбросив всякую осторожность, Мара прыгнула за Пикклем. С глухим стуком она приземлилась на песок и была немедленно атакована ударом хвоста желтобрюхой ящерицы. Ужасная тварь погрузила когти в мех Пиккля, в то время как он сжимал ее голову мертвой хваткой.

Мара решила проблему, ухватив ящерицу за хвост. Но к ее ужасу, хвост остался у нее в лапах. Ящерица немедленно отпустила Пиккля, повернулась к Маре и плюнула на нее:

— Кссс! Что ты наделала, глупая полосатая собака!

Мара вспыхнула от гнева. Она стукнула ящерицу по голове, заставив ту перекувырнуться, и кинула хвост ей вслед.

— Не смей плевать на меня, дрянь! Только посмей еще раз обозвать полосатой собакой, и я исполосую тебя, чтобы тебе было о чем подумать.

Ящерица уселась, выставив ярко-желтое брюшко. Ее нижняя губа задрожала, когда она стала вертеть в лапах оторванный хвост.

— Кссс! Мой самый лучший хвост, который я когда-либо отращивала. Кссс! Сколько теперь понадобится лет, чтобы вырастить такой снова.

Ни Мара, ни Пиккль не испытывали к ящерице никакой жалости. Пиккль помахал лапой:

— Что ты там выдумываешь, желтобрюхая? Сама вытащила нас из пещеры!

Слезы покатались из глаз ящерицы, и она затрясла головой:

— Кссс, это моя пещера! Я выкопала ее. Кто сказал, что какой-то кролик и полосата... и барсучиха могут ею пользоваться?

Пиккль сделал шаг вперед, его уши встали торчком.

— Поменьше кроликов, милая, а не то я покажу тебе, что значит двойной заячий удар!

Мара поспешила вмешаться, чтобы предотвратить новую драку:

— Прости, мы не знали, что это твоя пещера. Мы только переночевали в ней, чтобы спастись от пресле-

дователей. Ты, наверное, видела их, да? Ты должна быть нам благодарна, так как мы сделали твою пещеру еще лучше, мы расширили ее для тебя. Между прочим, меня зовут Мара, а это Пиккль.

Ящерица сидела надутая и продолжала вертеть в лапах оторванный хвост.

— Зовите меня Свинки. Не очень-то было приятно повстречаться с вами. Поломали мою нору, теперь она будет велика для меня.

Пиккль сел рядом с ящерицей:

— Перестань бубнить, Свинки. Если хочешь, мы сделаем пещеру меньше. Слышь, у тебя случайно нет чего-нибудь на завтрак, а?

Свинки начала рыть ямку, чтобы похоронить свой возлюбленный хвост, все время бормоча и шипя:

— Кссс! Завтрака вокруг полно! К твоему сведению, чтобы снова вырастить такой хвост, мне понадобятся годы и годы.

Мара попыталась урезонить ее:

— Слушай, мы совсем потерялись. Ты знаешь Саламандастрон, большую барсучью гору на взморье? Если знаешь и проводишь нас туда, мы дадим тебе много завтраков, каких ты только захочешь.

— Кссс! Болотные черви и мухи лучший завтрак для Свинки. — Ящерица несколько раз выстрелила своим языком. — Кссс! Я знаю эту гору.

Пиккль подтолкнул Мару локтем, доверительно обротившись к ящерице:

— Проводишь нас, ладно? У нас там в горе полно болотных мух и червей. Думаю, мы можем насобирать тебе мешок или два. Каких ты любишь больше — жареных, вареных или в салате?

Свинки скорчила рожицу:

— Кссс, не вареными, не жареными, Свинки любит их живыми, чтобы они вертелись на языке и пищали. Кссс, идите за мной!

День начинался жаркий и солнечный. Друзья шли между дюнами за ящерицей, полностью потеряв ориентировку.

— Пиккль, ты уверен, что она выведет нас домой? — спросила Мара, понизив голос.

Заяц сорвал несколько одуванчиков прямо с корнями. Передав часть их Маре, он принялся методично жевать, сплевывая на песок.

— Кто знает, старушка? Мы целиком в ее власти. Она может завести нас куда захочет. Давай положимся на ее жадность и на наше обещание двух мешков с мухами.

В полдень они остановились и выкопали небольшую ямку в песке, где образовалась грязная лужица, из которой с радостью попили. Мара зевнула и потянулась:

— Я ни минуточки не спала сегодня ночью.

Свинки тоже растянулась на песке:

— Кссс, я вообще не спала прошлой ночью, потому что вы заняли мою нору. Кссс, лучше поспим сейчас, впереди еще долгий путь.

Прошел час. Мара и Пиккль, свернувшись на мягком песке, мирно проспали весь полдень, и даже порыв легкого ветра не разбудил их. Зато он разбудил Свинки, ее глаза открылись, и минуту она понаблюдала за своими спутниками. Уверившись, что они крепко спят, она поползла прочь, шипя себе под нос:

— Кссс, оторвали хвост, ударили Свинки, спали в моей норе, кролик и полосатая собака наверняка обманули меня насчет болотных червей и мух. Не стану я им ничего показывать. Кссс!

13

Прелесть золотого летнего утра, наступившего после урагана, бушевавшего накануне вечером, не принесла радости обитателям аббатства Рэдволл. Спортивные игры в честь Дня Названия были отменены. Самким сидел один в изоляторе, онемевший от непонимания того, что произошло. Неужели брат Хэл действительно мертв? Кто совершил этот ужасный поступок? Бельчонок понятия не имел о том, что происходит за стенами изолятора, куда он был препровожден братом Ревунчиком и аббатисой сразу после того, как его, с луком в лапах, нашли рядом с телом погибшего. Правда, ему обещали, что

никому ничего не расскажут, пока будет идти расследование.

Покуда радвольтцы завтракали на лужайке, в Пещерном Зале шло совещание. Этот зал был много меньше Большого, откуда сюда вела лестница. Там собрались аббатиса, Кротоначальник, Остролист, Бреммун и Настурция, чтобы обсудить случившееся. Бреммун отодвинул в сторону тарелку с нетронутым завтраком:

— Друзья, поверить в это невозможно — брат Хэл мертв. Где сейчас этот Самким?

Аббатиса подняла лапу, призывая к молчанию:

— Он в изоляторе. Бреммун, мы все тронуты смертью нашего брата не меньше, чем ты, но прошу тебя не торопиться с выводами. Мы ничего не знаем о случившемся, за исключением того, что брата Хэла больше нет с нами.

Теперь заговорила сестра Настурция:

— Матушка аббатиса, я, к сожалению, не располагаю никакими доказательствами, но хочу высказать то, что у меня на сердце. Никто в аббатстве не верит, что Самким мог быть настолько легкомысленным, чтобы лишить кого-нибудь жизни.

Аббатиса спрятала лапки в рукава своей широкой сутаны:

— Я полностью согласна с тобой, сестра, и никто пока Самкима не обвиняет.

— Брат Ревунчик сказал мне, — возразил Бреммун, — что когда нашел Самкима стоящим над телом Хэла с луком в лапах, он сказал ему: «Самким, что ты наделал?»

Его прервал брат Остролист:

— Да, и юноша ни слова не сказал ему в ответ. Было такое впечатление, будто он онемел от горя. Но

я имею сказать вам нечто способное пролить свет на происшедшее. Видел ли кто-нибудь сегодня Битоглаза и Туру? Дело в том, что, когда я проснулся, их не было в постелях.

Кротоначальник решительно встал:

— Оставайтесь здесь, а я попытаюсь разыскать их. Может, им что-нибудь известно.

Остролист взял лежавший на столе пергамент:

— Это дал мне брат Ревунчик. Пергамент нашли в лапах брата Хэла.

Собравшиеся склонились над листом и стали читать написанное много лет назад. Вскоре они пришли к выводам, к которым до них пришел брат Хэл.

От имени всех заговорила Настурция:

— Что ж, теперь мы знаем, каким образом меч Мартина попал к Самкиму — удар молнии вышиб меч из флюгера, и он упал на землю. Но с какой целью, интересно знать?

В эту минуту вернулся Кротоначальник и сказал:

— Я отправил всех на розыски ласок, но пока никаких результатов. Меч Мартина тоже исчез.

Гневный голос Бреммуна прервал наступившее молчание:

— Исчез меч Мартина Воителя? Грязные хищники! Они дорого заплатят за это, когда попадутся нам в лапы!

Послышался стук в дверь, и вошел Тодд Иголка.

— Приветствую вас всех. К сожалению, не могу сказать вам «доброе утро», ибо оно совсем не доброе. Кротоначальник, ты вчера вечером проверял запоры на дверях?

— Я всегда делаю это, никогда не забываю.

Тодд потряс тростью:

— Я-то знаю, что ты это делаешь. Но сейчас мы проверили все ворота, и восточные оказались незапертыми.

В наступившем молчании Кротоначальник одним духом выпалил дополнительную информацию, которой располагал:

— Исчезла также еда, которая была приготовлена для малышей в Большом Зале. И по всему залу были разбросаны спортивные принадлежности.

Аббатиса Долина встала:

— Как только похороним брата Хэла, мы отправим отряд на поиски ласок. Их нужно будет немедленно привести назад! А сейчас я должна идти прямо к Самкиму и рассказать, что ему не в чем себя упрекнуть.

Но у замочной скважины подслушивала Арула, и уже через мгновение она была на пути в изолятор.

Солнце позднего утра ярко освещало небольшую грустную процессию, направлявшуюся на кладбище аббатства Рэдволл. Там и состоялась церемония предания земле останков брата Хэла. Были венки и букеты полевых цветов. Труган почтительно положила на холмик горсть цветных камешков и маленькое гусиное перо как знак уважения к летописцу аббатства, а крошка Думбл положил рядом свою любимую куклу-мышку, сплетенную из соломы. Вера Иголка прочитала небольшое стихотворение:

— Ты жил среди нас, в этом доме живущих,
И встретил последний свой час,
Но в веснах грядущих и летах грядущих
Ты жив будешь в сердце у нас.

Пока на западной лужайке проходила эта печальная церемония, из окна первого этажа змеей выскользнула веревка. В мгновение ока Самким и Арула оказались на земле и бегом направились к восточным воротам. Кроме

мешка со съестными припасами, Самким прихватил колчан стрел и лук, из которого была выпущена стрела, поразившая брата Хэла. Арула взяла большой прививочный нож и пращу с запасом камней. Друзья быстро открыли ворота и углубились в Лес Цветущих Мхов.

После похорон брат Остролист и аббатиса направились в изолятор. Аббатиса утирала глаза носовым платком.

— Представляю себе, как расстроился бедняжка Самким из-за того, что не смог даже проводить брата Хэла в последний путь. Что ж, может быть, его несколько утешит то, что я предложила назначить его в поисковую партию, которая должна отправиться в погоню за ласками.

Дверь изолятора была широко распахнута. Остролист вошел, оглядел пустую комнату и взял в лапы наволочку с выведенной на ней углем надписью:

*Это сделали ласки. Мы отправились за ними,
чтобы вернуть их, и меч тоже.*

Скажите брату Ревунчику, что это не я.

*Не беспокойтесь, с Арулой и со мной все будет
в порядке.*

Самким

Старый лекарь сказал:

— Я чувствую, что меч Мартина не зря упал на землю рядом с Самкимом. Этот юноша отмечен судьбой, и ему послан знак. Отмени поисковую партию, Долина. Давай поверим Мартину Воителю.

Солнце начало медленно спускаться в море. В конце длинного летнего дня небо оставалось таким же безоблачным, как и утром. Одинокiй Саламандастрон

высился торжественной глыбой на фоне желтовато-коричневых песков.

Зайцы из Дозорного Отряда следили за окрестностями из кратера давно потухшего вулкана. Вооруженные и настороженные, они молча наблюдали приближение освещенной факелами орды, неуклонно продвигавшейся между дюнами.

Фераго Убийца шел на Саламандастрон!

Молодая зайчиха по имени Денежка нервно сглотнула, беспокойно водя лапой по тетиве лука. Бычеглаз мягко потрепал ее по загривку, когда проходил мимо:

— Спокойствие в рядах, Денежка!

Он перешел к другому новобранцу, Бережку, который сортировал камни для своей пращи:

— Как раз то, что нужно, парень. Первый бой, не так ли?

— Да, командир. Я решил набрать камней получше и открыть свой счет убитых хищников.

— То же самое сделал и я, когда был юнцом вроде тебя.

— Думаешь, они скоро будут здесь? — С этими словами Бережок проверил свою пращу, резко раскрутив ее.

— Не волнуйся, парень. Когда они придут, я буду рядом с тобой.

Бережок слегка расслабился, успокоенный присутствием ветерана. Не сводя глаз с приближающихся огней, он пробормотал:

— Владыки Урта все еще нет. Как думаешь, где он?

— О, он может быть где угодно. Не вздумай задремать, в любой момент могут принести ужин.

Бычеглаз двинулся мимо наблюдательного пункта, бормоча зайцам подбадривающие слова, одно его присутствие вселяло спокойствие в солдат Дозорного Отряда.

Внутрь горы, в крепость Саламандастрон, вели ходы, состоявшие из жилых помещений и залов, что придавало всему огромному сооружению вид первозданного муравейника. Некоторые помещения освещались факелами, другие — дневным светом из окон. В конце одного из таких коридоров огромный камень-валун был отвален в сторону, лампа заливала мягким золотистым светом небольшую комнату, в которой находился Урт. Именно здесь он обычно искал одиночества, когда разум его пребывал в смятении. Все стены были исписаны изображениями сцен из летописей Саламандастроны и его правителей-барсуков. Все они были здесь: Старик Броктри, Копьеносец Утесник, Синяя Полоса, Правитель Мудрый, Вепрь и Солнечный Блик. Это было таинственное место, исполненное премудрости барсуков.

Урт Полосатый поставил фонарь на край камина и взял в лапы долото. Выбрав на стене чистое пространство, он начал высекать в камне собственный портрет. Закончив, он вынул из кармана фартука горсть сухих трав, которую затем поджег огнем из фонаря. Вскоре пещера наполнилась кольцами серого дыма, в котором чувствовался запах осеннего леса. Барсук заговорил речитативом, слова сами рождались в его голове, а он, словно в забытьи, продолжал долбить стену:

— Волны жизни, волны моря
Набегут и убегут:
С прошлым будущее спорят,
Но единство берегут.
О, из сумерек придите,
Встаньте рядом, барсуки,
Гнев мой истовый смирите,
Что закону вопреки.

Сержант Сапвуд остался сторожить оружие в соседнем помещении, сидя у запертого окна на нижнем уровне. Из лап небольшого крепкого зайца, за спиной которого болтались два коротких меча, он принял миску горячих грибов и суп из лука-порей. Вместе они сели на подоконник и поужинали, следя за кажущейся бесконечной, освещенной факелами процессией, спускающейся этой безлунной ночью с дюн.

Сапвуд невозмутимо подул на суп, чтобы остудить его:

— Думаешь, они хотят испугать нас, Чертополох?

Барт Чертополох из славной семьи Чертополохов неторопливо повернул свой длинный аристократический нос к огням, двумя потоками направляющимся к горе:

— Выглядит и впрямь забавно, Сап. Хотя, если бы я был на месте этих хищников, я предпочел бы хорошенько выспаться, вместо того чтобы устраивать парад, напоминающий брачные игры светлячков.

Клитч неодобрительно покачал головой:

— Ну, если они и не знали о нашем походе, теперь им известно о нем наверняка. Все эти факелы — глупость.

Голубые глаза Фераго ярко сверкали в свете факелов.

— Они все равно увидят нас. А я этого и хотел. Разве ты не понимаешь, что это демонстрация силы? Каждый из нас несет по два факела, и выглядит это, будто нас вдвое больше. Кроме того, они видят факелы, но на расстоянии не могут понять, кто мы: лисы или лягушки, хорьки или жабы, большие мы или маленькие, плохо или хорошо вооружены. Это заставляет их нервничать и теряться в догадках. А теперь смотри, мой желторотый сын!

Фераго пронзительно свистнул и затушил свой факел, воткнув его горящим концом в землю. И каждый солдат последовал его примеру. Свет вокруг Саламандастрона померк, словно по мановению волшебной палочки.

— Теперь они знают, что мы здесь, но не видят нас. — Фераго сел на песок, удовлетворенно усмехаясь. — Мы можем поспать до рассвета, а они пускай бодрствуют и не находят себе места от тревоги.

Клитч тоже затушил свой факел.

— Я все-таки думаю, что это чертовски глупо. Отец, я говорил тебе, они опытные бойцы и все эти трюки им известны.

Тени от лампы прыгали по стенам пещеры, пока барсук шептал свои стихи. Дым от трав уже улетучился, Урт Полосатый протер глаза и зевнул, как после глубокого сна. Отложив в сторону долото, он взял в лапы фонарь и поднес его вплотную к стене, освещая свежую надпись. Голос барсука эхом отдавался в пещере, когда он нараспев стал объяснять себе рисунок:

— Два барсука. Этот маленький — моя Мара. Но кто же другой, я? Нет, не похоже. У меня есть полосы, а у него нет. — Правитель горы прикрыл глаза. Он покачал головой, полузабытые образы роились в его памяти. — Странно, барсук без полос... Без полос? — Он моргнул и снова обратился к рисунку. — Что это? Глаза хищника? Да, это глаза хищников, их двое, возможно, это горностаи. Что это круглое между ними, луна, солнце? Нет, на нем что-то вырезано, но оно слишком маленькое, я не могу разобрать. А вот меч, оружие воителя, а вот я.

Рядом с фигурой Урта появилось несколько строчек. Барсук прищурился, изучая их:

— Духом крепись, ибо грянет гроза,
Жребий бойца — Владыке.
Битву несут голубые глаза,
Юности — путь в земли дики.
Будет гора эта для барсука,
Меч рассечет супостата,
Примет защитницу издалика
Аббатство, как было когда-то.

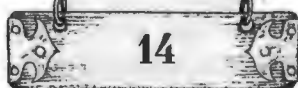
Урт выпрямился, глаза его выражали понимание собственной участи. Он почувствовал, как лапа судьбы коснулась его сердца, но мысль о подступающей войне отогнала прочь грусть и страх. В его мысли ворвался голос Сапвуда:

— До рассвета еще три часа. Хищники окружили нас. Все на своих постах, ожидают приказа. Ты идешь к войску, владыка?

Барсук снял рабочий фартук:

— Они увидят меня в час рассвета, сержант, и я увижу их. При утреннем свете мы посмотрим и на вражескую орду. Поддай мне латы, меч, шлем и копье!

Битоглаз и Тура направлялись к югу Страны Цветущих Мхов. Они поначалу взяли хороший темп, да и теперь не мешкали, зная, что, когда обнаружат тело брата Хэла и пропажу меча, неизбежно начнется погоня. Высокий лес стоял молчаливой зеленой стеной, наполненной шепотом листьев и птичьими трелями.

Битоглаз шел впереди, хлеща по папоротнику и крапиве своим сверкающим мечом. По мере приближения полудня Тура стал все заметней отставать. Битоглаз нетерпеливо поджидал его, вытирая меч о рукав, а затем позвал, пытаясь разглядеть фигуру товарища сквозь сомкнутые ряды древесных стволов:

— Пошевеливайся, чудила!

Тура вытер вспотевший лоб. Прислонившись к дубу, он тяжело перевел дух:

— Мне нужно отдохнуть. Не знаю, что со мной такое. Чувствую себя ужасно.

Битоглаз насмешливо фыркнул:

— Еще чего! Поторапливайся!

Когда Тура попытался догнать товарища, пот бисеринками выступил у него на носу. Морда Туры была нездорового серого цвета, его лапы дрожали.

— погоди, чудила. Ты же не бросишь меня. Слушай, понеси ты съестные припасы, тогда я смогу идти побыстрее.

— Нести припасы? — Битоглаз презрительно выпятил губу и ударил мечом по стволу молоденькой рябины. — Нет уж, дудки! Я и так несу меч. Но вот что я тебе скажу, давай остановимся ненадолго и позавтракаем. Тогда тебе будет легче нести.

Благодарный Тура выронил мешок с провизией на землю и упал на краю маленькой полянки. Битоглаз немедленно сел рядом и стал угощаться хлебом с медом и орехами, не обращая внимания на жалкое состояние Туры.

— Слушай, нам нельзя останавливаться надолго, наверняка они уже отправились по нашему следу.

Тура свернулся клубком, он все время дрожал, зубы его постукивали, хвост дергался. Битоглаз прекратил есть и ткнул приятеля лапой:

— Эй, чего дрожишь, чудила?

Голова Туры тряслась, когда он, заикаясь, промолвил в ответ:

— Б-б-больной! Я с-с-совсем б-б-больной! Мне п-п-плохо.

Инстинктивно Битоглаз отодвинулся:

— Лихорадка?

— П-п-помоги мне! — Тура умоляюще вытянул лапы.

Вместо ответа Битоглаз взвалил на плечи мешок с остатками провизии:

— Пошли. Ладно, я понесу мешок с едой, но не могу же я нести тебя, чудила. Я совсем не хочу подхватить лихорадку. — Он сделал несколько шагов и сердито оглянулся на скорчившегося Туру: — Ну, идешь ты или нет?

Тура не ответил. Битоглаз рассерженно хмыкнул:

— Ну и ладно, полежи здесь, пока не полегчает. Я пойду не слишком быстро, так что сможешь нагнать меня.

Так и не дождавшись ответа от своего приятеля, Битоглаз углубился в лес, направляясь на юг и в то же время немного забирая на запад. Битоглаз начал громко разговаривать сам с собою, чтобы заглушить угрызения совести:

— Должно быть, он чего-нибудь съел. Небось догонит меня еще до вечера, когда проголодается.

Идти по следу ласок было нетрудно. Самким и Арула ясно видели поврежденные и обрубленные растения, по которым Битоглаз хлестал мечом.

— Если пойдем побыстрее, то догоним их уже сегодня. Они не могли уйти далеко. Пошли, Арула.

— Незачем спешить, друзья, хе-хе-хе!

Тонкий пронзительный голос шел, казалось, ниоткуда. Самким и Арула остановились, оглядывая стену листвы перед ними.

Голос послышался опять:

— Беспокоятся, спешат, некоторые только это и делают. И к зрелому возрасту у них совершенно не остается времени. Посмотрите на меня — я не считал прожитых лет, и я все еще резв, как блоха. Хе-хе-хе!

Самким наложил стрелу на тетиву:

— Покажись!

Ковер высоких папоротников раздвинулся, и их взору предстал старик мыш. Маленький и худенький, одет он был в длинный коричневый кафтан цвета древесной коры, его морду обрамляла огромная белая борода, такая большая, что казалась облаком, из которого виднелись только черные глазки.

Старик рассмеялся и выкинул коленце. Для такого старца он был удивительно подвижен.

— Хе-хе-хе! Можешь опустить лук. Я не собираюсь нападать на вас. Хочешь знать, откуда мне известно, что вы из аббатства? Очень просто. Говорите с акцентом, свойственным жителям Рэдволла. А я — Фургль Отшельник. Живу здесь один, совершенно один, не выношу никаких компаний, предпочитаю собственную. Полагаю, вы гонитесь за двумя ласками, что прошли тут недавно?

— А ты видел их?

Фургль исполнил коротенький танец вокруг Арулы:

— Конечно, я видел двух этих вонючих хищников. Шли себе по лесу, будто он их собственный. Но вам незачем торопиться, чтобы догнать их.

Самким вежливо поклонился отшельнику:

— Меня зовут Самким. Это Арула. Ты, конечно, прав, мы оба из аббатства Рэдволл. Почему ты говоришь, что нам незачем торопиться?

Фургль терпеливо подождал, пока Самким не спря-
тал стрелу:

— Потому что один из них очень болен. Он не
может идти. А вот я, например, и дня в своей жизни
не болел. Пойдемте, я провожу вас.

Без дальнейших слов отшельник двинулся в путь.
Самким и Арула с трудом поспевали за размашистым
шагом своего проводника.

Через час они оказались на уже известной нам по-
лянке.

Арула заметила лежащего ничком Туру:

— Посмотрите, это Тура. Он, должно быть, болен.

— Подождите! — Фургль преградил им путь к Ту-
ре. — С этими хищниками ничего нельзя знать заран-
нее. Дай-ка мне стрелу, Самким. Посмотрим, болен он
или притворяется.

Фургль отломил наконечник стрелы и привязал
к месту надлома пучок листьев. Затем протянул стре-
лу обратно Самкиму:

— Теперь стреляй, бельчонок.

Самким приладил стрелу и сделал меткий выстрел.
Стрела попала Туре в спину и упала рядом на траву.
Тура не двигался.

— Так я и думал, он мертв, — уверенно кивнул
отшельник.

Его спутники кинулись к неподвижному телу. Сам-
ким перевернул его на спину:

— Мертв? Не могу поверить!

Фургль потянул друзей прочь от мертвеца:

— Не подходите слишком близко, он умер от ли-
хорадки. Ну ладно, рад был повстречаться с вами,
но сейчас я должен идти по своим делам. Если вы

намерены похоронить его, то надо сделать это быстро, только старайтесь не прикасаться к нему. До свидания.

В мгновение ока он исчез в глубине леса.

Самким покачал головой:

— Не очень-то похоже на настоящего жителя леса, я бы сказал. Впрочем, полагаю, у него были на то свои причины. Сейчас нам следует похоронить Туру и надо догонять его друга Битоглаза. Ха, что это за друг, оставил своего товарища умирать в одиночестве. Меча, между прочим, нигде не видно, значит, он унес его с собой. Арула, где ты?

Кротиха уже рыла яму рядом с телом Туры. Темные комья так и взлетали вверх, когда она вгрызалась в землю своими острыми когтями.

— Уф, готово! Теперь осталось только подтолкнуть его твоим луком, Самким.

Самким так и сделал, и тело соскользнуло в яму. Арула быстро стала закидывать его землей, которую она выбросила наружу.

— Лучшее, что мы могли сделать для бедняги.

Хотя в тот день на ланч в аббатстве были только легкий летний салат и ежевичные лепешки, брат Ревунчик чувствовал себя очень уставшим и насквозь вспотевшим. Он вышел из кухни и направился на берег пруда, где было чуть прохладнее. Толстяк снял с себя шапочку и передник и вытер лоб листком щавеля. На берегу показался Труг, тащивший за собой сеть для рачков:

— Эй, старина, где лепешки к чаю?

Брат Ревунчик тяжело плюхнулся на землю и покачал головой:

— Дались тебе эти лепешки. Знаешь, Труг, я ужасно зябну сегодня.

Труг сел рядом с ним:

— Думаю, это из-за твоих горячих духовок, приятель.

— Нет, я сегодня вообще плиту не разжигал. Бррр! Как холодно!

— Холодно? Да сейчас середина лета, дружок. Не знаю, с чего это тебе холодно. Да ты весь мокрый от пота!

Брат Остролист, стоя у окна изолятора, вытряхивал одеяло, когда Труг позвал его:

— Эй, брат. Брату Ревунчику что-то не слишком хорошо. Может, мне перенести его в лазарет, чтоб ты мог им заняться?

Остролист аккуратно сложил одеяло:

— Будь добр, принеси его наверх, Труг. — Когда тот исчез из виду, Остролист повернулся к ежонку, сидевшему на краешке кровати: — А теперь закрой глаза и открой рот, Бринкль. Будь паинькой, это лекарство поможет тебе чувствовать себя лучше и не потеть. Скоро будешь как огурчик, поверь мне, малыш.

Тодд Иголка обнаружил своего старого друга крота Беррли в одной из винных кладовых сидящим у бочки с октябрьским элем. Еж осуждающе постучал по полу своей палкой:

— Ты все не напробуешься нашего эля, Беррли?

Обычно блестящие глаза крота были сегодня тусклыми, как пуговицы. Он еле-еле помахал лапой своему другу:

— Ох! Уходи, Тодд. Я чувствую себя страшно и ужасно, ни одна капля эля не коснулась сегодня моих усов.

Тодд взвалил Беррли на спину:

— Поехали в изолятор, дружище. Может, ты заболел или еще что.

К вечеру изолятор был полон. Аббатиса Долина и Остролист обсуждали возможность использования верхних галерей в качестве дополнительного лазарета.

— К нам пришел Фургль Отшельник, — доложила Вера Иголка аббатисе. — Ты не поверишь, он видел сегодня Самкима и Арулу.

Сидя в комнате аббатисы, Фургль с удовольствием пил настойку из буковых орешков и ел сливовый пудинг. Утолив голод, он обернулся к аббатисе:

— У меня есть для тебя чрезвычайно важная новость.

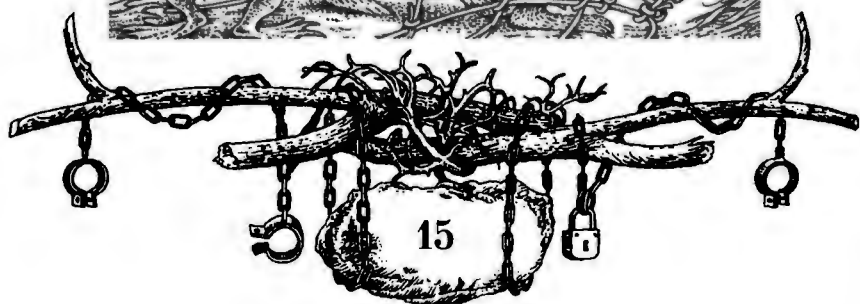
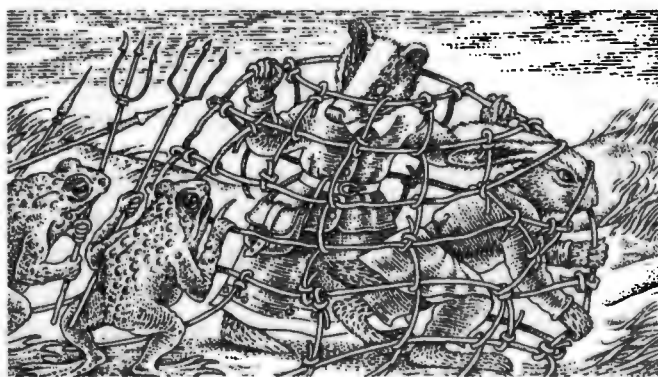
Долина нервно сунула лапы в рукава:

— Ты про Самкима и Арулу? С ними что-нибудь случилось?

— О, они в порядке, в полном порядке. Я хотел рассказать о ласке. Одной из тех, что были здесь в аббатстве. Сегодня днем после обеда бедняга упал и умер. Я совершенно уверен, он умер от болотной лихорадки!

— Болотная лихорадка! Ты уверен, Фургль? Старик грустно кивнул.

Мара проснулась оттого, что нечто тяжелое прижало ее к земле. Воздух был наполнен ликующим кваканьем. Она попыталась встать, но не смогла.

— Что происходит? Пиккль, проснись!

Рядом зашевелился Пиккль:

— Слышь, что это? Вонища-то!

Мара лежала минуту, осмысливая ситуацию. Они были опутаны сплетенной из тростника сетью, придавленной к земле валунами. Через мелкую ячейку она повсюду видела сотни огромных жаб, эти твари кривлялись в победном танце, зобы их то раздувались, то опадали, когда они

издавали пронзительное кваканье. Большинство жаб было вооружено трезубцами и ременными пращами.

Ящерица Свинки торжествующе выпрыгнула вперед, потрясая кинжалом и сломанным дротиком, которые были единственным оружием Пиккля и Мары.

— Ксс! Как себя чувствуете? Не хотите ли оторвать мне хвост или разломать мою нору?

Сами того не ожидая, друзья обзавелись опасным врагом. Мара попыталась урезонить Свинки:

— Я очень сожалею о том, что произошло. К тому же мы обещали тебе вознаграждение, если ты приведешь нас домой.

— Кссс! Лж-ж-ж-жецы! В обмен на вас король Глагвеб даст мне очень много болотных червей и мух.

Пиккль потряс сеть в бессильном гневе:

— Ты грязная свинья, Свинки!

К сети вразвалку подошла огромная красноглазая жаба и отодвинула Свинки в сторону. Вся ее зеленая кожа была покрыта бородавками. Жаба просунула длинный трезубец сквозь сеть, едва не выколов пленникам глаза:

— Бре-екс! Пищевым рабам молчать! Или умрете!

— Лучше делай, как он говорит, Пиккль, а то он и впрямь убьет нас! — прошептала Мара Пикклю.

Ящерица поклонилась массивной жабе:

— Кссс, Свинки предложила тебе отличную сделку, король Глагвеб!

Король жаб важно кивнул и взмахнул трезубцем. Две жабы меньшего размера вышли вперед, с собой они тащили большой мешок, который беспрестанно шевелился.

Свинки взяла его и стала пятиться, кланяясь и приседая:

— Ксс, болотные мухи и черви, нет надобности считать их. Свинки доверяет своему другу, великому королю. — И Свинки потащила мешок в дюны, на прощание помахав лапой Мару и Пикклю: — Пока, пищевые рабы. Кссс!

Своих пленников, барсучиху и зайца, жабы заставили идти, не сняв с них сети. Спотыкаясь, пленники брели по дюнам, окруженные кривляющимися жабами, которые, казалось, хотели только одного — пнуть их трезубцем.

На дюны опустилась ночь, а пленники все еще шли. Мара уже передвигалась на четвереньках. Пиккль по-собачьи шел рядом. Постепенно до их онемевших чувств дошло, что теперь они бредут по сырой, влажной равнине, где растут пучки травы и валяются комья грязи.

Одна из жаб достала раковину и подула в нее, раздувая зоб. Откуда-то издалека раздался ответный звук и показались огни.

Король Глагвеб жестоко ткнул Мару своим трезубцем:

— Крекс! Шевели лапами, полосатая собака. Уже скоро!

Когда они добрались до места назначения, пленники плюхнулись на влажную землю, задыхаясь от изнеможения.

Король Глагвеб ткнул зайца древком своего трезубца:

— Крекс! Посадить пленников в яму.

Сеть грубо потянули, затем два десятка жаб ее вывернули. Мару и Пиккля сбросили в глубокую яму. Грязная вода, покрывавшая дно ямы, доходила до середины лап.

Пиккль попытался взобраться наверх по скользкой глинистой стене, но соскользнул назад.

В темноте раздался хор голосов, один из них звучал громче других:

— Зря тратите время и силы.

Мара почувствовала, что лапа ее наткнулась на короткий грязный мех:

— Кто ты?

В темноте проступили очертания небольшой фигурки.

— Мы пленники. Пищевые рабы, как и вы. А как вас зовут?

— Я — Мара из Саламандастрона. А это мой друг, Пиккль. Он тоже пришел из горы.

— А я — Нордо, единственный сын Лог-а-Лоба. Мой отец — предводитель Гуосима, Партизанского Союза Землероек Страны Цветущих Мхов. Нас здесь тридцать четыре землеройки.

Нордо увел друзей в маленькую пещеру, вырытую в стене ямы. Он усадил их и принялся объяснять:

— Глагвоб и его племя — это жабы-каннибалы. Если нет пленников, они съедают наиболее слабых из своего племени. Сегодня можете чувствовать себя спокойно, прошлой ночью они схватили шестерых из нас. Теперь у нас есть передышка. Я подслушал сегодня разговор двух гвардейцев и понял, что нас будут беречь и откармливать для Дня Большого Пира.

Мара томила в замкнутом пространстве, она сцедила лапы и бешено прорычала:

— Хотела бы я посмотреть, как они попытаются съесть меня. Нордо, почему вы сидите здесь, ничего не делая? Разве вы не можете попытаться спастись,

вместо того чтобы ждать, пока эти грязные твари съедят вас?

Нордо придвинулся поближе и зашептал:

— Это именно то, что мы и делаем. Вы с нами?

Мара и Пиккль в темноте обрадованно стиснули ему лапу:

— Мы с вами, целиком и полностью!

— Хорошо! У нас есть посланец. Когда настанет день, вы увидите летающего неподалеку вьюрка. Зовут его Листок. Он — друг землероек, поэтому мы ждем его появления. В тот день, когда он уронит в яму черный желудь, мы выберемся отсюда. Мой отец и наши землеройки нападут на жаб из-за реки к югу отсюда. Они вынудят жаб отступить от этой ямы. Наша задача в том, чтобы защитить себя, пока не подоспеет помощь.

Мара кивнула:

— И как мы сделаем это?

— Довольно просто. Эта пещерка, в которой мы находимся, выкопана нами, чтобы можно было здесь отсидеться, когда жабы захотят достать нас. Пока мы копали эту пещерку и другие, мы нашли в грязи много камней. Мы сложили их в кучи, а из разорванной одежды понаделали пращей. Так мы и защитим себя, пока землеройки не вытащат нас из ямы.

ВОИНЫ
И ЧУДОВИЩА

КНИГА
ВТОРАЯ

Модернутый дымкой бледный рассвет посылал золотые лучи на тающий над Саламандастроном туман. Урт Могучий широко шагал по песчаному берегу, позади него строем шли десять зайцев. Барсук выглядел именно тем, кем он и был, — настоящим воином, в своих блестящих металлических поножах, в нагруднике и шлеме, украшенном плюмажем и резным забралом. По спине Урта шла перевязь с обоюдоострым мечом, его правая лапа покоилась на любимом копье, которое весило не меньше взрослого зайца. По древку шел металлический орнамент. Урт запрокинул голову и выкрикнул боевой клич барсуков, который раздался под небом наподобие грома:

— Эу-у-ула-лиа-а-а! Я Урт Могучий, правитель горы! Кто осмелился ступить на мою землю?

Из-за укрытия, образованного несколькими камнями на берегу, появился белый флаг, и последовал ответный крик:

— Белый флаг перемирия, белый флаг перемирия. Мой хозяин желает вступить в переговоры!

Показался Рванохвост, бешено размахивающий флагом. Глаза Урта гневно блеснули за забралом.

— Урт не разговаривает с хищниками, он с ними сражается!

Позади Рванохвоста поднялся высокий голубоглазый горноста́й. Когда он выступил вперед, в его голосе не было ни вызова, ни угрозы:

— Мое имя — Фераго. Нет необходимости сражаться друг с другом, Владыка Урт Полосатый. Кроме того, если бы я пожелал драться, тебе пришлось бы худо. За твоей спиной я вижу жалкий десяток зайцев.

Урт промолчал. Он пристально смотрел на Фераго, как будто пытаясь извлечь что-то из глубин памяти. Солнечный свет играл на золотом медальоне Фераго, горноста́й обезоруживающе улыбался. Барсук смотрел на Фераго через прорезь забрала, а в коридорах его памяти роились какие-то образы, слишком туманные, чтобы можно было их разобрать. Чем пристальнее он смотрел, тем более его смущал этот голубоглазый горноста́й с золотым медальоном на шее. Урт покачал головой и поднял забрало:

— Фераго, Фераго... где я мог слышать это имя? — Он опустил копьё. — Послушай, Фераго,

за моей спиной, может, и идет десяток зайцев, но в глубине горы их гораздо больше.

Фераго отошел от барсука на несколько шагов и помахал лапой. В мгновение ока позади камней вырос ряд вооруженных хищников. Горностаи повернулись вправо, влево и снова взмахнул лапой. Его воины поднялись среди дюн и стояли подобно высоким травам-сорнякам, вызванным к жизни заклинанием: ряд за рядом — хорьки, ласки, горностаи, крысы и лисы, каждый вооружен до зубов. Под легким ветерком развевались кроваво-красные знамена, украшенные черепами, шкурками и пучками шерсти.

С усмешкой Фераго обернулся к Урту Полосатому:

— В глубине горы всего тридцать зайцев, мне это прекрасно известно. Нас впятеро больше. Но не будем говорить о битвах. Я гость в твоей стране — где же твое хваленое гостеприимство? Пригласи меня в крепость, мы поговорим...

— Никогда! Никогда я не позволю хищнику войти в Саламандастрон!

Урт Полосатый заметил, что, по мере того как он говорит, передние ряды дикой орды придвигаются ближе. Позади него зайцы достали стрелы из колчанов. Сапвуд был готов к любым неожиданностям.

Фераго покачал головой:

— Ты говоришь, что никогда не позволишь хищнику войти в гору, но ведь еще не так давно мой сын Клитч и его приятель Гоффа завтракали там вместе с тобой.

Копье Урта Полосатого стало медленно опускаться и наконец уперлось в грудь Фераго. Тот предусмотрительно отступил на несколько шагов.

Терпение барсука истощилось.

— Оставь Страну Цветущих Мхов, горностаи, или погибнешь тут со своей бандой. Я устал говорить с тобой. Прочь с глаз моих. Твой вид оскорбляет меня!

Фераго нельзя было отказать в мужестве. Он насмешливо сплюнул на песок:

— Твоя гора окружена, барсук. Если дело дойдет до войны, шансов на победу у тебя нет. Что скажешь на это?

Но Урт Полосатый закончил говорить, у него осталось только одно слово для врагов:

— Эу-у-ула-а-алиа-а-а!

Раздался смертоносный свист стрел, и десять врагов упали, срезанные стрелами Дозорного Отряда. Фераго кинулся на землю и перекатился по песку, рыча:

— Заряжай!

Орда хищников переступила через тела павших товарищей и стала приближаться к барсуку и его зайцам. Зайцы припали на колено, за их спинами обнаружился еще десяток зайцев с луками наготове. Они выстрелили по вопящей орде, в то время как их товарищи подготовились и сделали новый залп. Охваченный упоением битвы, Урт Полосатый, вместо того чтобы отступить под прикрытие горы, бросился на врага. Крупный хорек, сжимая в лапе пику, кинулся к Урту. Копье барсука ударило его в грудь, подняло вверх, словно тряпичную куклу, и швырнуло затем в кипящую орду. Горностаи бросился на спину Урта и ударил огромного барсука между поножами и кольчугой. Одним ударом могучей лапы Урт сбросил его на-

земь. Три зайца уже были убиты: двоих убили копьями, одного — из пращи.

— Я попытаюсь увести Урта прочь! — прокричал Сапвуд Бычеглазу. — Придержи вход открытым, пока не подойдем!

Бычеглаз хладнокровно наложил стрелу, прицелился и сразил наповал лиса.

— Правильно, давай двигай, Сап. Мы не можем сражаться тут целый день. Ты только посмотри, что творит наш Владыка Урт!

Сапвуд выронил лук и бросился в гущу схватки. Кусая врагов и отбиваясь всеми четырьмя лапами, он оказался рядом с барсуком:

— Поторапливайся, а то завтрак остынет, Владыка. Пойдем в крепость!

Брошенное в несчастливый час вражеское копьё миновало Урта Полосатого, но попало в Сапвуда, оглушив его. Урт подхватил зайца одной лапой и, взвалив его на плечо, стал пробираться в крепость. Внезапно перед ним возник Клитч, размахивая своим коротким мечом. Барсук повернулся и постоял минуту, глядя прямо в глаза молодого горноста. Вырвав затем меч из его лап, он гневно прорычал:

— В следующий раз будь удачливей, щенок. Мы с тобой еще встретимся. Эу-у-ула-а-алиа-а-а!

И Урт Полосатый невозмутимо зашагал через поле битвы. Разбрасывая врагов, он прошел в гору и передал бесчувственного зайца на руки двум молодым бойцам. Затем он отдал приказ:

— Бычеглаз, заходи внутрь. Я закрою вход!

Мгновенно все зайцы оказались внутри крепости, и Урт Полосатый налег своим крепким

плечом на мощный затвор. Камень вкатился на место, запечатав гору. Несколькими ударами молота барсук загнал огромный дубовый штырь в паз.

Бычеглаз наблюдал за ним, оперевшись на лук:

— Я смотрю, они хотят драться, да?

Урт слизнул с плеча кровь и усмехнулся:

— Похоже, так, дружище. Мы дадим им бой, это будет один из тех боев, о которых мы будем рассказывать долгими зимними вечерами, когда, старые и ленивые, будем сидеть у камелька.

Бычеглаз заглянул в свой опустевший колчан:

— Если позволишь мне сказать, владыка, то после битвы нас останется не слишком много.

Болотная лихорадка! Одно этого страшного названия было достаточно, чтобы захолонуло сердце каждого жителя аббатства. Старшие — аббатиса Долина, Вера Иголка, Бреммун и брат Остролист с Фурглем Отшельником — спешно удалились на совещание. Первой обратилась к собравшимся аббатиса:

— Друзья, если мы не примем срочных мер против этой ужасной лихорадки, она подкосит всех нас. Брат Остролист, у тебя, как смотрителя изолятора, есть какие-нибудь сведения об этой болезни?

Остролист поджал губы:

— Матушка аббатиса, мой опыт весьма ограничен: расстройство желудка, головная боль, всяческие царапины и раны — вот с чем я привык иметь дело. Перед тем как прийти сюда, я быстренько просмотрел свои медицинские книги, и вот мнение большинства из тех, кто был смотрителем изолятора до меня: от болотной лихорадки нет лекарства. Я могу облегчить страдания больного, но вылечить от нее я не в силах.

— Ледяной Цветок, вот что помогает от этой болезни. Но это, к сожалению, бабушкины сказки. Сам я никогда не нуждался в лекарствах. Но когда я был маленьким, моя бабушка говаривала, что единственное лекарство, которое может излечить болотную лихорадку, — это Ледяной Цветок, настоящий на талой воде. Я думаю, моя бабушка была сумасшедшей, точно. Совершенно сумасшедшей!

Вера Иголка погрозила Фурглю лапой:

— Нельзя ли побольше уважения к старшим? Моя бабушка говорила то же самое. Ледяной Цветок, сорванный в северных горах. Теперь я вспоминаю ее слова, она всегда говорила, что эти цветы могут излечить все болезни. Но кто знает, где они, эти северные горы? Ни один здравомыслящий зверь никогда не отправлялся на север. Это гадкие земли. Там плохой, враждебный край, о котором нам мало что известно.

— Бабушкины это сказки или нет, мы должны достать этот цветок. — Бреммун поднялся со своего места. — Я иду прямо сегодня.

Труг тоже поднялся, он, стоя неподалеку от кресла брата Остролиста, ожидал, когда тот освободится, чтобы поговорить с ним. Труг надавил на плечо Бреммуна, усадив того обратно:

— Нет, приятель. Ты староват для таких дел. Пойду я. Остролист, тебя ждут в изоляторе, туда только что поступили два малыша.

Вера Иголка пришла в восторг от предложения Труга.

— Ты храбр, Труг, — сказала она, похлопав его по лапе. — Мы отправим кого-нибудь в помощь тебе, выбери сам кого хочешь.

Труг неловко переступил с лапы на лапу:

— Я лучше пойду один. В нашем аббатстве каждая пара лап на счету. Кроме того, я смертельно боюсь заболеть, так что я найду этот цветочек быстрее всех. Как бишь его, Фургль?

— Хе-хе-хе, Ледяной Цветок. Хотя как ты найдешь северные горы — загадка для меня.

Труг взял Фургля под локотки и легко поднял над столом:

— Где северные горы? На севере, конечно. Прямо из аббатства одна тропинка ведет прямо на север, по ней я и пойду. Труг принесет вам целый букет таких цветов. Конечно, я никогда не видал их, но думаю, что они очень редкие и очень ценные, поэтому я и узнаю их, как только увижу. Горы на севере, цветы — в горах, что ж тут не понять?

Труг отправился в путь не откладывая, взяв с собой только пращу с камнями и большой мешок с едой. Ночь уже опустилась на аббатство, когда Труг ступил на пыльную тропинку, ведущую на север. Он не прошел и четверти часа, как услышал, что справа от него по лесу кто-то идет. Он взялся за пращу. Бледный двурогий полумесяц освещал лес по обеим сторонам тропинки. Труг увидел, что кусты справа шевелятся, его тайный спутник изо всех сил старался не отстать.

Мрачно усмехнувшись, Труг раскрутил пращу и остановился. Неизвестный остановился тоже. Вдруг куст можжевельника задрожал, и тонкий голосок прорезал тишину ночи:

— Помогите! Труг, на меня напала змеюка!

Голос мог принадлежать только одному существу в целом свете — крошке Думблу!

Труг ринулся в лес:

— Осторожно, приятель! Не бойся, Труг здесь!

Думбла обвивали кольца большого травяного ужа. Труг схватил ужа за горло и сильно стукнул его камнем. Тот потерял сознание. Думбл уже несколько посинел, изо всех сил пытаясь вдохнуть воздух. Неожиданно он обмяк.

Труг быстро перевернул мышонка и шлепнул его по попке. Средство весьма болезненное, но верное. Думбл вскрикнул на весь лес.

Вскоре он уже сидел на поваленном дереве, болтая лапами и уплетая за обе щеки засахаренный каштан.

Труг сурово прищурился и встал перед Думблом:

— С чего это ты надумал следовать за мной?

— Хотел пойти с тобой в северные горы, Труг.

— Ну знаешь! Ладно, слушай меня внимательно. В аббатстве тебя ждет твоя кровать. Отправляйся туда!

Думбл разразился потоком слез:

— Нет, нет, не хочу! Думбл заболевает, Думбл боится!

Труг взвалил на плечи свой мешок и постоял минутку в нерешительности, пока Думбл умоляюще смотрел на него.

— Труг, ты не оставишь Думбла одного болеть в аббатстве. Мы вместе пойдем искать красивые цветы, да?

Труг взял мышонка одной лапой и посадил на свой мешок.

— Ладно, маленький негодник. Я не могу и подумать о том, как ты будешь лежать больной в изоляторе. Я боюсь лихорадки так же, как и ты. Сунь лапы в лямки мешка и поспи немного. Мы пойдем вместе искать Ледяной Цветок.

С самого рассвета король Глагвеб пристально смотрел через край ямы на Мару. Другие жабы сбросили в яму очередную порцию корешков и трав. Там было еще несколько яблок, немного незрелого фундука и поздняя земляника. Нордо и его друзья-землеройки оттащили все в пещерки, отложив орехи в сторону в качестве метательных снарядов.

Помогая собирать плоды, Пиккль поднял голову и обратился к Маре:

— Ты обзавелась высокопоставленным поклонником, старушка? Я думаю, он представляет себе тебя на бутерброде с яблоком в твоём хорошеньком ротике.

Мара махнула лапой королю жаб:

— Уходи прочь, ты, толстый пожиратель червей!

— Крекс! Молчи, полосатая собака, я — король Глагвеб! — Глагвеб бросил в нее орехом. — Я совсем не толстый. Не зли меня, а то накажу. Гррк!

Мара метнула орех обратно, угодив королю прямо в нос.

— Почему бы тебе не спуститься и не наказать меня прямо сейчас, толстяк? Или тебя надо называть «ваше бородавчатое величество»?

Глагвеб вразвалку подошел к краю ямы, мелко дрожа от гнева, его глаза выпучились, зоб пульсировал.

— Я съем твое сердце!

— Ха! — Мара насмешливо скривила губы. — Съешь мое сердце? Да тебе не съесть даже кусочка грязи, если он попадет тебе в рот! — И она метнула комок грязи, который попал королю жаб прямо в рот. Всем сидевшим в яме пришлось укрыться в боковых пещерах, потому что жабы забросали их камнями.

Мара почувствовала, как что-то стукнуло ее между ушами. Она схватилась лапой за голову и поймала брошенный сверху предмет. Уголкем глаза она увидела летящего в небе вьюрка.

Держа в лапе желудь, она громко крикнула:

— Смотрите, это желудь! Эу-у-ула-алиа-а-а!

И сразу же раздались боевые крики землероек Гуосима. Нордо нырнул в боковую пещеру и набрал полные лапы пращей и камней. Выскочив оттуда, он поднял голову и ответил на боевой клич воинов своего отца, которые наседали на жаб со стороны реки:

— Логалогалогалогалог!

Стрела пропела между ушами Пиккля, когда он заправлял камень в пращу. Выпустив его, он попал одной

из жаб прямо в горло. Жабы были везде, раскручивая свои цепи и потрясая трезубцами. Яростные воины Гуосима, с головами, обвязанными яркими платками, бросились врукопашную, отражая удары своими короткими рапирами.

Мара и остальные раскручивали свои пращи изо всей силы, чтобы защититься от стрел и увернуться от острых пик. Король Глагвеб сновал туда и сюда, стараясь решить участь пленников и помешать наступлению землероек из Гуосима. Внезапная атака имела успех. Землеройки теснили жаб, и те валились прямо в разведенные ими костры. Лог-а-Лог, предводитель землероек, сражался как бешеный, бросаясь на нескольких жаб одновременно и не обращая внимания на опасность. Истекая кровью от ран, нанесенных трезубцем, и порезов от цепей, он яростно сражался, все время крича своим низким голосом:

— Я иду к тебе, мой сын Нордо. Логалогалогалог!

Несколько землероек были убиты жабами, но потери короля Глагвеба были неизмеримо больше. Мужество стало изменять жабам. Они все еще сражались, но бешеный натиск атакующих вынудил их к отступлению.

В яме погибли четыре землеройки, но пленники, орудуя пращами, не останавливались ни на мгновение. Мара выпрыгнула из пещеры, откуда метала в жаб все, что попадалось ей под лапу. Вскоре она с радостью увидела искажившиеся черты короля Глагвеба, затем он отступил от края ямы.

— Мара, он уходит! — донесся до нее поверх рева битвы голос Пиккля. — Хватай трезубцы — и наверх!

Двух жаб сбросили в яму, и теперь они лежали мертвые в грязи, все еще сжимая в лапах трезубцы. Мара мгновенно поняла, что хотел сказать Пиккль.

Схватив оба трезубца, она использовала их в качестве орудий для подъема. По очереди вонзая их глубоко в грязные стены, она медленно стала прокладывать путь наверх. Наконец она достигла края ямы, и вот она уже наверху! Прежде чем настигнуть короля Глагвеба, она уложила двух жаб ударами своих трезубцев.

Король жаб бегом пробирался по болоту. Его солдаты, менее тяжеловесные, чем он, обгоняли его с обеих сторон, спасаясь от ярости воинов Гуосима.

— Черви, дезертиры, возвращайтесь назад и помогите своему королю!

Бросив взгляд назад, он увидел, что за ним гонится Мара. Барсучиха была охвачена горячкой схватки, глаза ее горели бешенством, в углах рта показалась пена. Она мчалась вперед, не обращая внимания на преграждавшие ей дорогу кусты и чахлые деревца. Глагвеб замер от ужаса, его лапы бессильно повисли, когда барсучиха взвилась в воздух и прыгнула на него.

Лог-а-Лог и несколько его воинов бросились к ним, когда Мара оторвала Глагвеба от земли, обеими лапами сжимая его горло. Он беспомощно болтался, слабо квакая и тщетно пытаясь дотянуться лапами до земли.

Внезапно Мара обнаружила, что сгибается под тяжестью полдюжины землероек. В слепой ярости она повернулась, чтобы сражаться с ними, но тут противника вырвали у нее из лап. Рапира Лог-а-Лога коснулась ее горла.

— Успокойся, барсучиха. Оставь его нам. Он наш давний враг, мы сами им займемся.

Лагерь жаб был окончательно разгромлен, и те, кто не спасся бегством, были убиты. Пиккля, Нордо и других пленников вытащили из ямы. Воины-землеройки собрались вокруг нее и рядом поставили Глагвеба. Он рычал и плевался на все, что видел вокруг себя. Лог-а-Лог, не обращая внимания на гнев короля, бесцеремонно столкнул его в яму. Две землеройки подтащили к краю мешок, в котором извивалось что-то живое, и опрокинули его. Предводитель землероек усмехался:

— Итак, король жаб, ты окончишь свои дни в своей же собственной яме, той самой, в которой держал моих землероек, прежде чем съесть их. Но не ты один любишь мясо. Например, эта щука, которая очутилась в яме рядом с тобой. Она еще не совсем взрослая, но злая. Почему бы тебе не съесть ее, Глагвеб? Только она и сама голодная. Или ешь сам, или съедят тебя. Прощай!

Глагвеб отпрыгнул к стене ямы, пытаясь избежать зловещего спинного плавника, медленно разрезающего жидкую грязь, пока щука обследовала дно ямы. В поисках пищи!

Далеко от лагеря жаб протекал Великий Южный Поток. У берега стояли на якоре пятнадцать бревен, каждое в виде долбленого челнока. Землеройки сели попарно на весла. Мара и Пиккль устроились на носу бревна, управляемого Нордо и его отцом. Челноки столкнули с берега, и землеройки вывели их на стрежень широкого текущего на юг потока.

— Откуда вы, Мара? — спросил Лог-а-Лог у барсучихи, когда они поплыли.

— Из горы под названием Саламандастрон. Ты не знаешь, как нам вернуться туда?

Лог-а-Лог кивнул:

— Это долгая дорога, но мне она знакома. Я — Лог-а-Лог, владыка всех местных вод. Великий Южный Поток имеет много притоков, и мне они известны так же хорошо, как моя ладонь. Я отведу вас домой, но сначала вы пойдете со мной. Относительно вас у меня есть кое-какие планы.

Потерю своего друга Туры Битоглаз пережил с удивительной легкостью. Сначала он, правда, немного потосковал и даже всплакнул, но затем вспомнил, как невыносим порой бывал Тура, вспомнил, как тот отнимал у него пищу и их споры, которые неизбежно кончались дракой. Идя под густым покровом зеленого леса на юго-запад Страны Цветущих Мхов, Битоглаз уже смирился со своей потерей.

Битоглаз взмахнул мечом и срезал нависшую над тропой ветку. Она упала и, падая, ударила его по лапе. Изрыгая проклятия, он снова и снова рубил несчастную ветку:

— Яха! Больно же!

Неловкая атака Битоглаза привела к тому, что он ранил острым как бритва мечом свою левую лапу.

Пораскинув умом, он догадался отыскать лист щавеля и приложить его к ране. Остановив кровь с помощью пригоршни гнилых листьев, он перевязал порез стеблем травы. Используя меч теперь уже в качестве трости, он снова тронулся в путь.

Для Самкима и Арулы этот день был также неудачным. Идя ровным шагом, они прошли уже значительное расстояние и добрались до того места, где Битоглаз прекратил рубить ветки и кусты. Поразмыслив, как быть дальше, они стали искать отметины, которые могли бы навести их на след ласки. Арула как раз обыскивала тисовый куст, когда Самким крикнул:

— Сюда, Арула! Смотри, тут кровь!

Кротиха поспешила на зов и увидела своего друга сидящим среди поломанных веток и кустов. Он показал ей алые пятна на листьях:

— Он был здесь, это точно. Смотри, вот отпечатки его лап. Думаю, что и кровь тоже его. Наверняка Битоглаз шел этим путем. А ты как думаешь?

Арула перевернула листья своим большим копательным когтем:

— Урр, точно он. Интересно, что с ним случилось.

— Кто знает? Но Битоглаз не мог уйти далеко. Что скажешь, если мы отдохнем тут немного и поедим, а потом прибавим шаг и догоним его?

Упоминание о пище вызвало у Арулы прилив энтузиазма.

— Хорошая идея. Я совсем проголодалась. Но давай отойдем в сторонку, подальше от этих ужасных пятен.

Они уселись на солнечной полянке, как раз между кустом сирени и зарослями люпина. Арула достала из мешка турноверы с клубничным джемом и черносмоудиный напиток. Расстелив на земле салфетку, она аккуратно разложила еду.

Сначала прилетела одна оса. Она уселась на турновер Самкима и сидела там до тех пор, пока он ее не согнал. Вскоре прилетели еще несколько ос, привлеченные запахом свежих турноверов. Другие вились и жужжали вокруг фляжки с напитком. Арула отогнала осу прямо от своего рта:

— Убирайся прочь, противная оса!

Оса атаковала и ужалила ее.

Самким стал отмахиваться от ос своим луком, и вдруг его лук вырвался из лапы и улетел в куст люпина, потревожив целое осиное гнездо. В мгновение ока в воздух взвился целый рой ос. В сумасшедшем вихре они жужжали и кружились вокруг двух друзей. Те вскочили, отбиваясь от тучи насекомых:

— Бежим отсюда, пока они нас не искусили до смерти!

Бросив еду, Самким и Арула кинулись бежать, петляя между деревьями, преследуемые целой армией ос.

— Ой! Ай! Ищи какое-нибудь укрытие, Арула! Ищи укрытие!

— Хур! Я ничего не вижу, кроме этих противных ос!

Вдруг, откуда ни возьмись, появился крепенький ежик. Он стал ловить ос сачком и поедать их с величайшим удовольствием.

— Хо-хо, хо-хо, посмотрите на этих двоих. Не любите ос, да?

Самким бешено отбивался от насекомых и в панике крикнул незнакомцу, который, очевидно, наслаждался собой и своей жизнью:

— Сейчас не время для болтовни. Сделай что-нибудь!

Еж поймал пролетавшую осу и сунул ее в рот. Продолжая жевать, он заговорил:

— Ничего нет лучше хорошей осы, если не считать, конечно, большой толстой пчелы. Идите-ка сюда. Фоллер Веточка.

Они устремились за ежом, вопя и плача от боли. Их преследовал рой ос. Фоллер Веточка остановился на берегу маленького лесного озера. Показав на озеро, он велел друзьям прыгать в воду и сорвал две полые камышинки.

— Хо-хо, хо-хо. В жизни не видал ничего подобного — чтобы звери так боялись ос. Ныряйте. Дышать будете через эти камышинки. Поживее!

Схватив по стебельку камыша, Самким и Арула нырнули в воду. Полностью погрузившись в нее, они сунули камышинки в рот и стали жадно втягивать в себя воздух.

Сквозь прозрачную воду Самким и Арула наблюдали за ежом, который объедался осаами до тех пор, пока жужжащий рой не поредел и не улетел обратно в свое разоренное гнездо. Когда осы исчезли, Веточка вытянул Самкима и Арулу из воды. Мокрые и покрытые волдырями, они представляли собой жалкое зрелище.

— Видите грязь на берегу? Если облепитесь ею, станет легче.

Друзья так и сделали. Покатавшись по грязи, они по уши перемазались, но боль от укусов и впрямь прошла. Похожие на двух глиняных кукол, Самким и Арула представились ежу и рассказали ему о своих поисках. Тот понимающе кивнул:

— Я видел этого помешанного. Прихрамывая, он бежал по лесу и сам с собой разговаривал. Веточка наведет вас на его след. Надо же как-то отблагодарить вас за хороший обед.

Неожиданный тычок копьём заставил Битоглаза упасть на землю. Лежа, он поднял голову и посмотрел вверх. Лис Детбраш и шесть крыс своими копьёями держали его пригвожденным к земле. Лис выбил меч из его лап, и Битоглаз задрожал от страха. В холодных глазах лиса не было жалости.

— Где Тура?

— Тура мертв. Он умер от какой-то болезни.

— У Фераго длинные лапы, — процедил сквозь зубы Детбраш и пнул лапой лежащего.

— Я собирался обратно к Фераго. Видишь этот меч? Я нес его ему в подарок. Клянусь честью!

Детбраш повертел меч, восхищаясь его красотой:

— Честью? Я потратил почти все лето, охотясь за тобой и твоим приятелем. Как думаешь, что Фераго велел мне сделать, когда я поймаю тебя?

Битоглаз задохнулся от страха. В горле внезапно пересохло.

— В-в-возможно, велел привести меня об-б-б-братно...

Лис безжалостно улыбнулся, глядя на трепещущую жертву:

— Ты ошибаешься, Битоглаз. Он велел принести твою голову.

Меч резко взлетел. Детбраш вытер клинок о шкуру Битоглаза:

— Оставьте его, но одной головы мало. Думаю, Фераго будет счастлив получить этот меч в подарок от покойного друга. Пошли, до лагеря долгий путь.

Битва за Саламандастрон шла своим чередом. Спрятавшись за песчаные дюны и камни, орда Фераго осыпала крепость горящими стрелами. Растения, что росли в расщелинах и на уступах крепости, вскоре почернели и обуглились из-за сотен пылающих стрел.

Фераго, не скрываясь, стоял вне зоны досягаемости. Клитч был рядом с ним.

Стоя у высокого прорезанного в камне окна, Барт Чертополох вытер со щек черную сажу и наложил стрелу, бормоча про себя:

— Ну-ка подойди поближе, душегуб. Подходи, еще десять шагов, и моя стрела попадет тебе между твоих голубых глаз!

Светлячок прицелился в хорька, который стоял на расстоянии выстрела.

— Зря теряешь время, Барт. Бери ближайшую цель, как вот этот, например...

Туго натянув лук, Светлячок выстрелил. Стрела запела и вонзилась хорьку прямо в грудь. Он упал навзничь, успев перед этим выпустить из лука стрелу. Светлячок довольно проворчал:

— Отлично! Смотри, стрела этого негодяя поразила крысу, стоявшую рядом. Двоих одним ударом, неплохо, да?

Барт выпустил свою стрелу и отвернулся, не желая слушать предсмертный вопль ласки, в которую он попал.

— Не слишком веселая эта снайперская война.

— В сторону, зайцы!

Оба зайца посторонились, увидев подходящего к ним Урта Полосатого. Он принес огромный лук и положил рядом с собой колчан со стрелами, каждая из которых была лишь немногим меньше дротика. Барсук поплевал на лапы:

— Сейчас поведем эту партию как надо!

Рисуя копьём замысловатые узоры на песке, Клитч демонстративно вздыхал, на его морде застыло выражение скуки:

— Так вот он, этот грандиозный план атаки. Выпустить по горе пару десятков горящих стрел, а затем усесться и перестреливаться все лето. На этот раз ты и впрямь превзошел самого себя, старик.

Фераго следил за стрелами, со свистом разрезавшими воздух.

— Можешь предложить что-нибудь получше, мой умный отпрыск?

— По крайней мере я ранил барсука своим мечом! — Молодой горноста́й презрительно выпятил губу.

— Да, это так, Клитч, это ты сделал. Только теперь остался без меча, ибо Урт вырвал его из раны, словно иголку, и сломал пополам. Вот такой ты умник. Так что предоставь вести дело тем, кто старше и умнее.

Клитч держал копьё наготове, чтобы лапы Фераго не могли дотянуться до длинных кинжалов, прикрепленных на его груди.

— Ты, может, и старше меня, но никогда не будешь умнее меня.

Стремясь избежать стрел, Гоффа держался позади Клитча. Он стоял неподалеку от Фераго, когда огромная стрела ударила, и тело хорька упало между двумя горностаями. Они мгновенно вскочили и отбежали подальше.

Фераго рассмеялся, его голубые глаза зажглись весельем.

— Эта штука предназначалась мне! Сожалею по поводу кончины твоего друга Гоффы.

Клитч оглянулся и посмотрел на мертвое тело. Стрела прошла сквозь Гоффу и на половину своей длины врезалась в песок. Сохраняя скупающий вид, Клитч привалился к камню:

— Друг? Этот полоумный идиот? Он был всего лишь моим лакеем. Пошли, расскажешь свой план захвата горы.

Некоторые из наиболее предприимчивых членов вражеской орды под прикрытием горящих стрел двинулись ближе к горе. Бычглаз наблюдал за ними с вершины кратера. Морская Трава и Денежка были с ним, и все трое стояли, облокотившись на деревянную опору, на которой лежала грудa камней. Бычглаз указал лапой вниз, прикрыв один глаз:

— Сейчас мы им кое-что устроим. Подходите ближе, ленивые хищники, двигайтесь.

Зайцы дружно налегли на деревянную опору. Хищники, расположившиеся на берегу под Саламандастроном, слышали страшный грохот у себя над головами. Одни успели убежать, другие нет. Больше половины погибли под огромными валунами, покотив-

шимися с горы. Радостный крик вырвался из груди Бычеглаза и других зайцев, когда они увидели результат своего предприятия. Вопли и проклятия донеслись до них со стороны атакующих вместе с градом новых пылающих стрел.

После обеда Фераго вызвал к себе Рванохвоста. Убийца подмигнул Клитчу:

— Сейчас я покажу тебе, как я стал правителем юго-западных земель, маленький умник. Рванохвост, пошли ко мне Песьеголова, Черноглаза, Мокроноса и Гнилозуба. И еще Фаррана Отравителя.

При звуке этого имени Рванохвост заметно побледнел. Никто из хищников, включая самого Фераго, не любил иметь дела с Фарраном Отравителем. Черный лис даже не входил в состав орды, он просто следовал своим путем, приходя и уходя когда вздумается. Рванохвост удалился от своего хозяина нерешительной поступью, петляя между камнями.

Фарран сидел один у кромки прибоа, следя за тем, как волны отступают и вновь накатываются на берег. Рванохвост сделал все возможное, чтобы не подойти к нему украдкой, не желая казаться подглядывающим за Фарраном. Зайдя подальше в море, он издали стал подходить к черному лису, чтобы передать послание.

— Мой хозяин Фераго хочет поговорить с тобой. Изволишь подойти к нему?

Стоя перед бледно-янтарными глазами Фаррана, Рванохвост дрожал от страха. Никто никогда не слышал голоса Отравителя. Солнечный свет не играл на мехе Фаррана, который оставался черным как сажа, без малейшего блеска. Бледные глаза гипнотически уставились на Рванохвоста. Страшные слухи, ходив-

шие о Фарране, ожили в голове крысы. Правда ли то, что он убивает взглядом? Рванохвост искренне верил в это, стоя как загипнотизированный перед глазами Фаррана.

— Т-т-ты придешь? Фераго желает знать.

Не мигая, Фарран еще минуту смотрел на него и затем кивнул. Этого было достаточно. Рванохвост склонился так низко, что коснулся носом воды:

— Б-б-благодарю тебя.

Он кинулся бежать, как перепуганный молодой олень, разбрызгивая вокруг себя воду. Зловещие глаза Фаррана еще некоторое время безучастно следили за ним. Черный лис медленно встал и поправил ремень из гадючьей кожи. На этом ремне висели мешочки, сделанные из кожи летучих мышей. О том, что в них содержалось, знал только он один. Двигаясь медленно, как тень облака, лис бесшумно ступал по песку.

Сидя на краю лагеря, далеко от остальной орды, Фераго выложил свой план Клитчу и тем четверым, которых он называл своими офицерами:

— Осада! Никаких сумасшедших атак, рукопашных схваток. Рано или поздно у барсука и его зайцев кончатся боеприпасы. Я запер их внутри горы, выйти они не могут. Мы превосходим их числом, и время играет на нас. Никто не сможет прийти на помощь. Все, что нам нужно, — это избегать снайперских выстрелов и ждать, когда барсук выйдет. Теперь один вопрос. Кто догадается, какой именно?

— Пища и вода! — выкрикнул Клитч.

Фераго усмехнулся быстроте его ответа:

— Верно. Когда-нибудь ты станешь вполонину таким же умным, как твой отец. Пища и вода! Какими

запасами они располагают и как долго протянут, вот в этом весь вопрос.

Черноглаз был крысой. Его глаза постоянно бегали. Он поднял лапу:

— Хозяин, они вполне могут иметь съестного на много лет вперед. Допустим, мы их не выпустим из горы, но если у них достаточно пищи и воды, то они смогут продержаться здесь много лет.

Гнилозуб, большая толстая ласка, поддержал его:

— Черноглаз прав, хозяин. Если у них достаточно припасов, мы можем умереть от старости на этом берегу.

Фераго погладил золотой медальон у себя на шее. Его голубые глаза сияли, когда он выложил свою козырную карту:

— Нет, от старости мы здесь не умрем. Так же как не умрут от старости Урт Полосатый и его бойцы. Они умрут иначе.

Раздался резкий вдох Клитча, когда на них упала тень Фаррана. Торопливо они подвинулись, чтобы уступить ему место. Фарран выбрал себе место напротив Фераго. Голубые глаза встретились с янтарными, когда горностаи и лис взглянули друг на друга.

Фераго улыбнулся:

— Отравитель и Убийца — неплохая компания. Мы уже работали вместе, Фарран, и я всегда неплохо вознаграждал тебя, так ведь?

Черный лис коротко кивнул в подтверждение сказанного. Фераго отвел глаза, зная опасность долгого взгляда Фаррана. Он вынул свой нож и стал точить его о камень, продолжая говорить:

— Фарран, если я проведу сегодня ночью отвлекающую атаку, сможешь ли ты проникнуть в гору?

Фарран снова кивнул. Для Убийцы этого было достаточно.

— Как только ты окажешься внутри, тебе надо будет разыскать запасы пищи и воды. Думаю, гора представляет собой цепь ходов и пещер, но ты ведь найдешь кладовые, сколько бы тебе ни понадобилось искать, так ведь, Фарран? Когда ты это сделаешь, я хочу, чтобы все съестное и все запасы питья были отравлены самым смертельным ядом.

Фарран кивнул и молча протянул лапу. Фераго его понял. Встав рядом с Фарраном, он нагнулся к его уху и прошептал так тихо, чтобы никто из остальных его не слышал:

— Твоя доля составит половину сокровищ горы. Идет?

Этот кивок Фаррана означал, что договор заключен. Лис кинул на Фераго последний взгляд и бесшумно ушел.

Нринесите полотенца! И намочите их в розовой воде!

Брат Остролист сутился между кроватями, установленными на верхней галерее. Одному больному он вытер лоб, другого заставил принять лекарство, третьему поплотнее подоткнул одеяло.

— Лежи спокойно, Беррли. Побольше пей, ты вспотеешь под одеялами, и дело пойдет на поправку.

Работая со ступкой и пестиком, сестра Настурция подняла голову над столом и вытерла лоб:

— У нас заканчивается сушеный пустырник и лимонная вербена, брат.

Труган отложила в сторону салфетку, которую обмакивала в розовую воду:

— Предоставь это мне, сестра. Я прямо сейчас отправлюсь в лес и соберу травы. Что-нибудь еще нужно принести оттуда, брат?

Остролист поскреб подбородок:

— Пожалуй, ягода паслена. Возможно, ты отыщешь там маленького Думбла, Труган.

— Ох уж этот малыш! — Выдра покачала головой. — Я уже говорила, что он наверняка ушел с моим братом.

— От души надеюсь, что ты права. — Аббатиса Долина откинула простыни и села на край только что застеленной кровати.

Кротенок Бринкль присел в кровати:

— Я видел Думбла как раз перед тем, как он ушел. Он еще сказал, что принесет мне Ледяной Цветок и я сразу поправлюсь.

Сестра Настурция в сердцах стукнула пестиком по ступке:

— Бринкль, противный! И ты не мог раньше сказать нам об этом?

Кротенок уронил голову на подушку:

— Урр, извини, мне было так плохо.

Настурция поспешно подошла к больному и подоткнула одеяло.

— Да, конечно, ты болен, Бринкль. — Она присела на край его постели и промокнула свой лоб салфеткой. — Уф! Как тут жарко, или это мне только кажется?

Вера Иголка приложила лапу к ее лбу:

— Да ты вся дрожишь!

Аббатиса Долина обняла ее за плечи:

— Настало время тебе отдохнуть, теперь ты тоже больная.

Труг и Думбл продвигались на север по старой тропинке, пребывая в добром настроении и складывая на ходу песни:

— О, дайте дорогу и корочку хлеба,
Чтоб я любовался вокруг, —
И в дальние дали пойду без оглядки
С тобою, мой маленький друг.

Думбл нырнул в мешок и вынырнул обратно с куском овощной запеканки. Передавая ее Тругу, малыш запрокинул назад голову и громко запел:

— Верхом я поеду в далекие страны,
Из лап моих кушает Труг.
На землю меня нипочем не уронит
Большой и заботливый друг.

Труг, пока жевал запеканку, придумал новый куплет:

— Прожорливый Думбл меня объедает,
Несносный прохвост, лягушонок.
И если так дело пойдет, станет скоро
Он пухленьким, как поросенок!

Думбл выбрал себе яблоко побольше и принялся вытирать его о голову Труга. Тут он вдруг оглянулся назад, на дорогу, по которой они шли. Глаза Думбла расширились, и он снова запел, на этот раз испуганно:

— Эй, Труг, осторожно! Но ты не пугайся,
Тебя удивлю я сейчас:
Там четверо лисов с дубинками, сзади,
Как раз за спиною у нас.

Труг незаметно заправил в пращу камень.

— Посмотрим, что эти трусы хотят от нас, приятель.

Он остановился и замер на середине тропы, глядя навстречу четырем лисам. Это были бродяги, которые шатались по дорогам, поджидая легкую добычу. У двух были ржавые мечи, у двух других — дубинки.

— Доброго дня вам, друзья! — приветствовал их Труг.

Лисы обменялись понимающими взглядами. Один выступил вперед:

— И тебе тоже. Что там у тебя в мешке?

Труг приветливо усмехнулся оборванному лису:

— Четыре лиса с оторванными хвостами.

— Весельчак нам попался! — захихикал один из оборванцев.

Другой лис выставил вперед свой меч:

— Интересно, он такой же крутой, как и находчивый?

Труг многозначительно раскрутил свою пращу:

— Почему бы тебе не подойти и не проверить, грязнуля? А теперь слушай. Убирайся с моей дороги!

Четвертый лис поднял меч и принялся им угрожающе размахивать.

— В конце концов, нас четверо против одного. Айда, ребята!

Думбл испуганно крикнул. Внезапно Труг понял, что он не сможет одновременно сражаться и присматривать за малышом. Оставалось одно — бегство.

— Держись крепче, Думбл. Бежим!

Прорвавшись через строй врагов, Труг раскидал их в стороны и кинулся по тропинке в лес.

В голове Труга забрезжила идея, и он прибавил скорости, чтобы выиграть время.

Лисы спотыкались и цеплялись один за другого, пока бежали по лесу. Чуть пробежав, они остановились. Труга нигде не было видно.

— Трус, он где-то прячется!

Им не пришлось искать долго, вскоре лис Лишай заметил добычу. Он издал условный свист, подзывая остальных.

— Ш-ш-ш! Вон они где, ребята, прячутся в кустарнике.

Действительно, сквозь густую листву иван-чая виднелась спина Думбла, сидящего на мешке.

— А теперь давайте подкрадемся тихо-тихо. И прыгнем на них! Палки и мечи держите наготове. Пошли!

Подползши поближе, лисы вскочили и принялись рубить и дубасить палками.

Все четыре лиса, исколошматив друг друга, попадали на землю.

Сидя на мешке, который был привязан к нижней ветке платана, опускавшейся в заросли, Думбл, казалось, сидел на плечах своего приятеля. Трюк удался превосходно! Мышонок радостно закричал:

— Я победил этих лисов, Труг!

Труг уже стоял над неподвижными телами четырех лисов, отбросив их оружие далеко в сторону. Сломав гибкий ивовый прут, он оживил их несколькими ударами:

— Не время спать. Поднимайтесь!

Вскоре четыре лиса, все вместе, несли мешок с восседавшим на нем Думблом. Труг шел позади, чтобы

никто не отлынивал и не отставал. Труг гнал их целый день, причем на двойной скорости. Наконец Труг взял свою пращу и зарядил ее:

— Считаю до десяти. Если при счете десять я еще увижу вас, я бросаюсь за вами. Завтра мне опять понадобятся носильщики. Один, два, три...

Прежде чем он успел сосчитать до пяти, лисы исчезли в лесу.

Труг и Думбл устроились на ночь рядом с двумя любопытной формы камнями, прозванными путешественниками «выдры муж с женой» за свои контуры. Сидя у веселого костерка, друзья славно поужинали. Труг задумчиво пошевелил палкой горящие поленья:

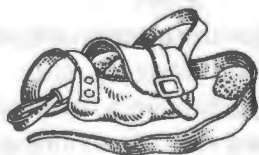
— Эх, кто знает, что нас ждет завтра за горизонтом, приятель.

Думбл тоже поспешил ухватить палку и пошевеливать угли, после чего серьезно покивал, изо всех сил стараясь походить на своего старшего друга:

— Эх, приятель. Может, нас ждут лисы, а может, змеи. Но ты держись за Думбла, Труг. Я позабочусь о тебе.

Сдерживая смех, Труг снял свой теплый кафтан и накинул его на малыша:

— Ах ты, маленький негодяй. Это я о тебе позабочусь, если ты сейчас же не заснешь!

В лотилия челноков, в которых сидели землеройки, завернула в устье притока и теперь прокладывала курс вдоль едва проходимого русла реки, над которой свисали ветки деревьев и листва кустарников. Мара лежала на носу челнока и почти дремала, следя за тем, как солнечный свет пробивается сквозь туннель, образованный ветвями ивы, и освещает чуть волнующиеся воды. Жужжали стрекозы, высоко в воздухе порхал зимородок, похожий на бриллиантовое украшение. Чувство беспокойства, которое подсказывало Маре поскорее возвращаться в Саламандастрон, немного притупилось, убаюканное мерным дви-

жением лодок и шлепками весел по воде, и Мара погрузилась в сон.

Челноки скользнули к берегу и мягко ткнулись в песчаный берег, поросший ивами. Нордо сложил ладони рупором и прокричал:

— Логалогалогалогалог! Мы прибыли домой, в Гуосим!

Лишь наполовину проснувшихся Мару и Пиккля провели через туннель, прорытый под берегом, который заканчивался хорошо освещенной и просторной пещерой. Вокруг них туда и сюда сновали землеройки, выставляя блюда, только что вынутые из горячих жаровен, на длинные полки вдоль одной из стен пещеры, служившие столами.

Лог-а-Лог и Нордо усадили друзей в полукруглой нише. Но стоило путникам усесться, как к ним немедленно подошла большая толстая землеройка с двумя приятелями поменьше. На их мордах была написана злоба. Самый крупный из троицы грубо толкнул Мару и Пиккля:

— Вы заняли наши места!

Лог-а-Лог сердито отодвинул толстяка в сторону:

— Как ты себя ведешь, Бочонок! Это мои друзья. Ступай и садись на другой конец со своими приятелями.

Лапа Лог-а-Лога легла на рапиру, рядом с ним встал Нордо, сжав челюсти и готовый к любым неприятностям. Бочонок бросил на них сердитый взгляд и отступил к местам на другой стороне стола, бормоча что-то своим друзьям, которые кивали в ответ и глупо хихикали.

Обед землероек был превосходным, он начался с рачков и супа из водорослей, затем последовал салат

с сыром, и после всего этого подали пироги с начинкой из каштанов, за которыми появился горячий яблочный пудинг.

Лог-а-Лог наблюдал, как ест Пиккль, и восхищенно качал головой:

— Куда ты только все это помещаешь, Пиккль?

Молодой заяц уничтожил вторую порцию яблочного пудинга и облизал ложку:

— Не беспокойся, Лог-а-Лог! Обжорство — это мой любимый вид спорта!

— Кролики не умеют объедаться по-настоящему, эта честь принадлежит землеройкам, — донесся громкий голос Бочонка.

Пиккль хмыкнул и помахал ложкой:

— Может, кролики и не умеют объедаться, мой толстый друг, но меня зовут Пиккль Фолгер, заяц из Саламандастрона, и в том, что касается еды, я обставлю тебя в любой день года.

Бочонок встал, глаза его потемнели от гнева.

— Никто не может обставить Бочонка из Гуосима! Пиккль повернулся к Лог-а-Логу:

— Можно?

Лог-а-Лог кивнул:

— Конечно, Пиккль. Но будь осторожен с Бочонком, он хитер. Я заметил, что он едва притрагивался к пище, так как собирался вызвать тебя на состязание.

— Не бойся, я с ним быстро управлюсь, — пожал плечами Пиккль.

В центре пещеры землеройки очистили стол, сделанный из старого дубового пня. За него уселись Пиккль и Бочонок, с вызовом глядевшие друг на друга, пока Лог-а-Лог объявлял правила:

— Вы согласны на яблочный пудинг?

Оба кивнули и взялись за ложки. Лог-а-Лог махнул лапой подавальщикам и продолжал:

— Боули-повар будет считать опустошаемые блюда. Во время еды можно пить пиво. Недоеденное блюдо в счет не идет, равно как запрещается бросать пищу на пол или прятать ее в одежде. Первый, кто не сможет поднять ложку из миски, будет считаться проигравшим. Ложки к бою... Начали!

Подавальщики прокладывали путь через толпу землероек, сгрудившихся вокруг соперников. На столе были поставлены миски с яблочным пудингом. Бочонок приступил к делу в спешке, в рекордное время он опустошил три миски, его челюсти работали как заведенные, ложка мелькала так, что ее не было видно. Пиккль же действовал не торопясь, он ел медленно, зато большими глотками и с удовольствием прожевывал каждый кусок. Многие землеройки криками стали подбадривать Бочонка. Мара стояла между Лог-а-Логом и Нордо, глядя на происходящее с некоторого расстояния.

Когда Бочонок опустошил пять мисок, Пиккль еще только приступил к третьей. Нордо стал тревожиться:

— Бочонок начал уже шестую миску. Что случилось с Пикклем? Он ест ужасно медленно, Мара.

Барсучиха только улыбнулась:

— Не беспокойся. Пиккль может состязаться даже с теми, кто вдвое больше его. Он ест медленно, потому что наслаждается едой. Бочонок, может, и умеет есть быстро, но ему далеко до Пиккля Фолгера.

Пиккль облизал ложку, отхлебнул пива из кружки и приступил к четвертой порции.

— Великолепный пудинг! Дайте мне рецепт. Старине Бочке тоже очень вкусно, так ведь? Фу, как не-красиво, а ты не очень-то аккуратный едок, Бочка!

С размазанным по подбородку пудингом толстяк и в самом деле выглядел ужасно. Он поднял голову и поглядел на Пиккля:

— Меня зовут Бочонок, заяц, и я заставляю тебя пожалеть о том, что ты согласился состязаться со мной.

— Кто же может пожалеть о такой превосходной кормежке?

После восьмой миски Бочонок стал замедлять темп. Он отодвинул миску в сторону и потянулся за следующей. Боули-повар помахал лапой с зажатой в ней поварешкой:

— Эта порция не доедена. В миске еще полно пудинга, смотри.

— Неважно, старина. — Пиккль выхватил миску у Бочонка. — Несите еще, а эту я доем. Остатки сладки, как говорят у нас в Саламандастроне.

Теперь популярность Пиккля среди землероек заметно выросла. Его добрый юмор и безукоризненные манеры привлекли к нему симпатии почти всех присутствующих.

Бочонок расстегнул пояс и откинулся назад. В его глазах мелькнуло отвращение, когда он придвинул к себе одиннадцатую миску и погрузил в нее ложку. Пиккль уже опустошил восьмую миску и приступил к девятой. Невозмутимый заяц выпил еще кружку пива, вытер губы салфеткой и подмигнул своему сопернику:

— Хорошая у вас тут еда. Я что говорю, Бочка, не бери эту миску, в ней больше, чем в остальных. Возь-

ми вон ту, там примерно вполовину меньше. А эту можешь оставить мне.

На тринадцатом пудинге Бочонок остановился. Он тяжело дышал и не мог закрыть рот. Два его приятеля обмахивали его салфетками и предложили ему кружку пива, но он сердито отодвинул ее лапой.

Мара подтолкнула локтем Нордо:

— Пиккль взялся за дело всерьез!

Заяц опустошил одиннадцатую миску. Не моргнув глазом, он облизнул ложку и взялся за двенадцатую.

— Бочка, друг, ты почему-то позеленел. Должен сказать, что прежний цвет лица шел тебе больше.

Не донеся ложку до рта, Бочонок уронил лапу на стол. Ложка упала обратно в миску. Воцарилось молчание.

Не обращая внимания на своего соперника, Пиккль прикончил двенадцатый пудинг и принялся за следующий.

Повар Боули внимательно следил за Бочонком.

— Приятель, ты можешь поднять ложку или лапу?

Голова Бочонка упала прямо в миску. Пиккль неодобрительно покачал головой:

— Он уже готов? Ладно, не расстраивайся, Бочка. Это не победа, а просто участие в веселой игре. Кто-нибудь хочет сесть на его место?

Дикий хохот встретил его слова. Лог-а-Лог смеялся громче всех.

— Хорошо сказано, Пиккль. Мне понравилась эта шутка насчет кого-нибудь другого. Неплохо, правда, Мара?

Мара кинула на Лог-а-Лога серьезный взгляд:

— Пиккль вовсе не шутил. Смотри, он принялся за шестнадцатую миску.

Землеройки восторженно смеялись, хлопая Пиккля по спине и подбадривая его криками. Повар Боули поднял вверх лапу Пиккля:

— Победитель выиграл у побежденного четыре миски яблочного пудинга! Заяц Пиккль из Саламандастрона объявляется победителем!

Среди криков и аплодисментов Пиккль скромно улыбался, пытаясь выдернуть лапу из крепкой хватки Боули.

— Спокойно, друзья. Боули, дружище, отдай мою лапу, нехорошо мешать зайцу в середине обеда.

Пиккль, укрывшись одеялом, крепко спал. Мара сидела с Лог-а-Логом и его сыном. Другие землеройки уже ушли устраиваться на ночь.

— Лог-а-Лог, я хочу поблагодарить тебя и твое племя за спасение и гостеприимство. Но мне пора возвращаться в Саламандастрон.

— Все хорошо в свое время, Мара. В свое время. — Лог-а-Лог потрепал ее по лапе. — Когда ты решишь отправиться туда, воины Гуосима пойдут с тобой. Я скрещивал мечи с этим Клитчем, о котором ты мне рассказывала, и с его отцом Фераго Убийцей. Эти голубоглазые — наши давнишние враги, мы износили наши лодки, гоняясь за ними.

— Тогда почему бы нам не отправиться сразу?

— Потому что ты должна для меня кое-что сделать. Я являюсь предводителем своего племени потому, что я самый сильный. Это единственное, что держит нас вместе, не считая Черного Камня. Гуосим следует за тем, кто обладает Черным Камнем, это свя-

тыня для землероек. Я владел им с того самого времени, как получил его от своего отца, который в свою очередь получил его от своего, и так далее. Черный Камень делает его обладателя бесспорным предводителем для всех землероек. Однажды, когда мой сын Нордо был еще маленьким, он снял его с моей шеи, когда я спал. Я не очень сильно беспокоился, потому что Нордо любил им играть. И позволил ему оставить Камень у себя, считая, что в один прекрасный день он будет принадлежать ему по праву. Однако Нордо потерял Камень. Я, конечно, взял вину на себя, потому что не хотел, чтобы его наказывал Гуосим, но с тех пор я лидер только своей силой и военным опытом.

— А где Нордо потерял Камень?

Теперь историю продолжал Нордо:

— Ты должна понять нас, Мара. Значение Черного Камня очень велико в нашем племени. Позволь, я расскажу тебе всю историю. Один из притоков Великого Южного Потока впадает в большое озеро, огромное как море. Однажды я плыл в маленькой лодке, которую отец сделал для меня, потом заснул. Пока я спал, весла упали в воду и уплыли. Лодку носило по большому озеру два дня, пока она не наткнулась на остров в самом его центре. Подгребая лапами, я направил лодку к острову. Высадившись на берег, я отправился в лес, чтобы найти две деревяшки, из которых я мог бы сделать весла. Но у меня не было ни ножа, ни кинжала, и мне нечем было срезать дерево. Весь день я провел в лесу без всякого успеха. Затем настала ночь и я заснул. Я проснулся от страшного рева. Огромное белое существо стояло надо мной. Ужасно страшное, оно было скорее привидением, чем из плоти

и крови. Оно держало в лапах Черный Камень. Я закричал от ужаса и бросился бежать, оставив и Камень, и порванный ремешок, на котором он висел. Все это осталось у привидения. Я кинулся обратно в свою лодчонку и дрейфовал до вечера следующего дня, когда меня разыскал мой отец и партия землероек, отправившиеся на поиски. Целой флотилией лодок они прочесывали озеро. С тех самых пор ни одна землеройка не бывала вблизи того острова, где живет привидение. Но вместе с тобой я мог бы добыть обратно Черный Камень.

— Не понимаю. Почему именно со мной? — Мара в недоумении почесала голову.

Тут заговорил Лог-а-Лог, заговорщически понизив голос:

— Потому что ты барсучиха, а то привидение на острове тоже барсук. Огромный белый барсук без единой полосы!

В теплым летним полднем Самким и Арула сидели на солнышке и чистились. Еж Веточка оказался прав: укусы больше не болели.

Они были так заняты очисткой своих шкур, что не сразу заметили исчезновение ежа. Самким почесался спиной о грубую кору граба:

— Ой, хорошо. Наверное, он где-нибудь поблизости. О нем не стоит беспокоиться, Веточка и сам может отлично о себе позаботиться.

— Хо-хо-хо! Это я действительно могу, мой юный друг. А вот и ваши припасы. — Из чащи леса появился еж и кинул на берег два знакомых мешка. — Я прогулялся до зарослей лю-

пина и вот что там нашел. Там же оказалось разломанное осиное гнездо. Теперь я наелся, как утка.

Самким и Арула проверили свои припасы, поблагодарили ежа и предложили ему отведать октябрьского эля.

Веточка принял предложенную фляжку и расплылся в довольной улыбке:

— Хо-хо, первоклассная штука. Эль, как вы его называете. Ежи обожают это, я вам скажу. Между прочим, ребята, я нашел следы той ласки, за которой вы гонитесь, не так далеко отсюда, на юго-запад. Если вы уже пришли в себя, то можем прямо сейчас и отправиться.

Друзья взвалили на плечи мешки и оружие. Веточка оказался не самым быстрым ходоком, зато весьма основательным.

— Сейчас уже недолго до сумерек. Видите в земле отпечаток острия вашего меча, теперь он стал использовать его в качестве посоха, этот мошенник. А вот на стволе вяза следы крови.

Стоило путешественникам углубиться в лес, как их обступили сумерки, заходившее солнце еле освещало стволы деревьев. Веточка предостерегающе поднял лапу:

— Разбейте лагерь под этим раздвоенным дубом. Но имейте в виду, костер не разводить, мы находимся в опасной близости к нашим врагам. Я чувствую в воздухе нечто, что мне совсем не нравится. Устраивайтесь тут и начинайте готовить ужин. Я скоро вернусь.

Прежде чем они успели ответить, еж растворился в темноте. Самким и Арула уже давно съели ужин и теперь дремали у подножия дуба на мягкой моховой подстилке, когда треск ветки заставил их насторо-

житься. Рядом с ними стоял Веточка, сжимая в лапах две половинки сухого прутика.

— Хо-хо-хо, нельзя спать обоим одновременно. Пока один спит, другой должен быть настороже, тогда никто к вам не сумеет подкрасться, как я это только что сделал. Итак, где я был? И второе, что я нашел? Ладно, я расскажу вам, что это был за странный запах, который я почувствовал. Это был запах смерти! Да, смерти и других вещей... вонь крыс — никогда ее ни с чем не перепутаю, запах лис тоже, хотя в этом я не очень уверен...

Арула нетерпеливо шевельнулась:

— Веточка, что же ты там обнаружил?

— Ничего такого, что стоило бы показать вам. Ласка с отрубленной головой. Причем, похоже, это сделали тем самым мечом, который вы разыскиваете.

Самким возмутился:

— Это отвратительно! Меч Хранителя нашего аббатства может быть поднят только ради правого дела и только в справедливой битве. Как они посмели взять в руки священное оружие!

Старый еж покачал головой при виде наивности бельчонка:

— Тебе предстоит еще многому научиться. В оружии нет волшебной силы. Меч может быть использован как для добрых, так и для дурных дел. Все зависит от того, кому он принадлежит. А теперь спать. Завтра нам предстоит тяжелый день. Крысы и лисы не оставляют следов так опрометчиво, как та ласка.

Ночью Самкиму приснился сон. Во сне ему явился Мартин Воитель, бельчонок слышал шум огромного водопада. Какие-то неясные фигуры бродили по тропинкам его разума, он видел бродящих в тумане зве-

рей... это были барсуки! Голос Мартина эхом раздавался в его голове:

— Храбрость, Самким, храбрость. Ты должен разыскать мой меч, тебя ведет судьба. Доверься Веточке, заботься об Аруле. Я с тобой, как бы далеко ты ни скитался.

На рассвете пошел мелкий дождь, но густая листва немного защищала от него. После торопливого завтрака все трое отправились на поиски. Веточка повел их таким путем, чтобы не наткнуться на обезглавленный труп Битоглаза. До самого полудня они шли на юго-запад, пока не вышли на большую поляну. Дождь прекратился, хотя небо заволокли серые тучи.

Веточка огляделся:

— Хо-хо-хо, кто бы ни нес этот меч, он не мог удержаться от того, чтобы не срубить куст дикой мяты. Я почуял этот запах, как только мы пришли сюда. Смотрите, видите срубленные стебли? Меч оставил-таки собственный след. Похоже, он знает, что мы следуем за ним...

Но тут из зарослей папоротника выскочили два кролика и загалдели одновременно:

— Глупый меч, глупый лис, глупые крысы.

— Они пытались зарубить нас. Но мы спрятались в норку!

Самким закинул за плечо лук, чтобы показать свои мирные намерения, раскинул лапы в стороны и улыбнулся:

— Не бойтесь, друзья. Мы не из тех, кто нападает на кроликов. Я — Самким из аббатства Рэдволл, это Арула, а это — Веточка Пожиратель Ос. Мы не причиним вам вреда.

Из травы появилась большая крольчиха и начала бранить обоих кроликов:

— Кларенс и Кларисса, что я вам говорила, нельзя разговаривать с незнакомыми! Разве я не велела вам оставаться в норе до самого завтрашнего дня, после того как за вами охотился тот ужасный лис и вонючие крысы? — Она дергала их за уши, пока крольчата не захныкали. — Разве не велела?

Веточка отвесил ей церемонный поклон:

— Так ты сказала, что лис и шесть крыс проходили тут сегодня днем?

Крольчиха обернулась к ежу:

— Верно, здесь проходили злющего вида лис и шесть грязных крыс. У лиса был меч. Только подумайте, он хотел изрубить моих маленьких Кларенса и Клариссу! Они ушли на юго-запад. — И она исчезла в зарослях, трепля своих крольчат за уши со всей материнской строгостью. Поглядев ей вслед, друзья двинулись на юго-запад.

Накануне вечером, едва темнота опустилась на берег, Фераго стал приводить свой план в исполнение. Его орда направилась к Саламандастрону, потрясая оружием и вопя:

— Фе-ра-го! Смерть им!

В обеденном зале за ужином сидели Урт Полосатый, сержант Сапвуд и Бычеглаз. Крики врагов долетали до их ушей. Бычеглаз устало вздохнул и поставил на стол свой бокал:

— Ночная атака, владыка. Может, заблокируем выходы и отсидимся? Они не причинят нам никакого вреда, все, что требуется, — это два десятка бойцов вокруг кратера.

Но Урт Могучий не желал сидеть спокойно, когда был малейший шанс вступить в битву. Он отодвинул стул:

— Что? Сидеть здесь, пока эти мерзавцы будут ползать по моей горе? Никогда! Сейчас самое время для того, чтобы устроить несколько сюрпризов для Фераго. Ступайте за мной. Нам понадобятся длинные палки, лучники и масло. Выкатите из моей кузницы большую бочку и поднимите ее на вершину кратера.

Фераго, сидя на невысокой скале вместе с Клитчем и Черноглазом, следил за своими солдатами, взбирающимися по камням крутого отрога Саламандастрона. Песьеголов зажег факел, и все остальные стали зажигать свои. Вскоре вся гора засветилась мигающими огнями, и атакующие принялись разыскивать входы в гору. Мокронос вел наверх трех хорьков, они были уже на половине пути, когда один из них крикнул:

— Глядите! Там вход, что-то вроде окна в горе среди камней!

Они стали взбираться туда, Мокронос прокладывал путь.

— Привет, братцы! Подходящий вечерок, чтобы поучиться летать, не так ли?

Барт Чертополох и Денежка сделали по выпадку своими длинными палками. Мокронос спохватился, но было уже поздно. Палка ударила его в грудь, и он полетел вниз с отчаянным криком. Следом полетели и его хорьки.

Далеко внизу Клитч зарычал на солдат, которые начали отступать:

— Вперед, безмозглые трусы! — И он сам стал взбираться наверх, колотя встречных своим копьём. — За мной!

Фераго тоже подбадривал солдат, направляя их по склону горы, обращенному к морю. Он выбрал этот склон, рассчитывая, что Фарран проложит путь по другой, береговой стороне горы.

Черноглаз зарядил свой лук:

— Мне зажечь стрелы, хозяин?

— Пустоголовый! — Фераго насмешливо отодвинул его в сторону. — Мы будем убиты собственным огнем. Вели солдатам зажечь больше факелов. Взырайся с ними на гору, а там увидишь, можно ли стрелять из лука с близкого расстояния в те дыры, из которых они бросают свои бревна.

На прибрежной стороне кратера Урт Полосатый и Бычеглаз лили с горы из огромной бочки кузнечное масло и, когда бочка опустела, водрузили ее на кучу больших валунов. Затем барсук выбил из-под камней опору, и они покатались по склону горы. Урт с хохотом сбросил им вслед пустую бочку.

Продолжая упорно взбираться наверх, Клитч был уже почти на полпути.

Хорек Франг схватил его за лапу:

— Что это за шум?

— Шум? — Клитч резко оттолкнул хорька в сторону. — Это шум битвы, дурак.

Чуть выше по склону одна из крыс издала короткий вопль, когда первый валун сбил ее с ног, языки пламени охватили ее тело, и она покатилась вниз. Теперь уже камни сметали всех тех, кто находился в первых рядах атакующих. Скатываясь вниз, хищники превращались в огромные огненные шары, соприкоснувшись с факелами, зажженными по приказу Фераго.

Черноглаз и другие, кто еще только начал восхождение наверх, стали торопливо спускаться.

— Хозяин, уходи с дороги! — прокричал Черноглаз, проносясь мимо Фераго.

Фераго бросил взгляд назад и побежал. Передний отрог Саламандастрона был объят пламенем, камни катились и громыхали, ветер раздувал пламя, посылая смерть и разрушение орущей орде Убийцы. Над всем этим горностаем слышался жуткий смех и воинственный клич Урта Могучего, Владыки Саламандастрона:

— Эу-у-ула-а-алиа-а-а!

Фарран Отравитель бесшумно проскользнул внутрь горы с дальней стороны кратера. Не задерживаясь ни на секунду, он стал спускаться вниз, в коридоры крепости. Первую же дверь, которая встретилась на его пути, он тихо приоткрыл и заглянул внутрь. Ничего. Закрывая дверь, он обернулся и оказался нос к носу с Ветролапкой. Зайчиха торопилась наверх с пучком смазанных маслом стрел. Прежде чем она успела охнуть, Фарран выхватил кинжал с рукоятью из черного дерева и вонзил отравленный клинок в шею зайчихи. Ветролапка даже не позвала на помощь. Она умерла мгновенно. Двигаясь бесшумно как тень, Фарран заскользил дальше по проходу, заглядывая то в пещеру, то в кладовую, пока не нашел то, что искал. В одной из пещер вдоль стены стояли десять огромных дубовых бочек с водой. Черный Лис приподнял крышку одной из бочек и зачерпнул воды. Холодная дождевая вода, смешанная с талой, была необыкновенно вкусна...

Осторожно открыв флакон из темно-зеленого стекла, Отравитель равномерно распределил его содержи-

мое между всеми десятью бочками. Это заняло у него не больше минуты, затем он ушел.

Скользя дальше по коридору, он опустился на один пролет лестницы и оказался на более низком уровне. Осмотр помещений здесь у него занял значительно больше времени, но все они оказались оружейными. Янтарные глаза лиса не выражали никаких эмоций, но он знал, что теряет драгоценное время. Спустившись еще на один пролет, он продолжил поиски съестных припасов. К его сожалению, эти комнаты оказались спальнями. Спустившись еще на один пролет, он очутился в столовой. Тут Фарран воспрянул духом, зная, что припасы должны располагаться неподалеку от кухни.

На нижнем уровне Саламандастрона царила тишина, каменные стены приглушали малейший звук. Неслышно ступая, Отравитель дошел наконец до входа на кухню. Его янтарные глаза слегка мигнули при виде запасов пищи, приготовленных к завтраку. Ферраго никогда не кормил своих солдат вдоволь.

Тщательно вымыв лапы, Черный лис уселся за стол и принялся за еду. Овсяные лепешки, теплые и свежие, только что из духовки, он намазал сотовым медом и с наслаждением съел, запивая старым золотым сидром. Затем последовали овощные запеканки и буковые орешки, ржаной хлеб с горным сыром — Черный лис пробовал все по очереди. Когда Фарран закончил, он промокнул губы салфеткой и отравил всю еду.

Закончив на кухне, он стал искать кладовые. Мешки с мукой, горы овощей, коробки с яблоками, банки с салатами, ящики с орехами — ничто не избегло смертельного угощения Фаррана Отравителя. Там он рассыпал порошок, сюда капнул несколько капель жидкости... все было выполнено со знанием дела.

Утро выдалось сырым и туманным, но позже должно было проясниться. На рассвете Труга и Думбла разбудил морозящий дождь. Труг усадил мышонка в мешок и закрыл его там поплотнее. Затем взвалил мешок на плечи и зашагал вперед.

— Давай-ка спой старине Тругу какую-нибудь песенку, чтобы его лапы шагали быстрее.

Любой, кто встретился бы им на дороге, был бы чрезвычайно удивлен при виде выдры, шагавшей с поющим мешком на спине. Думбл пел песню про мышей-сонь:

— Мышей нет печных, половых и балконных
И прочих, которых не счесть,
Стенных, потолочных, а также оконных,
Но Думбл, мышь-соня, я есть!
Есть мышь полевая и мышь домовая,
Еще есть пищухи вопючие,
Но помнить тут важно,
Что самый отважный —
Наш Думбл, мышь-соня, всех круче я!
Хи-хи, ха-ха-ха!
Отважный герой!
Меня покормите — и вот посмотрите,
Как стану я мышегорой!

К полудню погода прояснилась. Белые облака скользили по голубому небу, гонимые легким ветром. Думбл был высажен из мешка и теперь, радостно подпрыгивая, трусил рядом с Тругом, наслаждаясь свободой. Труг замедлил шаг, принаравливаясь к своему маленькому приятелю:

— Смотри-ка, дружок! Что это там виднеется на дороге?

На тропинке лежало нечто бесформенное. Услышав голоса друзей, оно неловко стало продвигаться к лесу. Думбл опередил Труга и побежал туда.

— Думбл, вернись, озорник! — закричал Труг, когда малыш вырвался вперед.

Но Думбл был уже далеко и мчался, не обращая внимания на крики своего друга. Труг поспешил за ним вдогонку.

Это был сокол, совсем молодой, наверное, он встал на крыло лишь этим летом. Птица неловко волочила правое крыло, пытаясь убежать от них и найти убежище в реденьком леске восточнее тропинки. Думбл

отрезал соколу путь к спасению и, встав перед ним, приветливо протянул лапу:

— Ах, бедная птичка, у тебя крылышко болит?

Сокол замер на месте, его страшные золотистые глаза замерцали, когда он предупреждающе зашипел:

— Каааарх! Уйди с моей дор-р-роги или я выключу тебе глаза!

Мышонок фыркнул от смеха и положил перед незнакомцем кусочек засахаренного каштана:

— Думбл не будет тебя обижать. Скушай, это вкусно...

Птица клюнула орех и с удовольствием его проглотила. В это время подоспел Труг. Он решил, что Думбл и сокол находятся слишком близко друг к другу для того, чтобы он мог вмешаться. Задержав дыхание, Труг остановился в сторонке. Птица склонила голову набок и глянула на него одним глазом:

— Не подходи, водяная собака! Этот малыш понимает, что я говор-р-рю? Р-разве он не видит, что находится в опасности? Я ведь не вор-р-робей, я — сокол!

Когда Труг разобрал невнятный северный акцент сокола, он утвердительно кивнул головой:

— Я отлично вижу, что ты сокол. Посмотри на меня, я выдра. Надеюсь, ты не причинишь вреда моему маленькому другу, потому что тогда я вынужден буду выстрелить в тебя из пращи. — Труг многозначительно потряс своей пращей.

Думбл протянул лапу, предлагая соколу еще засахаренных орехов. Птица осторожно их склевала, рассматривая одним глазом на Труга и продолжая говорить:

— Да, дер-р-ржись лучше от меня подальше. Мы с тобой оба воины. Да! Тебе не надо бояться за малы-

ша, но я пока не могу летать, у меня сломано кр-рыло. Имей в виду, если ты нападешь на меня, я дам сдачи и такому большому пар-р-ню, как ты!

Труг снял с плеч мешок и присел рядом, добродушно улыбаясь:

— Договорились, приятель. Ты не станешь обижать нас, а мы не обидим тебя. Меня зовут Труг, а это Думбл. Мы живем в аббатстве Рэдволл. — И он принялся делить овсяные лепешки и сыр на троих. Сокол немного успокоился, и все трое принялись за еду.

— Я должен поблагодар-р-рить тебя за вкусное угощение, Труг. Меня зовут Р-р-рокангус, я — единственный сын Маккогтя, Кор-р-роля Высоких Скал. Мой дом находится в север-р-рных гор-р-рах, на окр-р-раине живого мир-р-ра. Несколько дней назад я потер-р-рял дор-р-рогу, и меня занесло сюда ветр-р-ром, потому я и оказался в этих лесах. Но тут на меня напали вор-р-роны. Они напали на меня вдесятер-р-ром и заставили опуститься в чаще леса. Вот так кр-рыло у меня и сломалось.

Труг бросил внимательный взгляд на большое крыло и осторожно тронул его лапой.

— У тебя треснула кость, дружок. Ну что ж, думаю, моя спина выдержит еще одного пассажира. Пойдем с нами. Мы идем в сторону северных гор на поиски Ледяного Цветка.

Рокангус недоверчиво посмотрел на него:

— Ты хочешь сказать, что мне пр-р-ридется путешествовать с двумя пешеходами вместо того, чтобы лететь?

Думбл погладил птицу по спине:

— Пойдем с нами, Рокангус. Труг очень хороший носильщик.

Тем временем Труг отыскал кустик вьюнка, пустырник и смолу сосны. Он аккуратно перевязал раненое крыло.

— Вот так оно лучше! Как только смола затвердеет, пустырник и вьюнок сделают свою работу. Только постарайся не шевелить крылом. А теперь, Рокангус, ты будешь нашим проводником. В какой стороне северные горы?

Сокол неопределенно мотнул головой на северо-восток, осторожно прижимая к себе правое крыло:

— Вот в этой, но я не увер-р-рен. С высоты птичьего полета все пр-р-редставляется совсем др-р-ругим. Но мы добер-р-ремся до северных гор-р-р, я увер-р-рен.

Думбл отказался лезть в мешок и засеменял рядом с Тругом. А Рокангус, несмотря на его мольбы, был отправлен на насест, Тругу на спину. Вонзив свои когти в лямки, он устроился на мешке.

— Если бы меня сейчас увидел мой отец, он бы мне повыдер-р-ргал все пер-р-рья из хвоста. Но ты, Тр-р-руг, хор-р-роший товар-р-рищ.

Деревья стали редеть, лес постепенно превратился в поросшую кустарником равнину, и к вечеру друзья одолели довольно приличное расстояние. Думбл нашел спелую чернику и дерево, усыпанное мелкими желтыми грушами, и они сделали привал.

Сокол кивком указал на сосновый лесок:

— Будь остор-р-рожней, Тр-р-руг. Это тер-р-р-ритория вор-р-рон.

После полудня день стал тихим и жарким. Труг бросил опасливый взгляд на лесок и вложил в пращу камень. Над деревьями пока не было никаких признаков ворон, но друзья решили соблюдать осторожность.

Все шло хорошо, пока мышонок не наступил на куст чертополоха.

— Уй-уй-уй! Я наступил на чертополох, Труг. Ой!

Сосны зашумели, громкое карканье прорезало воздух, и черные силуэты взвились над рощей.

У Рокангуса вырвался резкий крик:

— Это вор-р-роны. Мы попались, др-р-рузья!

Впереди лежало песчаное русло пересохшего ручья. Труг схватил Думбла за кафтанчик, поднял его в воздух и бросился бежать по твердому дну. Но вскоре их заметили вороны. Резво взмыв в воздух, они погнались за Тругом, который из-за тяжести бежал не слишком быстро. Хрипло переключаясь друг с другом, вороны с шумом гнались за ними. Первую из них Рокангус встретил ударом своего кривого клюва, когда та пыталась вонзить когти в шею Труга. Тот, скинув мешок, разможил голову одной из ворон, выстрелив в нее из пращи, и издал воинственный клич аббатства:

— Р-э-э-дво-о-о-о-олл!

Думбл, вытащив наконец свой чертополох из лапы, схватил длинную палку и встал рядом с мешком, на котором сидел Рокангус, наостривший клюв и когти. Вместе они выкрикнули боевой клич:

— Я — Думбл из аббатства Рэ-э-э-дво-о-о-о-олл!

— А я — Р-р-р-рокангус, сын великого Маккогтя! Крии-и-ига-а-а-ар!

Две вороны опустились на землю и стали подбираться к Думблу, их зловещие клювы походили на два грязных желтых ножа. Думбл огрел первую из них палкой, раздробив ее ноги. Рокангус занялся второй, вонзив ей в спину свой страшный клюв. Труга несколько раз клюнули в спину. Уложив одну из ворон ловким ударом своего подобного рулю хвоста, он резко

обернулся и ударил другую лапой прямо в воздухе, а третьей попал из пращи в грудь. Рокангус сражался, стоя на песке, против трех ворон, разрывая их когтями и долбя клювом. Он не увидел, когда одна из ворон клюнула Думбла в лапу. Мышонок вскрикнул от боли и выронил палку. Тут же две вороны схватили его и стали поднимать в воздух. Малыш громко закричал:

— Тру-у-у-у-уг!

С гневным рычанием Труг схватил мешок за лямки. Раскрутив, он бросил его вверх и сбил обеих ворон.

Думбл упал на землю, перекувыркнулся, вскочил и схватил свою палку. Упав прямо на ворон, он принялся их нещадно бить по хвостам, ногам и крыльям, приговаривая:

— Ах вы, гадкие вороны, вздумали унести Думбла в небо!

Трое друзей сражались так яростно, что вскоре отогнали всех ворон. Птицы тяжело разлетелись в стороны и расселись на низких кустах и на земле.

Труг торопливо накладывал повязку на лапу Думбла.

— Они вернутся, дружище, вот увидишь! Они еще наберутся мужества. Смотри, эти мерзавки вновь собираются на верхушках сосен.

Думбл воинственно взмахнул своей палкой:

— Пусть приходят, Труг. Думбл побьет их своей палкой.

— Я в этом не сомневаюсь, др-р-рузья, и их будет больше, чем листьев в лесу.

— Остаемся здесь, друзья. Они опять летят!

Пронесшись низко над травой, вороны пошли в атаку. Первых четырех Труг ослепил, бросив им в глаза горсть песку. Одна из ворон собралась было сесть ему

на голову и уже занесла клюв, чтобы клюнуть его, но Думбл воткнул свою палку ей в горло. Четыре других накинута на Рокангуса, и все, что стало видно, — это взрыв черных перьев вперемешку с коричневыми перьями сокола, когда они схватились в бешеной схватке. Еще две вороны напали на Труга сзади. Снова его хвост пришел в бешеное движение, и шея одной из ворон хрустнула. Другая метнулась назад, получив удар его задней лапы. Палка Думбла сломалась о голову одного из врагов. Мышонки схватили обе половинки и подобно маленькому смерчу накинута на сидящую на земле ворону. Но противник, имея численный перевес, начал одолевать их. Вороны устремились на трех друзей, и ни одного из них не стало видно под массой черных перьев, клювов и рвущих лап. И тут внезапно Думбл вскрикнул от боли, когда один из клювов ударил его между ушей.

Этого Труг вынести не мог. Крик мышонка вверг его в гнев. Награждая врагов укусами и тумаками, он вырвался из схватки, из его пасти капала кровь. Прорвавшись по сухому руслу, он бросился на подмогу к Рокангусу и Думблу. Оказавшись прямо перед ними, он обеими лапами поднял в воздух свой тяжелый мешок и принялся раскручивать его. Вороны взвились в воздух. Черные перья посыпались на землю вместе с обломками клювов и сломанными когтями. Мешок все вращался и вращался, превратившись в свистящее колесо. Труг откинул назад голову, и его распахнутая пасть стала напоминать алую пещеру.

— Рэ-э-э-дво-о-о-олл!

Вороны убрались, некоторые подсакивая на одной ноге, некоторые припадая на крыло, — они были рады спастись от смертоносного мешка Труга.

Позже, когда день клонился к вечеру, три товарища сидели и залечивали раны. Труг застонал от боли, когда Рокангус вытащил клювом из его спины обломок когтя:

— Ой! Полегче, пернатый дружище!

— Ха, не скули, хвост р-р-рулем. Ты будешь жить. Посиди тихо, пока я выну вор-р-роньи когти из твоей спины.

Думбл пересчитывал свои раны:

— Девять, три, шесть, два, шестнадцать. Уй, как много!

— Вон смотр-р-ри, кого много!

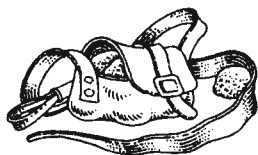
На полпути между рощицей и руслом ручья земля была черной от воронья. Они слетелись вместе, как жуки на навозной куче. Труг сел, прислонившись спиной к высохшему под солнцем обрыву берега:

— Никому не справиться с такой кучей воронья, Рокангус. Мы влипли.

Солнце начало клониться к западу. По небу плыли небольшие серебристые облачка. Труг сидел, печально глядя на эту красоту.

— Я прожил хорошую жизнь и много повидал. Но вы двое еще совсем молоды, и я хотел бы, чтоб вы пожили побольше. Что ж, друзья, мы встретим их плечом к плечу и погибнем рядом.

Последний луч погас на горизонте, и воронье закаркало. Это карканье подобно погребальной песне разлилось над пустынной землей.

Половинка луны висела в аквамарини-
вом небе. Весла бесшумно буравили
высокую воду, покуда две лодки про-
кладывали путь по притоку Великого Юж-
ного Потока. Оба суденышка были загружены
землеройками Гуосима. Мара и Пиккль сидели
в первой лодке, рядом с ними распложились
Лог-а-Лог и Нордо, указывающие маршрут.

— Далеко еще плыть, Нордо? — сонно про-
бормотала Мара.

— Если повезет, доберемся к рассвету. По-
спите немного, друзья.

Пиккль огляделся. Кроме часовых, все осталь-
ные отдыхали. Заяц погладил себя по животу:

— Неважная это шуточка, вот что я вам скажу. Как можно предлагать зайцу спать, если у него живот подвело от голода. Тут уж не до сна, сами понимаете.

Потянувшись за мешком, который был приторочен на носу, Лог-а-Лог протянул зайцу каких-то два больших круглых предмета:

— Отведай-ка этого, Пиккль. Это специальные хлебцы, которые мы готовим для дальних путешествий. Их испекли, возможно, несколько лет назад, но они все еще сохранили свою пользу. Ты получишь удовольствие.

— Уф-ф-ф! — Пиккль попытался было надкусить один хлебец, но потерпел неудачу. — Чуть зубы не поломал. Из чего эта штука сделана, из камня? Могу поспорить, даже старина Бочка не смог бы разжевать это.

Мара заснула под звуки негодующего бормотания Пиккля.

Проснулась она, когда занимался рассвет. Лодки быстро плыли, то и дело огибая пороги, за этим следили опытные мореплаватели-землеройки. С обеих сторон над рекой нависали высокие берега. Время от времени Нордо предупреждал криком остальных о том, что надо нагибаться, чтобы не задеть за нависшие над водой ветви. Пиккль проснулся и мгновенно побледнел, увидев, с какой скоростью проносятся мимо берега:

— Слышь, братцы! Будьте славными ребятами и снизьте немного скорость, лады?

— Держись крепче! Мы уже на озере!

Мара судорожно вцепилась в борта лодки, когда та взмыла на волне. Лодки ринулись вперед, беспорядочно ныряя то вверх, то вниз. Вдруг сильный толчок, и огромная волна замочила всех сидящих, затем лодка мягко скользнула на широкую гладь озера.

Мара изумленно оглядывалась. Их окружало сплошное пространство воды — настоящее море. Всюду, сколько видел глаз, была вода, и ни малейшего признака острова или берега на горизонте.

Пиккль завертел головой:

— Подскажите мне, братцы. Где этот остров?

Лог-а-Лог махнул лапой вперед:

— До него еще два дня пути.

После завтрака все взялись за весла, и начался длинный путь к острову. Сначала лапы Мары покрылись волдырями и заболели, но вскоре она уже гребла наравне со всеми и даже принялась подпевать веселой песне землероек, которая помогала поддерживать единый ритм гребли:

— Поем мы тягучую песню реки,
Чьи воды проносятся мимо,
Где лодки крутые ведут моряки —
Землеро-о-ойки из Гуосима!

Работай спиной, разгибайся, дружок,
И вскорости ступишь ты на бережок,
И даром что малого роста —
Сроднился и к веслам прирос ты.
Гуоссим! Гуоссим! Гуоссим!

Поем мы тягучую песню реки,
Твои и мои эти воды,
На веслах крутые сидят моряки —
И нет без реки им свободы!

Работай спиной, налегай на весло,
Чтоб лодку, как ветром, по водам несло,
И даром что малого роста —
Сроднился и к веслам прирос ты.
Гуоссим! Гуоссим! Гуоссим!

К полудню обе лодки все еще были на озере. Нордо командовал небольшой перерыв. Землеройки опустили лапы в воду и напились воды. Мара осторожно последовала их примеру и, к своему удивлению, обнаружила, что вода вкусная. Пиккль давно уже полоскал лапы в воде.

— Слышь, Лог, а глубоко ли в этом озере?

Лог-а-Лог насмешливо улыбнулся:

— Примерно две трети длины лодки и половина длины утки.

— Понятно, — кивнул Пиккль. — Не вешай мне лапшу на уши, старина.

Нордо рассмеялся:

— На самом деле никому не известна глубина этого озера, хотя когда-то мой дедушка, когда он был Лог-а-Логом, пытался измерить ее и потом сказал, что озеро это бездонное.

Пиккль побледнел:

— Ты слыхала, Мара? Оно бездонное!

Мара улыбнулась:

— Перекуси, Пиккль, сразу почувствуешь себя лучше.

— Ха, только послушайте ее! Ой, что это там? Большой такой всплеск!

Нордо собирался было что-то сказать, но Лог-а-Лог бросил на него предупреждающий взгляд и покачал головой:

— Наверное, рыба плеснула.

Пиккль судорожно сжимал борт лодки.

— Лучше бы они так не прыгали. Меня это нервирует!

— А вот опять. Нет, это вовсе не рыба! — Землеройка-гребец стоял позади них, его обычно низкий голос звучал жалобно.

Команды обеих лодок начали **переговариваться**. Лог-а-Лог постучал веслом по борту лодки:

— Тихо. Это была рыба, я сам видел.

Высокая волна неслась к лодке. Мара указала туда:

— Великовата для рыбы. Должно быть, это **целый косяк**.

Один из гребцов уставился на Лог-а-Лога:

— Зря ты сейчас работаешь веслом. Оно **слышит** тебя и идет за нами.

С другой лодки раздался злобный выкрик **Бочонка**:

— Это все из-за барсучихи и зайца. Они на всех нас навлекли несчастье!

Другие тоже в панике начали кричать, увидев на воде борозду, направляющуюся к лодкам:

— Это Хозяин Глубин, ребята!

— Мы все погибли!

Лог-а-Лог выхватил свою рапиру и крикнул, **перекрывая шум**:

— Молчите и замрите, иначе вы перевернете лодки!

Буравящая рябь приближалась. Повинуясь власти Лог-а-Лога, все сидели затаив дыхание. Все глаза следили за бесшумно приближающейся волной. Она была на расстоянии трех корпусов лодки, когда вода шумно плеснула и на поверхности показалось что-то длинное и чешуйчатое.

Мара слегка шевельнулась. Наклонившись, она заглянула в прозрачную сине-зеленую глубину озера и увидела какое-то существо, проплывающее под лодками. Оно было огромным!

Головы чудовища она не заметила, но как зачарованная следила за тем, как длинное тело медленно скользит почти у самой поверхности на расстоянии вытянутой лапы от днища лодки. Чудовище было

круглым и толстым, словно ствол дерева, темно-зеленого цвета, покрытое серыми бородавками. Хвостовой плавник царапнул днище лодки и исчез в глубинах молчаливого озера.

Барсучиха глубоко вздохнула и смахнула крупные горошины пота, выступившие на носу:

— Что это было?

Нордо с усилием разжал лапы и выпустил весла.

— То, что ты сейчас видела, в Гуосиме называют Хозяином Глубин. Хотя прежде он никогда и никому не попадался на глаза.

Пиккль сидел с огромными, как плоски, глазами.

— Ладно, давайте надеяться, что мы с удовольствием расскажем об этом чуде нашим внукам. Слышь, я так и знал, что нечего нам делать на этом озере. На твердой земле ты по крайней мере можешь убежать, а тут сиди как привязанный.

— Хозяин Глубин — это старая легенда землероек, — объяснил Лог-а-Лог Маре и Пикклю несколько извиняющимся голосом. — Легенда, которой пугают малышей, чтобы они не сбежали одни на озеро. Хотя во времена моих предков ходили слухи о лодках, которые исчезли без следа при самых загадочных обстоятельствах. Что же касается меня самого, то я никогда не верил в такие вещи, но теперь, когда я видел его собственными глазами, как я могу сомневаться? Сожалею, что такая опасность подстерегала вас со мной и моим сыном.

Теперь лодки плыли борт о борт, и стал отчетливо слышен злобный голос Бочонка:

— Слыхали, землеройки? Он, видите ли, сожалеет. Мы все могли сегодня помереть, а Лог-а-Лог сожалеет! Хотя какой он Лог-а-Лог? Где Черный Камень, кото-

рый ему полагается носить на шее? Мы не должны исполнять его приказы! Нам следует плыть к берегу!

С обеих лодок одновременно донеслось ворчание:

— Бочонок прав, без Черного Камня он просто самозванец!

— Я и говорю, нам нужно выбрать другого предводителя!

— Бочонка в предводители! Он вызволит нас отсюда!

Бочонок с торжествующим ревом вскочил и устоялся на Лог-а-Лога:

— Поищи-ка себе другое имя, приятель! Ты больше не Лог-а-Лог! Теперь я предводитель Гуосима. Верно?

Землеройки здорово боялись плавания по озеру, в котором живет Хозяин Глубин. И поэтому план Бочонка немедленно плыть к земле был принят с восторгом. Они пристыженно согласились с Бочонком, предпочитая не смотреть в сторону Лог-а-Лога, который всегда был справедливым и добрым предводителем.

Лог-а-Лог положил руку на эфес своей рапиры, холодно глядя на Бочонка:

— Мы выясним это раз и навсегда. Назови место и время схватки.

Бочонок поежился под суровым взглядом Лог-а-Лога, хотя старался принять независимый вид и продолжал храбриться:

— Не буду я драться с тобой ни на земле, ни на воде. Меня они сами сейчас выбрали. Как только высадимся на берег, ты и твой сын должны убраться из Гуосима!

Бестолково суетясь, Бочонок сел на место и взял в лапы свое весло.

— А теперь слушайте меня. Как ваш новый предводитель, я говорю, что мы должны держать курс к берегу.

— Еще одно слово — и ты пойдешь на дно кормить рыб! — Мара, не торопясь, подогнала свою лодку поближе к соседней, и теперь, когда они поравнялись, барсучиха легко могла дотянуться до хвостуна. Мара встала и крепче ухватилась за весло.

— Слышали? — в растерянности воззвал к своим сторонникам толстяк. — Эта невесть откуда взявшаяся барсучиха хочет убить вашего предводителя! А ну-ка, землеройки, взялись за нее. Давайте выбросим ее за борт. Она с зайцем и есть причина всех неприятностей. Хватайте их!

С неожиданной ловкостью Лог-а-Лог перескочил в другую лодку и приставил кончик рапиры к горлу Бочонка:

— Мятаж на борту и подстрекательство к убийству, так, Бочонок? Как только мы вернемся домой, ты предстанешь перед судом Гуосима. Мара и Пиккль помогли нашим товарищам и моему сыну выбраться из жабьего плена. Они наши почетные гости. Я много спускал тебе, Бочонок. Самому мне безразличны твои выпады, но ты угрожаешь жизни друзей Гуосима и поднял мятеж в открытом море. Свяжите Бочонка и посадите его на корму. Когда придет время, я им займусь.

Быстрая победа над Бочонком в сочетании с решимостью обратили ситуацию в пользу Лог-а-Лога. Землеройки схватили Бочонка и связали его.

Лог-а-Лог сунул рапиру в ножны и повернулся к команде:

— Я все еще ваш Лог-а-Лог, неважно с Черным Камнем или без него. Всякий, кто желает вызвать меня на поединок, пусть сделает это сейчас!

Наступило полнейшее молчание, затем встал один из самых сильных гребцов и подошел к предводителю:

— Всякий, кто бросит вызов Лог-а-Логу, будет иметь дело со мной. Он всегда был справедливым и честным по отношению к нам!

Остаток дня прошел гладко. Солнце село над западным концом озера, и жаркий летний день подошел к концу. Землеройки усердно работали веслами, затем поужинали и стали устраиваться на ночь. Лежа без сна на дне лодки, Лог-а-Лог передал Маре кувшин со сладким кленовым напитком:

— Мара, я хотел поблагодарить тебя и Пиккля за вашу поддержку, особенно тебя. Ты вела себя храбро. В ту минуту многие готовы были последовать за Бочонком. Я знаю, он потерял лицо в споре с Пикклем, но здесь, на озере, многие, напуганные Хозяином Глубин, послушались бы его, так как он призывал возвращаться на берег. Страх — великая сила, многие готовы уступить ему. Я никогда не забуду того, что ты сделала для меня.

Барсучиха притворилась, что зевает и потягивается:

— А-а, что за счеты между друзьями? Давай спать, старый мореход.

Замершие на ночь, лодки тихо покачивались на воде.

Давай-ка потише, они как раз впереди нас. Самким и Арула вглядывались в ночной сумрак леса.

— Как далеко они, Веточка?

Старый еж уселся позади них:

— Не больше чем на половину протянутой лапы. Пусть хищник перекусит, а потом мы и нанесем ему визит, так?

Глаза Самкима заблестели.

— Ночная засада!

Они пожевали овсяные лепешки и яблоки, пока Веточка излагал им план:

— Я отправился вперед на разведку и чуть не наткнулся на них. Они разбили лагерь к юго-

западу отсюда Теперь слушайте. Примерно через час они заснут, и тогда вот что мы сделаем. Разделимся и разойдемся, чтобы напасть на них с трех сторон. Крысы — неважные бойцы, они скорее годятся как следопыты. Вот насчет лиса я беспокоюсь, он выглядит крепким орешком. И что плохо, негодяй держит меч около своей лапы. Тяжелая дубинка — это лучшее, что помогло бы справиться с ним. Арула, дай мне свой нож, я вырежу нам обоим по хорошей палке. Самким, ты можешь задействовать свой лук. Сигналом будет стрекот сверчка. Вот так — чрррк! Когда услышите сигнал, врывайтесь в лагерь с криком, будто вас укусила пчела за ухо. Грохот и крики — с этим вы справитесь, и бегите прямо на лиса. Он спит у самого огня. Не давайте ему схватиться за меч.

Самким отстегнул лук и попробовал тетиву:

— Не бойся, Веточка! Мы будем там одновременно с тобой!

Арула вторила своему другу:

— Ты только срежь мне палку покрепче, а я уж превращу этого лиса в лепешку!

При свете нарождающейся луны они прошли через лес, бесшумно скользя среди подлеска. Самким старался ступать осторожно, замороженный возможностью вновь завладеть мечом Мартина Воителя. Где-то в листве кричал козодой, лесной голубь тихо ворковал высоко в кронах. Глаза Арулы блеснули в лунном свете, когда она принялась размахивать своей тисовой дубинкой.

Веточка обернулся:

— Теперь тише. Самким, ты отправляйся направо, а ты, Арула, налево. Я знаю, они не выставили часо-

вых, возможно, потому, что считают себя в безопасности так далеко в лесу. Удачи и хорошей вам охоты, молодежь!

Самким остановился в зарослях можжевельника и уставился на освещенный костром лагерь. Поодаль, завернувшись в свои лохмотья, спали крысы, но в блеске затухающего костра он видел острую морду лиса. Тот не улегся спать, а заснул, облокотившись на бревно. Меч лежал рядом с его лапой, сверкая в свете умирающего костра.

— Чрррк!

При звуке сигнала Веточки Самким рванулся вперед, крича:

— Рэ-э-э-дво-о-о-олл!

Настоящий сверчок, расположившийся около костра, цвиркнул еще разок и юркнул под бревно. Арула ускорила шаг, размахивая палкой:

— Даешь победу! Рэ-э-э-дво-о-о-олл!

В это самое время Веточка ворвался в лагерь и столкнулся с одной из крыс, которая вскочила от шума.

Нарушенное стрекотом настоящего сверчка, который произвел ложную тревогу, нападение пошло вкривь и вкось. Лис вскочил и увидел двух из своих крыс, которые боролись с ежом и бельчонком. Лис лишь наполовину пришел в себя, когда мимо него вдогонку за крысой промчалась кротиха с тисовой палкой.

Думая, что на них напали превосходящие силы противника, Детбраш решил спастись бегством, тихо прошипев крысам:

— Смываемся!

Веточка отбросил палку прочь:

— Все пошло неправильно, мы все испортили!

— Смотрите, кого я поймал! — Бельчонок выволочил на свет крысу. Она извивалась и злобно рычала. Самким обмотал тетивой ее шею. — Я, должно быть, сломал ей лапу, и она не смогла убежать вместе с остальными.

Самким и Веточка сели на бревно. Бельчонок выглядел разочарованным.

— Ты подал сигнал слишком рано. Я еще не был готов. Что ж ты так, Веточка?

Тут сверчок снова подал свой голос из-под бревна, дважды прострекотал и сердито порскнул обратно в ночь.

Самким прикрыл глаза, сообразив, что произошло и стукнул лапой по земле:

— А лис-то сбежал с нашим мечом!

Арула быстро приняла решение и дернула крысу за поводок:

— Слушай, крыса. Куда мог сбежать лис? Лучше отвечай, а то как бы я не разозлилась!

Крыса враждебно уставилась на Арулу и молчала. Тогда еж с состраданием посмотрел на крысу:

— Жалко мне тебя. Видишь эту кротику? Между нами говоря, она и так сумасшедшая, а когда разозлится, мы и сами ее боимся.

На морде крысы отразилось замешательство. Она попыталась было улизнуть, но Арула крутанула ее и стала подтягивать к себе, пока их морды не приблизились вплотную. Затем кротиha склонила голову и усмехнулась, как совершенно невменяемая:

— А сейчас я буду отрывать тебе лапки!

Крыса сдалась. Она упала на землю и захныкала:

— Не надо! Этого лиса зовут Детбраш, с ним пять крыс-следопытов. Детбраш служит в войске Фераго. Мы собирались на Южный Поток, чтобы потом по воде добраться до западного берега и соединиться с войсками Фераго. Мы должны были привести с собой Туру и Битоглаза, но они оба мертвы. Детбраш взял меч как подарок для Фераго. Вот все, что я знаю.

Арула выглядела удрученной.

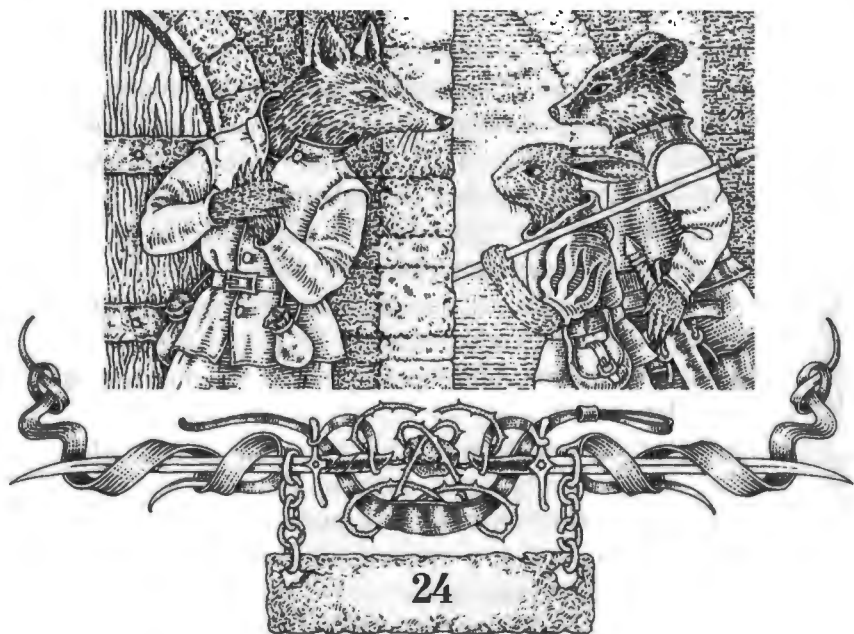
— Только не говори, что покажешь, куда они пошли! А то я так хочу позабавиться!

Слезы выкатились из глаз крысы, и она принялась умолять Самкима:

— Я покажу вам каждый след их лап. Только убедите от меня эту сумасшедшую кротику!

— Ладно, так и быть. — Самким пожал плечами. — Привяжи ее на ночь к дереву, Арула. Как только рассветет, она покажет дорогу.

Бледно-янтарные глаза Фаррана Отравителя были бесстрастны, но он прекрасно понимал, что находится в опасности. Урт Полосатый уже возвратился после боя в гору, выходящий на море склон был усеян безжизненными телами и ранеными. Фераго отозвал свою орду. Потери в его рядах были значительными. Фарран скорчился в темном углу между кладовой и столовой, кляня свою судьбу, которая отрезала ему путь к отступлению. Из своего убежища Отравитель слышал, как барсук и зайцы вошли в обеденный зал. Они говорили о битве, которую выиграли на склонах Саламандастрона.

— Сапвуд, я не давал тебе приказа сражаться на подступах к горе. Тебя запросто могло убить нашими бревнами.

— Когда я вступил в схватку, они уже перестали катиться. Все эти горящие стрелы и катящиеся бревна, по мне, пустяки. Лицом к лицу с врагом — вот что я называю схваткой.

— А славная была рубка, да? — До ушей Фаррана докатился слабый голос молодого зайца, почти подростка.

— Славная, Бережок. Ну и как ты себя чувствуешь после своей первой битвы?

— Отлично! Только я хотел бы спросить, как насчет завтрака?

Урт Полосатый добродушно хмыкнул:

— Еще ни разу не видал зайца, который бы не ходил вечно голодным. Поскольку сегодня была твоя первая битва, ты и завтрак будешь выбирать себе первым.

Глаза Фаррана вспыхнули, он стал прислушиваться к шагам зайчонка.

— О, какой выбор! Ммм, овсяные лепешки, еще теплые. Передай мне меду, сержант.

Снова послышался голос Урта:

— Бычеглаз, есть ли у нас убитые или раненые?

— Нет, владыка. Что-то Ветролапка не зовет к чаю с булочками, которыми собиралась угостить нас после битвы. Наверное, заснула где-нибудь в темном углу.

Следующим звуком, достигшим ушей Фаррана, был звук падения бутылки и опрокинувшегося на пол стула.

— Бережок, что с тобой? — Голос Чертополоха едва был слышен среди поднявшегося гомона и шума. — Смотрите, его вырвало кусочком лепешки. Дай мне свою лапу, дружище!

В первый раз на морде Фаррана отразилось какое-то подобие эмоции. Он разочарованно стукнул лапой по каменной стене своего укрытия. Он приготовил чересчур крепкий раствор, и яд сработал слишком быстро. В ушах лиса зазвучали другие голоса:

— Дайте ему что-нибудь выпить, прополощите ему рот!

— Бережок! Что с тобой? Попробуй встать!

— Дайте пройти Морской Траве!

Наступило молчание, затем снова зазвучал голос Урта:

— Что с ним, Морская Трава?

— Он умер!

— Умер? Не может быть. Разве у тебя нет какой-нибудь травы или настойки?

— Слишком поздно. Это яд. Тут и гадать нечего. Бережка отравили!

— Это еда. Он же был совершенно здоров!

Голос Урта Полосатого внезапно перекрыл все:

— Отойдите от стола! Не прикасайтесь к еде!

Фераго подкинул нож в воздух и ловко поймал его за рукоять. Он пребывал в отличном расположении духа.

— Что такое три десятка убитых? Там, откуда они являются, их полным-полно. Для чего и нужны солдаты, как не для того, чтобы убивать и быть убитыми. Что случилось с твоей мордой, парень?

Клитч сидел рядом с четырьмя офицерами, усмехаясь:

— Мы потеряли хороших солдат.

Фераго метнул нож, и тот вонзился в землю рядом с лапой его сына.

— Черт подери! Твои друзья они были, что ли?

— Не беспокойся, старик, я и гнилого желудка не дам за половину твоей орды. Просто считаю, что за-

бросить Фаррана в гору мы могли бы и с меньшими потерями.

Фераго вынул из земли нож и снова принялся поигрывать им перед носом Клитча.

— Гнилозуб, станет ли наша жизнь легче, когда барсук и его зайцы сдохнут от яда Фаррана и мы станем хозяевами горы. Как по-твоему, стоит это жизней нескольких бесхвостых негодаев?

Гнилозуб кивнул:

— Хозяин прав, Клитч.

Не проронив больше ни слова, Клитч вскочил и ушел.

Фераго подмигнул своим четырем офицерам:

— Плохо, когда ты молодой, а уже так много о себе воображаешь! Клитч любит поболтать за моей спиной. Я не трогаю его потому, что он мой сын, но всякого, кто будет с ним заодно, ждет смерть. Теперь еще одно! Если Фарран сейчас выйдет и объявит, что отравил в горе все припасы, мы сразу идем на приступ.

Черноглаз почтительно поднял лапу:

— Что-то он до сих пор не вышел, хозяин. А ну как он вообще не выйдет?

Фераго спрятал нож и подмигнул крысе:

— Это означает, что он до сих пор в горе. Не волнуйся. Фарран никогда меня еще не подводил. Меня беспокоит другое. Что если Фарран решил пожадничать и хочет сам заполучить сокровища барсуков...

— Сокровища барсуков? — удивился Черноглаз.

Фераго погладил его по спине и улыбнулся:

— Да-да, сокровища барсуков. Разве я не говорил тебе, приятель? Там слишком много для одного, и мне нужны надежные парни, с которыми можно было бы поделиться по справедливости. Это вы четверо.

Фераго внимательно наблюдал за алчным выражением, появившимся на мордах своих собеседников. Теперь они были у него на крючке.

— Еще одно, друзья. Фарран хочет заграбастать все сокровища себе. Отравителя нужно убрать. Полагая, мы впятером как-нибудь сумеем воткнуть кинжал ему под ребра.

Четыре лапы протянулись к Фераго:

— Мы с тобой, хозяин!

Мертвую Ветролапку положили рядом с телом Бережка. Бычеглаз крепко сжал в лапах дротик:

— Обыскать верхние коридоры! Они погибли от разных ядов. Видите на ее шее эту отметку? Крохотная ранка, но такие следы оставляет только яд.

Глаза Урта Полосатого были красными от слез и ярости.

— Сначала Бережок. Я наблюдал за ним в ходе битвы. Останься он в живых, из него вышел бы отличный солдат. Теперь Ветролапка. Она всегда заботилась о моей Маре. Теперь ее нет с нами. Клянусь, тот, кто сделал это, заплатит за все!

Зайцы перенесли мертвых в нижние пещеры, где те должны были ожидать надлежащих похорон, которые обычно происходили у кромки прибоя.

В пустой столовой Урт Полосатый присел рядом с Морской Травой. На столе лежали мертвые муравьи.

— Все они отравлены, и в кухне, и в кладовой, и у хранилища воды.

— Значит, все наши припасы отравлены?

— Именно так. Перед нами угроза голода!

Барсук вздохнул и прикрыл глаза обеими лапами:

— Оставь меня одного, мне нужно подумать. И проследи, чтобы никто из наших не показывался на глаза Фераго и его бойцам. Пусть думает, что мы все погибли. Посмотрим, что он предпримет.

Савпуд и Бычеглаз поднимались по высеченным в скале ступенькам. Они шли в столовую после того, как отнесли вниз тела умерших. Савпуд неожиданно схватил Бычеглаза за лапу:

— Что это?

Видел Бычеглаз очень хорошо. Он прищурился:

— Там какая-то черная тень. Подожди-ка меня здесь! — И Бычеглаз помчался вверх по ступенькам. — Эй! Стой!

Савпуд догнал его:

— Что это было, Бычеглаз? Ты что-то увидел?

— Странно, сначала мне показалось, что это просто тень. Но теперь я готов поклясться, что это был черный лис со страшными глазами.

В конце длинного коридора показался Урт Полосатый:

— Что ты сказал, Бычеглаз? Ты видел в коридоре лиса?

— Трудно сказать. Может, это обман зрения, владыка. Если это был лис, то он ускользнул туда, влево по коридору.

Барсук принялся шагать взад и вперед, рассуждая сам с собой:

— Забежал и выскользнул незаметно, на лиса похоже. Скорее это не солдат, а шпион, а может быть, и отравитель!

Сержант сцепил за спиной лапы:

— Могу ли я просить твоего разрешения на поиски, владыка?

Но в голове Урта уже родился план.

— Разрешения не будет, сержант. Разделимся на две группы — Бычеглаз поведет одну группу прямо к кратеру. Но чтобы никто из армии Фераго вас не заметил. Я хочу, чтобы кратер был плотно запечатан — как горлышко бутылки, чтобы лис не смог выбраться. Сапвуд, ты берешь остальных и идешь следом. Когда достигнете вершины, начинайте обыскивать гору. У лиса только один путь — вниз. А внизу буду ждать его я, именно там, где лежат Ветролапка и Бережок.

Фераго исследовал подошву горы, внимательно замечая каждую складку. Изрядная часть войска, под предводительством Песьеголова и Мокроноса, следовала за ним. Все молча следили за тем, как Фераго сделал стойку на северной стороне и начертил своим кинжалом на земле крест.

— Видите эти трещины и шатающиеся валуны? Здесь запасной выход. По этому туннелю мы и пройдем. Ха! Сейчас они, должно быть, уже переварили нашу отраву. Тяжелая работка — раскачать эти валуны и проложить путь для моей армии.

Клитч ухватился за камень:

— Раскачивать валуны?

Фераго поиграл золотым медальоном у себя на шее:

— Не беспокойся, Клитч, тебя не заставят пачкать лапки. Для такой работы у нас есть целая армия.

Фарран понял, что его затея провалилась. Все, чего он сейчас хотел, — это убраться отсюда подальше. Но с каждым поворотом лис все больше терялся. Саламандастрон буквально кишел зайцами. Куда бы лис ни поворачивал, он всюду натыкался на здоровенных зайцев. Бросившись бежать по одному из

казавшихся пустым коридору, он наткнулся на Сапвуда. Повернув, он увидел прямо перед собой лестничный пролет. В его ушах зазвучал голос сержанта:

— Беги, отравитель! Мы даем тебе больше шансов, чем ты дал бедным зайцам.

В отчаянии Фарран бросился вниз по ступенькам, но тут же уткнулся в Барта Чертополоха со Светлячком и побежал в обратную сторону. Позади он слышал шаги Светлячка и Барта. Внезапно дорогу ему преградили Морская Трава и заяц по имени Лунная Лапка. Вытащив свой кинжал и страшно зарывав, лис принялся отступать. Зайцы не сделали ни одного движения, чтобы напасть, просто прикрывали лестницу, ведущую наверх. Прижавшись к стене, Фарран проскользнул мимо и побежал вниз.

Оказавшись на уровне земли, Фарран быстро огляделся. Два зайца подходили слева, оба вооружены луками. Он побежал направо, по спиральной лестнице, ведущей в нижние пещеры. Уже задыхаясь, он вошел в большую пещеру.

Это был огромный зал, с факелами, воткнутыми в настенные держатели. В дальнем конце стояли два каменных гроба.

За ними спокойно ожидал Урт Полосатый, стоя в хорошо освещенной части зала. Оружия у него не было, кроме мокрой веревки с узлом на конце. Бледно-янтарные глаза Фаррана следили за тем, как бойцы из Дозорного Отряда собрались у входа в пещеру, отрезав путь наверх. Барсук указал на две неподвижные фигуры, лежащие по обе стороны от него:

— Посмотри, что ты сделал с моими друзьями, лис! Пришло время отвечать. Не бойся, тебя никто не тронет. Кроме меня!

Сдва спустилась ночь, Труг начал собирать камни. Невдалеке в холодном ночном воздухе уже кружились вороны.

Рокангус смотрел поверх русла высохшего ручья, его глаза пристально следили за воронами.

— Наши птички начали р-р-разогр-р-реваться.

Думбл тем временем похрапывал. Пробормотав что-то во сне, он перевернулся на другой бок.

Полная луна стояла в небе подобно большой золотой тарелке. Но когда Труг бросил на нее взгляд, чья-то темная крылатая тень загородила круг луны. Схватив пращу, он быстро запра-

вил в нее голыш. Однако птица резко села на землю и сердито заклекотала:

— Эй, ты, водяная собака, р-р-разве не видишь, что я сокол?

Рокангус склонил набок голову:

— Это ты, Крепкий Клюв?

Труг отошел в сторону, прислушиваясь к резкому выговору двух северных птиц.

— Да. Что у тебя с кр-р-рылом?

— Не так уж важно, что с моим кр-р-р-рылом, Клюв. Лучше глянь на тех ворон, мне с пр-р-р-риятелями они доставляют много непр-р-р-риятностей. Нет ли тут поблизости кого из нашего клана?

— Не беспокойся. Сейчас я пр-р-р-иведу вам подкрепление. — И Крепкий Клюв взмыл в ночное небо.

Рокангус проводил его глазами:

— Скор-р-ро вороны пожалеют, что напали на сына Маккогтя.

Карканье ворон все усиливалось. Казалось, они сами приводят себя в бешенство. Не сводя с них глаз, Труг укрыл мирно спящего Думбла своей курткой.

— Рокангус, дружище, надеюсь, твой приятель вернется раньше, чем эти твари нападут на нас.

И, будто подслушав его слова, с неба на высохшее ложе ручья упали шесть соколов.

Труг даже подпрыгнул от изумления:

— Вот это работа!

Высокий, важного вида сокол с грозным клювом и огромными когтями расправил свои массивные крылья и подмигнул Тругу:

— Птицы моего клана быстр-р-ры на кр-р-рыло.

Труг неуверенно огляделся:

— Но вас только шестеро. А ворон-то тут сотни!

Большой сокол пренебрежительно усмехнулся:

— Шестерым бр-р-равым солдатам вр-р-р-роде нас было бы стыдно не задать хор-р-р-рошую трепку этому вор-р-р-ронью.

Все это время Рокангус уважительно прислушивался к разговору. Он сделал шаг вперед и поклонился большому соколу:

— Отец! Я р-р-рад видеть тебя. Это — выдр-р-ра Тр-р-руг, а это мышь Думбл. Они нашли меня с поломанным кр-р-рылом и впр-р-равили его. Скор-р-ро я снова смогу летать.

Маккоготь осмотрел повязку на крыле своего сына, затем протянул коготь выдре:

— Я пр-р-р-ризнателен тебе, Тр-р-р-руг. Моему сыну повезло, что он встр-р-ретил в дор-р-роге двух таких пр-р-р-риличных звер-р-рей, как ты и твой др-р-руг. Но мы поговор-р-р-рим об этом позже. Посиди здесь, пока мы займемся стаей этих нечестивых р-р-разбойников.

С воинственным клекотом Маккоготь и его отряд медленно двинулись на ворон — перья соколов распушились, шеи надулись, когти зловеще царапали твердую землю. Передние ряды ворон дрогнули и отступили. Маккоготь шагнул вперед:

— Идите сюда, пар-р-р-шивцы. Я — Маккоготь, как вам хор-р-р-рошо известно. Мы не р-р-раз др-р-рались с вами и на земле, и в воздухе. Почему вы вдр-р-руг отступаете?

Говоря, Маккоготь продвигался вперед. И вдруг он бросился на ворон. В схватке, которая затем последовала, четыре вороны были растерзаны клювом и крепкими когтями сокола. Остальные беспорядочной тучей взвились в воздух. Там их уже поджидали пять боевых соколов, которые налетели на них подобно молнии.

Думбл проснулся. Усевшись на плечо Труга, он широко раскрытыми глазами смотрел, как с неба, подобно рваному тряпью, падают вороны. Постепенно вороны отступили к спасительной сосновой роще. Они укрылись между деревьями, пока шесть соколов кружили над ними. Всю землю между ручьем и рощей усеивали мертвые и раненые враги.

Рокангус уныло сидел на мешке, тихо бормоча:

— Как это гр-р-рустно сидеть вот так, пока др-р-ругие ср-р-ражаются.

Вернувшись обратно со своими товарищами, Маккоготь стал приглаживать свои взъерошенные перья:

— Жалко, что ты не умеешь летать, Тр-р-руг. Биться в небе — это гр-р-рандиозная штука, тебе гор-р-рю. А ты как, малыш?

Думбл приветливо протянул соколу свою лапу:

— Рад познакомиться с вами.

Остальную часть ночи друзья мирно проспали на вереске, который рос в сухом русле ручья. А утром снова собрались в путь, держа на северо-восток. Труг поднял голову и увидел снежные вершины гор.

Рокангус захлопал здоровым крылом:

— Смотр-р-ри, это пр-р-р-рекр-р-расное зр-р-релище, Думбл. Ты видел когда-нибудь так много камней, чтобы их вер-р-рхушка была и летом покр-р-р-рыта снегом?

Мышонок захрустел засахаренным каштаном:

— Я вообще никогда не видел гор. Поиграем в снежки, когда доберемся туда.

В это самое время снег очень даже пригодился бы в аббатстве Рэдволл. Вера Иголка принесла полную

чашку дождевой воды, которая для охлаждения хранилась в кладовой. Взобравшись по ступенькам, ежиха отошла в сторону, пока Кротоначальник с двумя товарищами тащили большую корзину, останавливаясь на каждой ступеньке. Кротоначальник уважительно повернулся к Вере:

— Мы торопимся к пруду, чтобы там постирать. В жизни не видел столько белья для стирки. Думаю, после стирки мои когти станут такими чистыми, какими не были с детства.

Аббатиса Долина здорово выпачкалась в муке, подметая ее с пола. Брат Остролист попытался помочь ей, пробормотав:

— Извини, матушка Долина, это моя вина. Старые лапы начали дрожать. Позволь, я тут все вытру.

Фургль Отшельник приблизился с банкой, полной какой-то темной жидкости:

— Похоже, мой друг, к тебе тоже прикоснулась своей лапой лихорадка. Пойдем-ка, ты приляжешь.

Остролист все понял и погрузтел. Кротенок Друни, смотревший на него, слабо улыбнулся:

— Теперь сам узнаешь, каковы твои лекарства!

Труган принесла большую связку свежих трав и выложила на стол:

— Я принесла пустырник, паслен и листья щавеля. Далеконько же мне пришлось ходить за ними!

Тодд Иголка уселся на кровати и поискал лапой свою трость.

— Знаете, сегодня я чувствую себя значительно лучше. Возможно, смогу встать и немного помочь вам тут. — И он начал подниматься, но был тут же от-

правлен обратно своей женой, которая как раз проходила мимо с кувшином холодной воды:

— Если хочешь, дорогой, что-нибудь сделать, лучше полежи спокойно и не мешай другим. У меня полно работы и без того, чтобы присматривать за тобой.

Бреммун, укрытый до носа простынями, тихо проговорил:

— Я слаб, как сухой осенний лист. Интересно, найдут ли Труг и Думбл тот Ледяной Цветок?

За два часа до рассвета Хозяин Глубин возвратился! Первое, что услышали Мара и Пиккль, был крик дозорного, а затем наступил хаос. Спокойная поверхность озера вскипела, когда огромное существо вынырнуло на поверхность между двумя лодками. При этом лодка, в которой сидел Бочонек, перевернулась.

Крики и испуганные возгласы нарушили тишину, когда над водой появилась массивная голова и нависла над Марой с Пикклем. Это было какое-то зубастое доисторическое животное. Оно обдало друзей водопадом брызг и щелкнуло огромными челюстями. Закричав от страха,

Мара и Пиккль ударили по этой голове своими веслами. Нордо и Лог-а-Лог пришли им на помощь. Во все стороны полетели обломки весел. Противно зашипев, Хозяин Глубин высунул язык. Мара увидела нависшую над ней страшную пещеру его пасти.

Барсучиха изо всей силы стукнула острым обломком весла по языку, а Пиккль и другие колотили по широким челюстям. Чудовище отпрянуло и перенесло свое внимание на перевернувшуюся лодку и ее команду. Землеройки кричали от страха, барахтаясь в воде.

Мара с ужасом смотрела, как чешуйчатый удав схватил одного из утопающих гребцов своими челюстями. Двое других были жестоко изувечены ударами его массивного тела, прижавшего их к борту перевернутой лодки.

— Помоги, барсучиха! Помоги!

Бочонок, оказавшийся совершенно беспомощным со своими связанными лапами, барахтался в воде. Мара ухватила толстяка и втащила его на борт. Землеройки дрались рапирами. Они сгрудились на одном борту, угрожающе накренив лодку, и продолжали бить по гигантскому туловищу, которое скользило между лодками.

— Нордо, смотри! — Пиккль стремглав бросился к своему другу.

Налетев на него, он как раз вовремя оттолкнул того в сторону. Хвост чудовища мощно ударил в корпус лодки, прямо туда, где только что стоял Нордо, и выломал большой кусок дерева из борта.

Внезапно Хозяин Глубин исчез в таинственных глубинах озера, унеся с собой жизни троих членов команды. И вновь поверхность озера стала спокойной, как зеркало. Лог-а-Лог зацепил багром вторую лодку

и осторожно подтащил ее. Остальные помогли перевернуть ее и вытащить из воды оставшихся в живых землероек.

Пока Мара освобождала Бочонка от пут, Нордо подвел итог:

— Итак, мы потеряли троих землероек и провизию, которая находилась в перевернутой лодке.

Пиккль осматривал тех, кого вытащил из воды:

— Тяжелораненых нет, отделались синяками и ушибами. Мы еще повоюем!

Бочонок тяжело опустился на четвереньки и, взяв лапу Мары, положил себе на голову:

— Я прошу у тебя прощения, что плохо говорил о тебе, Мара. Я обязан тебе жизнью. С сегодняшнего дня я всегда буду на твоей стороне. Твои друзья будут моими друзьями, а твои враги — моими врагами.

Мара хмыкнула, чтобы скрыть смущение:

— Спасибо, Бочонок! Только больше не соревнуйся с Пикклем, а то, чего доброго, лопнешь.

Время шло, но до рассвета было еще далеко, а лодки продолжали бороздить поверхность великого озера.

Лог-а-Лог, Нордо и Бочонок изо всех сил работали веслами. Мара и Пиккль делили на порции пищу из заметно уменьшившихся припасов. И всю ночь землеройки тревожно вглядывались в молчаливые темные воды, страшась новой атаки Хозяина Глубин.

День занялся во всем своем великолепии, подняв настроение путешественников. Солнце прогнало туман над поверхностью озера. Лодки продолжали скользить над безмерной глубиной. Землеройки забросили небольшую сеть, наладили удочки и вскоре поймали несколько толстых форелей. Рыбу тут же почистили

и разложили на корме, чтобы проявлялась на солнце. Полдень был встречен криком вахтенного:

— Земля! Земля!

Лог-а-Лог вычерпывал воду из лодки, но тут же поднял голову и спросил:

— Где земля?

— Остров, прямо по курсу!

Мара приподнялась на цыпочки. На горизонте и впрямь виднелась темная полоса.

Лог-а-Лог хмуро посмотрел на воду, покрывающую дно лодки:

— Фиггль, Рангл, давайте сюда! Дело обстоит хуже, чем я думал. В корпусе трещина. Нам еще повезет, если мы достигнем земли в этом дырявом корыте. Надо живее работать веслами!

Мара взяла весло и двинулась на нос. Нордо, Пиккль и Бочонок присоединились к ней. Барсучиха принялась сильно грести, глубоко погружая весло в воду.

— Посмотрим, землеройки, из чего вы сделаны. Мы с Пикклем в море никогда не ходили, но могу поспорить, что можем грести не хуже вас!

Нордо улыбнулся ей:

— Слыхали, друзья? Покажем этим двоим, чего мы стоим на самом деле!

Весла заработали, и полилась песня:

— И-и-раз! И-и-раз!
Мы сыны семьи одной —
И-и-раз! И-и-раз!
Нам долбленки — дом родной.
И-и-раз! И-и-раз!
В Гуосиме тот в чести, —
И-и-раз! И-и-раз! —

Кто весь день готов грести.
И-и-раз! И-и-раз!
Родились мы у реки —
И-и-раз! И-и-раз!
Мы с рожденья моряки.
И-и-раз! И-и-раз!
Мы песемся по волнам —
И-и-раз! И-и-раз!
Не житье без весел нам!
И-и-раз! И-и-раз!
На воде мы искони —
И-и-раз! И-и-раз! —
Эй, поди-ка обгони!

Чтобы не отстать, команда другой лодки подхватила припев и начала грести сильнее. Вскоре плавание превратилось в настоящие гонки.

Толстяк Бочонок был весьма силен и всю работу вел веслом, громко посмеиваясь над Пикклем. Заяц наклонялся, как ванька-встанька, уши его разом то поднимались, то опадали при каждом взмахе весла, а сам он пел только что сочиненную песенку:

— Хи-хи-раз! Хи-хи-раз!
Саламандастрон — мой дом,
Хи-хи-раз! Хи-хи-раз!
Сила в зайце молодом!
Но чем день так целый гресть,
Предпочел бы я поесть.
Смейся, смейся, старина,
Чтоб не треснула спина.
Хи-хи-раз! Хи-хи-раз!
Мы сейчас обгоним вас!

Весь день лодки шли наперегонки, иногда нос к носу, но чаще лодка Мары шла впереди, в основном

благодаря силе барсучихи. Но чем быстрее шла поврежденная лодка, тем быстрее в трещину набиралась вода. Лог-а-Лог и остальные работали не покладая лап, пытаясь справиться с течью.

К вечеру остров заметно приблизился. На красном небе отчетливо вырисовывался его силуэт. Все еще боявшиеся нападения Хозяина Глубин, землеройки яростно работали веслами, стремясь поскорее выбраться на берег.

Лодка Лог-а-Лога низко сидела в воде, и Пиккль подбадривал команду бодрими криками:

— Слышь, ребятаки, стыдно так плохо грести. Приналягте, друзья! Подумайте о том, что скоро ступите на твердую землю!

Вода уже подступила к краю борта, когда лодка ткнулась в каменистый берег. Лог-а-Лог прыгнул на землю:

— Все на берег! Мы вытащим лодку на берег и попробуем починить ее.

К тому времени, когда они закончили ремонт лодки, уже стемнело. Обе команды растянулись прямо на земле, отдыхая после нелегкого дня. Развели костер и на скорую руку приготовили ужин. Мара и Пиккль легли у самого костра рядом с Нордо и Лог-а-Логом. Предводитель Гуосима привалился спиной к утесу, который возвышался за ним.

— Утром я поищу сосновой смолы и глины, чтобы промазать лодку. Нордо, возьми свою команду и ступай на поиски припасов. Не заходите далеко! Мара, мне не нужно напоминать тебе и Пикклю о том, что от вас требуется...

Заяц заговорил с набитым ртом:

— Заметано, старина. Мы пойдем на поиски твоего привидения. Если честно, даже не знаю, что хуже —

то ли быть съеденным Чудищем Глубин, то ли по-
пасть в лапы к привидению.

Бочонок улегся подле Мары, как верная собака:

— Куда вы, туда и я. Завтра буду прикрывать вас
сзади. Можете на меня положиться.

Лагерь затих, в костре тлели догорающие сучья.
Тысячи звезд окружали луну в ночном небе, отража-
ясь в темной спокойной воде.

Вскоре после полуночи лагерь был разбужен гром-
ким криком, который разнесся над утесами и озером,
подобно некой погребальной песне:

— Ы-ы-ы-ы! Йо-о-о-о! Ла-а-а-ай! Ли-и-и-и! А-а-а-а!

Даннее утро бросило свой свет на древесные кроны дальней юго-западной стороны Страны Цветущих Мхов. Веточка подергал тетиву, завязанную вокруг шеи крысы:

— Шевелись, бродяга. Пора отправляться за твоим лисом. И имей в виду, если начнешь вилять, я тут же напущу на тебя Арулу.

Едва они тронулись в путь, Самким чуть было не разразился хохотом, потому что кроти-ха зашептала на ухо дрожащей крысе:

— Сначала я отрежу тебе хвост и пришью его к твоему носу, а потом напущу на тебя муравьев, чтобы они сплясали у тебя в ухе!

Убежденная в том, что Арула и впрямь сумасшедшая, крыса вела их верным путем. И время от времени друзья в этом убеждались. Веточка находил доказательства того, что здесь проходили пять крыс и Детбраш.

После полудня прошло не так уж много времени, когда крыса подвела их к холмистому взгорью среди леса. Самким держал конец тетивы, идя рядом с крысой. Достигнув вершины холма, бельчонок резко дернул за тетиву.

— Ложись на землю и молчи! — скомандовал он крысе.

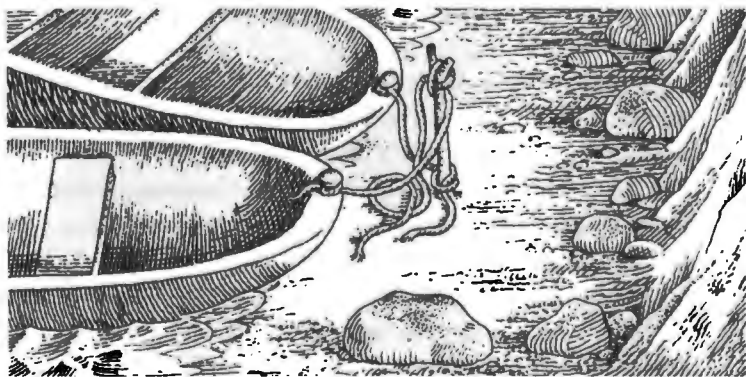
Арула и Веточка упали ничком рядом с бельчком.

— Что случилось, Самким? — спросила Арула.

— Великий Южный Поток, — прошептал Веточка. Бельчонок принялся нюхать воздух:

— Я чую запах костра и слышу голоса внизу.

Под прикрытием деревьев друзья поползли вниз по склону. Арула вытащила нож, который унесла с собой из аббатства, а заряженную пращу отдала Веточке.

Самким был вооружен луком без тетивы, который бельчонок собирался использовать в качестве дубинки. Теперь они подобрались настолько близко, что могли слышать голоса, хотя слов разобрать было еще нельзя. Веточка вместе с крысой укрылся в зарослях тиса. Выглянув между низко растущими ветками, он увидел незнакомцев, громко споривших между собой.

У ежа вырвался вздох облегчения:

— Это землеройки!

Землеройки, устроившиеся на берегу, повернулись на звук голоса Веточки. Никто ахнуть не успел, как одна из них метнула рапиру и попала крысе прямо в сердце.

Сообразив, что произошло, Веточка стукнул землеройку по голове пращой и заорал во всю мочь:

— Глупый убийца! Разве ты не видел, что крыса связана?

Самким и Арула поравнялись с Веточкой. Их окружили землеройки, державшие в лапах кто длинную рапиру, кто тяжелое весло, крича:

— Они из банды лиса. Убить их!

Самким вскинул голову и издал боевой клич:

— Рэ-э-а-дво-о-олл!

Землеройки на мгновение замерли, удивленные криком. Толстый старик, давно уже поседевший, направился через толпу к пришельцам, постукивая перед собой сучковатым посохом:

— Разойдитесь, дайте мне пройти!

Один из гребцов, который только что схлопотал затрещину от Веточки, потер загривок и жалобно застонал:

— Тогда убейте хоть ежа!

Старик наставил свой посох на хныкающего:

— Еще одно слово, Ракла, и я сам отлуплю тебя. Опустите оружие!

Недовольно ворча, землеройки повиновались, и старик обратился к Самкиму:

— Меня зовут Алфох Старший. Мы — колония землероек Гуосима. Мы гордимся тем, что наиболее цивилизованы и разумны среди землероек. Вот почему мы называем себя не племенем, а группой. Кое-кто из нас все-таки отличается горячей головой и торопливым языком, как, например, Ракла. Но, думаю, его не следует винить после того, что произошло с нами прошлой ночью. Рано утром нас атаковали лис и пять крыс. Они украли лучшую лодку и убили четырех наших товарищей. В том числе брата Раклы, поэтому он и убил крысу, не размышляя. Давайте сядем поужинаем, а потом вы расскажете мне вторую половину этой истории.

На лес опустились сумерки. Сидя в большой пещере на берегу реки, друзья рассказали о своих приключениях, а землеройки внимательно их слушали.

Когда друзья закончили свое повествование, Алфох откинулся назад в своем глубоком кресле и кивнул:

— Я видел ваш меч. Это превосходное оружие, я полагаю, из сокровищницы барсуков. Что ж, друзья, если лис хороший навигатор, то ему удастся спуститься к морю, если же он не бывал в этих водах прежде, то он погибнет.

Самким сцепил лапы на туго набитом животике:

— Ты полагаешь, мы догоним его?

— Как знать. Он может пойти к морю или к озеру, а может в горы. На этих трех путях мы в силах его выследить. Но есть еще один путь — под горами. Однако мало кто отважится пойти этим путем.

— Почему же? — спросила Арула.

— Потому что там опасные пороги, гигантские водопады и пещеры. Кроме того, никто не знает, что ждет его по другую сторону гор. Завтра мы возьмем три лодки и пойдем все вместе. А теперь давайте поспим. Нас ждет трудный день.

Легкий ветерок с моря играл пламенем костра среди скал на берегу у Саламандастрона. Клитч и Фераго пристально смотрели друг на друга при мигающем свете. Они снова спорили. Клитч кое в чем оказался прав, и теперь его голубые глаза насмешливо смотрели на то, как злятся отец.

— Ага, и что ты знаешь? — Фераго сплюнул в пламя. — Я водил в бой это войско, когда ты еще не родился. Тебе никогда не узнать так военное дело, ублюдок!

Молодой горностай усмехнулся, довольный тем, что ему удалось задеть старшего:

— Для этого есть только один путь, старик. Передай командование мне. По крайней мере я не напортачу больше, чем ты.

В глазах Фераго блеснул гнев.

— Я напортачил? В чем же? Я сжег весь их урожай, отравил все припасы в крепости. И если они там еще не умерли, мы войдем внутрь потайным ходом.

— Потайным ходом? — Клитч беззаботно рассмеялся. — Иногда ты забавляешь меня. Ты понимаешь, какая огромная эта гора? У бабочки больше шансов свалить дуб, чем у нас пробраться внутрь. Когда ты рассчитываешь оказаться там? На следующей неделе, через месяц или через год?

— Пойдем, я покажу тебе.

Саперы Фераго уже значительно углубились в гору, но уверенность Фераго сильно поколебалась бы, знай он, что ждет его в Саламандастроне, ибо зайцы не дремали.

Барт Чертополох, криво усмехаясь, оперся на копье:

— Ну, мои уши меня не подводят! Голубоглазый негодяй! Кто бы мог подумать, что он отыщет старый кухонный лаз! Его завалили, когда я был еще подростком.

Бычеглаз поднял тяжелое копье:

— Хорошо, что ты слышишь эти звуки, приятель. Что скажешь, если мы начнем копать с этого конца, чтобы чуть помочь этим проходимцам?

Сапвуд подумал, затем покачал головой:

— Лично я против. И владыка не даст на это разрешения. К утру они сами справятся. Денежка, подежурь здесь.

— Отлично, сержант. А то я прямо жду не дожусь, когда они ворвутся сюда.

Песьеголов и Мокронос работали как сумасшедшие. Они углубились в землю на длину двух копий. Солдаты прорубали узкий лаз, передавая назад булыжники и корзины, заполненные мелкими камнями. Снаружи при лунном свете остальные убрали камни в сторону. Песьеголов и Мокронос трудились наравне с остальными, расчищая заваленный кухонный проход.

— Пошевеливайся, приятель. Надо успеть!

Черноглаз прополз в туннель и подергал их за хвосты:

— Эй, выбирайтесь наружу! Хозяин и Клитч хотят вас видеть.

Они выбрались из туннеля, поцарапанные и покрытые грязью. Убийца и его сын ждали на берегу. Фераго небрежно отмахнулся от их приветствия, торопясь приступить к делу:

— Ну, как идут дела?

Песьеголов вытер грязь со лба:

— Там сплошной камень. Мы углубились на два копия. Скоро мы закончим.

Фераго насмешливо улыбнулся, его сверкающие глаза уставились на Клитча:

— Как будто неплохо, а?

Клитч улыбнулся в ответ:

— Но откуда ты узнал про туннель в этом месте?

Фераго набрал в лапу горсть песка и поднес его к носу сына:

— Кухонные отбросы, ореховые скорлупки, черепки — вот как! Когда я пришел сюда, я сразу увидел,

что камни сложены здесь не природой, а чьими-то лапами. И как видишь, оказался прав, умник. Ты и сейчас считаешь, что старик выжил из ума?

— Как мудро ты, отец, поступил, найдя этот ход. — В извиняющемся голосе Клитча звучало подчеркнутое уважение. — А теперь ты собираешься проторчать здесь всю ночь, поглаживая себя по животу, или все-таки займешься Саламандастроном?

Глаза Фераго смеялись, его голос был по-прежнему ровным:

— Рванохвост! Взять этого высокомерного щенка! И чтобы глаз с него не спускали, пока его отец проделает всю работу воина. Клитч недостаточно опытен для этого.

Оставив своего разгневанного сына под охраной двух солдат, Фераго вынул кинжал и рявкнул новый приказ:

— Песьеголов, Мокронос, возьмите факел. В туннеле молчать...

Мерцающий свет факела бросал зловещие пляшущие тени позади Фераго и двух его подручных. Когда они прибыли к концу туннеля, Мокронос положил лапу на большой валун:

— Остался только этот камень. Еще немного — и мы в горе, хозяин!

Фераго вынул кинжал из ножен и выхватил факел из лап Мокроноса:

— Прочь с дороги, я покажу вам, как надо работать!

Мускулы, как жгуты, заходили на худощавом теле Фераго, когда он навалился на валун. Тот сдвинулся с места. Фераго изо всей силы стукнул по нему копьём и расколол пополам.

— Уберите его с дороги. Пошевеливайтесь!

Он работал наравне с остальными, голыми лапами хватаясь за камни, расшатывая их кинжалом или копьем. Легко откатив в сторону еще несколько камней, с которыми не справились бы и трое его солдат, Фераго резко остановился. Лизнув конец кинжала, он прошептал Песьеголову:

— Мы дошли! Чувствуешь холодный воздух, это воздух Саламандастрона. Отодвинь на минуту факел, с той стороны кто-то стоит спиной к входу. Кем бы он ни был, я схвачу его и быстро втащу сюда, а уж ваше с Мокроносом дело расправиться с ним. Затем мы ворвемся внутрь. А теперь тихо.

Зажав кинжал в зубах, Фераго пополз вперед, его наглые глаза засверкали радостью, когда он заметил ничем не защищенную спину часового. Фераго схватил его за горло и всадил кинжал между ребер. Затем он швырнул тело своим подручным:

— Прикончите его — и за мной!

Песьеголов рванулся вперед, в одной лапе копье, в другой — пылающий факел. И вдруг он закричал. Фераго обернулся, бросил короткий взгляд, завопил от ужаса и рванулся назад, на открытый воздух. На полу туннеля лежало тело Фаррана Отравителя, пасть его была широко распахнута, в нее была засунута сумка с ядами, как это велел сделать Урт Полосатый. Так поступил барсук с тем, кто отравил двух его товарищей.

Отравленная питьевая вода стояла прямо перед дырой, которую проделал Фераго, — налитая в котлы и кипящая. Барсук ткнул котлы своим копьем и опрокинул их в сторону прорытого туннеля, резко крикнув:

— Эулалиаааа!

Головорезы в панике выбирались из туннеля в тщетной надежде спастись от кипящего потока. Копья, мечи, пики и другое оружие мешало им спастись, в то время как дышащий паром поток настигал их. Крики потонули в гуле воды. Ошпаренные кипятком тела неслись к узкому входу и были вышвырнуты водой на песок.

Лунная Лапка, Светлячок, Сережка, Чертополох и Морская Трава взобрались на Саламандастрон с восточной стороны. Через незаблокированное окно они передали Сапвуду мешки с одуванчиками, яблоками, ягодами и съедобными корешками. Морская Трава и Чертополох пролезли последними:

— Поосторожнее с этими двумя мешками. Здесь шесть бутылей пресной воды, Сап.

Сапвуд хмыкнул и похлопал их по спинам:

— Спасибо, ребята. Где вы набрали все это?

Чертополох подтолкнул его локтем и усмехнулся:

— Негоже задавать такие вопросы солдатам Дозорного Отряда. Тебе что, никогда не приходилось бороться за жизнь в долгом походе.

Сапвуд начал снова заделывать дыру.

Задняя лапа, бок и почти вся спина Фераго были обварены до мяса. Он лежал на камне, закусив рукоять кинжала, чтобы не закричать. Гнилоух прикладывал к ранам хозяина мокрую тряпку, отскакивая в сторону каждый раз, когда горностай морщился.

— Морская вода — это все, что у нас есть, хозяин. Она жжется, но и лечит. Мы всегда лечим ею раненых.

Клитч наслаждался этим зрелищем, как мог:

— Надо же, какой гадкий барсук, о правитель говорецов и покоритель юго-западной страны. Теперь ты, надеюсь, не возражаешь предоставить все дело моллодому Клитчу. Временно я беру дело в свои лапы.

Фераго в выгнул спину, когда на нее полилась морская вода. Пот выступил на лбу и на носу, горностаи сжал лапой рукоять кинжала:

— И какой же у тебя план, лягушонок?

Клитч отцепил один из кинжалов с пояса отца и принялся постукивать его концом по зубам.

— План? Еще не уверен, но, по крайней мере, он не предусматривает гибели тридцати солдат от кипящей воды. Впрочем, ты не напрягай свою седую голову, я что-нибудь придумаю.

— Ты принесешь мне голову этого барсука, или я...— Фераго попытался приподняться, но застонал от боли.

— Что ты? — Клитч погладил отца по спине, но не слишком мягко. — Ты вообще ничего не можешь сделать. Дай мне время до полуночи, и я докажу нашим парням, что ими давно командует совсем не тот горностаи.

Лис Форгрин опустошил на камни свою пращную сумку за спиной своего друга крысы Рванохвоста:

— Смотри, приятель, тут рачки и моллюски. Все лучше, чем черствая корка.

Рванохвост открыл моллюска камнем и жадно высосал содержимое.

— А ты не мог найти рыбы?

Форгрин тем временем жевал рачка.

— Ешь и благодари свою счастливую звезду, что мы еще живы. Хорошо, что мы оказались у самого входа в туннель, а то лежали бы сейчас обваренные.

— Это был идиотский план! Мигро сказал, что сейчас верх взял Клитч.

Лис сплюнул на камень и начал точить меч.

— Между нами, я думаю, что для Фераго час пробил.

Рванохвост почесал нос и уставился на лиса:

— Час пробил?

— Ага, дружище. Он валяется на земле тяжело раненный. Самое время полоснуть его ножом по горлу.

Рванохвост поковырял в зубах грязной лапой, размышляя над сказанным:

— Угу, может, ты и прав. Фераго не может отдавать приказы, вот что точняк. Скажем, когда стемнеет и он заснет...

Форгрин проверил лапой остроту своего меча:

— Сегодня он у нас заснет крепко.

**ЖИВЫЕ
И МЕРТВЫЕ**

**КНИГА
ТРЕТЬЯ**

Друг и Думбл прибыли на гору королевства Маккогтя. Они оба стояли, дрожа, среди высоких утесов, не в состоянии осознать окружающую красоту.

Маккоготь широко раскинул крылья. Заходящее солнце окрасило снег и лед в красивые розовые тона.

— Малыш, твои пер-р-рья пор-р-розовели, — заметил Маккоготь.

Думбл расставил пошире лапки и погладил себя по округлившемуся животу:

— У меня совсем нет перьев.

— Ах, нет пер-р-рьев. Значит, ты не хочешь быть соколом? — Маккоготь мягко погладил ма-

лыша своим огромным крылом, чуть не опрокинув его наземь.

Мышонок перебрался поближе к мешку Труга, подальше от опасных крыльев.

— Лучше быть Думблом.

Маккоготь захохотал:

— Ладно, как знаешь! — И он обернулся к Тругу, который стоял, поджимая поочередно то одну, то другую лапу, чтобы не замерзнуть: — Итак, пр-р-риятель, ты пр-р-ришел сюда за Ледяным Цветком?

Труг закинул мешок себе за спину:

— Да, именно за ним. Ты мне только скажи, где он растет, и я мигом нарву охапку.

— Ну не наглый ли ты? — Маккоготь погладил перья у себя на шее. — Он их нар-р-рвет, видите ли! Да ты знаешь, что этот цветок р-р-растет только в кор-р-ролевстве Макстр-р-раха. И еще ни одна птица, ни один звер-р-рь туда не заходили. Этот ор-р-рел непр-р-редсказуем. Мне бы и в голову не пр-р-ришло что-нибудь пр-р-росить у него. Но если ты совсем выжил из ума и попытаешься, то я могу отнести тебя туда завтр-р-ра. Только взбир-р-раться на гор-р-ру тебе пр-р-ридется самому, поскольку кр-р-рыльев у тебя все-таки нет.

Рокангус показал Думблу и Тругу маленькую пещеру среди камней, где им предстояло провести ночь. В углу лежала куча вереска, но все-таки было ужасно холодно. Труг, достав кресало из мешка, развел небольшой костер. Рокангус боялся пламени, но вид Думбла, сидящего прямо перед огнем, заставил молодого сокола присоединиться к маленькой компании, и вскоре он уже сидел между Тругом и Думблом, наслаждаясь теплом. Рокангус дал несколько советов:

— Отец говор-р-рит, что завтр-р-ра вы собир-р-раетесь к Дикому Кор-р-ролю. Стар-р-рый Макстр-р-рах — гигант. Следите за своими манер-р-рами, обр-р-рачайтесь к нему только «Ваше Кор-р-ролевское Величество». Он может пр-р-роглотить любого, кто ему не понр-р-равится.

Труг подбросил несколько приятно пахнущих веток в костер:

— Послушай, Рокангус. Я должен принести в Рэдволл Ледяной Цветок, и если для этого мне нужно притвориться, что я испугался старой птицы, то я, так и быть, притворюсь.

— Ты вызываешь мое восхищение, Тр-р-руг, поскольку я знаю, что на самом деле ты никого не боишься. Но имей в виду, я дал тебе хор-р-роший совет. А твою пр-р-ращу лучше оставить здесь. Вот что я хотел сказать тебе, Тр-р-руг. Удачи тебе.

Рассвет в горах представляет собой своеобразное зрелище. Труг даже вздрогнул, глянув в бесконечную белизну. Тучи повисли на пиках гор, окутав всю округу подобием хлопкового кокона.

Надежно упрятав Думбла в почти пустой мешок, Труг принялся утешать малыша:

— Сиди там тихо. Тебе там будет тепло и хорошо.

Появился Маккоготь и принялся кружить перед входом в пещеру:

— Добр-р-рого тебе ут-р-р-ра, Тр-р-руг. Ты готов? Труг передал пращу Рокангусу:

— Всегда готов.

Рокангус помахал на прощание здоровым крылом, следя за исчезающими в тумане друзьями.

Это было опасное путешествие. Скользя вниз по ледяным долинам и поднимаясь по заснеженным склонам, хватаясь за острые замерзшие камни, Труг продвигался вперед, стараясь не терять из виду Маккогтя. Вслепую борясь со снегом, льдом и белыми облаками, Труг часто оступался и падал, но всякий раз поднимался и, сжав зубы, смахивал пот со лба. К тому же он ухитрялся все время помнить о мышонке, который сидел в мешке, притороченном за плечами. Труг потерял всякое представление о времени и пространстве, пока по-собачьи полз вперед и вверх. И именно в тот момент, когда он подумал, что больше не в состоянии сделать ни шагу, Маккоготь крикнул ему сквозь туман:

— Отлично, пр-р-иятель! Ты в замке кор-р-роля Макстр-р-раха. Я подожду тебя здесь. Остальное зависит от тебя, Тр-р-руг. Желаю удачи!

Подняв глаза, Труг увидел гнездо. Оно расположилось на вершине самой высокой из скал и было построено из веток вереска. Гнездо казалось мертвым, и единственное, что виделось живым между прутьями, был горевший, подобно маленькой звезде, Ледяной Цветок. Его бледно-голубые лепестки были почти невидимы среди снега, загадочные и прекрасные в своем горном одиночестве.

Труг дружеским тоном произнес:

— Здравствуйте, Ваше Величество. Это я, Труг из аббатства Рэдволл. Я пришел вас навестить.

Раздался хруст веток и вереска, гнездо слегка дрогнуло, и оттуда показался сам Макстрах.

От одного его вида у Труга перехватило дыхание. К такому он не был готов. Снег сдуло с его головы, когда одним взмахом огромных крыльев Макстрах приземлился рядом с ним. Это надо было видеть! Над

Тругом склонился колоссальный золотистый орел, две массивные лапы с оранжевыми когтями зарылись глубоко в снег. Каждая из этих лап была толщиной с тело выдры, орел стоял опираясь на них, будто на два дубовых ствола. За его спиной громко зашумели крылья, когда орел надумал сложить их. Голова склонилась к Тругу, более светлые перья, окружавшие дикие глаза, загорелись хищным огнем.

Макстрах открыл свой изогнутый янтарный клюв, напоминавший кривую саблю:

— Я не люблю, когда приходят и нарушают мой покой. Ступай прочь и спрячься. А то я съем тебя.

Труг с трудом сглотнул и выпрямился:

— Ваше Величество, я пришел сюда не для того, чтобы нанести вам оскорбление. Я пришел за Ледяным Цветком. Он нужен моим друзьям в аббатстве Рэдволл, так как они тяжело заболели.

Орел оглушительно щелкнул клювом:

— Я слышал об этом. Маккоготь прилетал и рассказал мне все. А выглядишь ты довольно вкусно, Труг из Рэдволла. Но скажи, почему Макстрах должен дать тебе цветок?

Труг смело сделал шаг вперед и повысил голос:

— Потому что, Ваше Величество, мои друзья могут погибнуть, если они не получают лекарства, сделанного из вашего цветка. Вы же не хотите смерти честных зверей из Рэдволла, правда, Ваше Величество?

Одобрительная усмешка промелькнула в глазах Дикого Короля.

— Мне нет никакого дела до тех, кто не живет в моих горах. А теперь скажи мне вот что, Труг из Рэдволла, что ты сделаешь, если я откажу тебе? Отвечай прямо, водяная собака!

Труг снял с плеч мешок. Аккуратно положив его на снег, он холодно посмотрел в глаза королю:

— Простите меня, Ваше Величество, но тогда я буду драться с вами из-за этого цветка. Жизнь моих друзей в аббатстве значит для меня все, Ваше Величество.

Смех золотого орла потряс вершины. Макстрах взлетел, опрокинув Труга поднявшимся ветром, и закружил над гнездом. Так же неожиданно, как взлетел, Дикий Король приземлился. Он сел на снег рядом с Тругом и, склонив набок голову, уставился на него одним глазом:

— Ты хочешь сразиться со мной? Ладно, ты храбр, и скажу тебе прямо, Труг из Рэдволла. Имей в виду, немногие из живых слышали такие слова от Макстраха. Твои друзья могут гордиться тобой, славный во-
дяной пес!

Выбравшийся тем временем из мешка Думбл принялся храбро сражаться с лапой орла, по крайней мере с одним из когтей:

— Лучше не сражайся с Тругом, а то Думбл упадет на тебя!

Страшным когтем орел зацепил мышонка за курточку и, приподняв, поднес к глазам:

— Это еще что такое? В жизни так никого не боялся! Ты случайно не убьешь меня, мышонок?

Думбл сжал кулачки:

— Думбл непременно убьет тебя, если ты обидишь Труга!

Макстрах осторожно поставил малыша подле Труга.

— Не знаю, что вы там едите в своем Рэдволле, но эта еда определенно вселяет в вас храбрость. Думаю, лучше дать вам Ледяной Цветок, пока вы меня не растерзали! — Орел распростер крылья и захохотал над своей шуткой.

И-и... У-у... Лаа... Лии... Аааа!
Снова громкий клич донесся из самых глубин заросшего лесом острова и пролетел над головами. Землеройки распахнули глаза и задрожали от страха.

Мара схватилась за весло:

— Что бы это ни было, пусть лучше держится подальше, а то размозжу ему голову этим веслом. Неважно, барсук или кто там еще!

Нордо подбросил валежник в костер. Тот ярко вспыхнул, осветив темную летнюю ночь. В его свете Мара оглядела испуганных землероек, даже Лог-а-Лог, казалось, смутился кри-

ком неведомого зверя. Барсучиха понимала, что они близки к панике, и постаралась развеять страх:

— Это старый трюк, чтобы заставить нас проснуться. У нас в Саламандастроне Урт Полосатый всегда так делает, когда зайцы заспятся. Правда же, Пиккль? — И она подтолкнула локтем зайца. Тот даже подпрыгнул:

— Конечно! Слышь, старина Чертополох вскакивает и прямо в ночной рубашке бежит строиться. Таким криком нас с Марой не испугаешь, мы привычные.

Постепенно все успокоились.

Лог-а-Лог разбудил их, когда принялся подбрасывать валежник в костер. Рассвело часа три назад.

— Вставайте, ребята! — ворчал он. — Вы же не собираетесь проспать весь день?

Лог-а-Лог отправился с Нордо и фуражирами, сказав, что пойдет искать материал для ремонта лодок, а заодно посмотрит, что на этом острове есть съестного. Шесть землероек остались на берегу следить за костром и стеречь лодки.

Чтобы не пугать остальных, Мара и Пиккль тщательно избегали всякого упоминания о своей задаче. Вооружившись рапирами и пращей, в сопровождении Бочонка, как он и обещал, они взобрались на утес и отправились в глубь острова, предоставив землеройкам заниматься своими делами.

Остров густо зарос лесом. Солнечные лучи едва пробивались сквозь листья берез, вязов, дубов и кедров, бросая пятна света на лесные цветы. Пиккль нашел вишневое деревце, полное ягод, и они уселись под ним, жуя спелые вишни. Яблоки и груши тоже росли тут в изобилии.

Пиккль подбросил вишневую косточку в воздух:

— Слышь, а здесь славно. Прямо рай. Смотрите, вон растут каштан и фундук. Клянусь своими ушами, если здесь и живет привидение, то оно вряд ли голодает. Эй, Мара, поосторожнее с косточками!

— Что ты там бормочешь?

— Бормочу? Я вовсе не бормочу, старушка. Прекрати стрелять в меня косточками!

Мара указала на кучку косточек рядом с собой:

— Я не стреляла в тебя косточками, все здесь, видишь?

— Значит, это ты, Бочонок. Сейчас я стрельну тебе прямо в нос!

Бочонок был вовсе не склонен к шуткам:

— Я не стрелял в тебя косточками.

— Тогда кто же? Ой, опять!

Мара глянула вверх и увидела, как между кронами деревьев мелькнуло что-то серое.

— Ага! Вон кто это! Он побежал туда!

Пробираясь между тесно растущими деревьями, друзья погнались за неясно видимой фигурой, но это было безнадежно. Беглец легко оставил их позади. Друзья остановились на небольшой полянке, задыхаясь от быстрого бега. Озерцо с кристально чистой водой позволило им освежиться.

Напившись, Пиккль внимательно оглядел верхушки деревьев, отражавшиеся в светлой воде. Наклонившись к Маре, он прошептал:

— Он сзади. Кто-то большой смотрит на нас из-за той березы.

Мара наклонилась пониже к воде и, сложив лапы лодочкой, продолжала пить.

— Теперь вижу. Не обращай внимания. Все сделает его собственное любопытство. Смотри, он приближается.

Передвигаясь небольшими прыжками, кто-то осторожно спускался по стволу березы. Бочонок следил за отражением в воде вместе с Марой и Пикклем.

— Что ты предлагаешь делать, Мара? Он уже на траве.

Мара бросила короткий взгляд через плечо.

— Это белка! — зашептала барсучиха. — Когда я подам знак, надо быстро рассредоточиться, отрезав ей путь к деревьям. Пиккль, ты самый быстрый из нас, заходи сзади. Бочонок зайдет слева, а я справа. Тогда останется путь только к озеру. Готовы? Пошли!

План удался превосходно. Они окружили белку, и той пришлось отступить к озеру. Это была бельчиха, тоненькая и изящная. В ее поседевшем меху угадывались следы некогда красноватого отлива. Она застыла спиной к воде, обнажив беззубый рот. Мара в знак мирных намерений протянула к ней лапы:

— Я — Мара, это — Пиккль и Бочонок. Мы не причиним тебе зла. Почему ты стреляла в нас вишневыми косточками? Я было подумала, что кто-то балует, но это не так... Ты удивила меня своим детским поведением.

Пожилая бельчиха ничего не ответила. Она поглядывала из стороны в сторону, ища возможности удирать. Но спасения не было.

Пиккль подошел поближе, размахивая лапами:

— Как бы тебе самой понравилось, если бы я начал пуляться косточками?

Вдруг белка пронзительно крикнула:

— Э-э-у-ла-а-ли-и-и-а-а!

Пиккль неодобрительно покачал головой:

— И это все, что ты можешь сказать в свое оправдание?

В лесу за их спинами раздался громкий шорох. Прежде чем заговорить, белка удовлетворенно кивнула:

— Вы еще пожалеете, что явились на наш остров, потому что не я, а вы теперь окружены.

Треск валежника заставил друзей оглянуться. Из лесу к ним приближались два барсука: самка, такая же старая как белка, и огромный барсук, белый как снег, в лапах он держал огромную дубину. Едва появившись на поляне, они заревели:

— Э-у-у-ла-а-ли-и-а-а-а!

Пиккль и Бочонок замерли и от удивления открыли рты, но Мара выступила вперед. В одной лапе зажав крохотную рапиру, в другой держа пращу. Огонь битвы зажегся в ее глазах.

— Я — Мара из Саламандастрона! Прочь с моей дороги, бабушка! А ты, беляк, если подойдешь хоть на шаг ближе, я убью тебя!

По белому барсуку было видно, что он готов броситься в бой, но тут Мара заметила, что бешенство внезапно ушло из его глаз и лапы его задрожали. Барсук стоял в нерешительности.

— Что ты стоишь, Урт Белый? — сердито подтолкнула его вперед старая барсучиха. — Раздави ее!

Мара шагнула вперед, мех на ее загривке топорщился, клыки обнажились.

— Раздави меня, Урт Белый! Выглядишь ты замечательно! Посмотрим, так ли хорошо ты дерешься!

Пиккль и Бочонок оказались в стороне. Тем не менее Пиккль, как и Мара, заметил некоторую нерешительность белого барсука. При всех своих огромных размерах и силе, он явно не торопился вступать в схватку. Заяц решил подбодрить свою подругу:

— Следи за ним, Мара. Вспомни, что говорил сержант Сапвуд: ударь и сразу отступай. Не лезь в рукопашную. Он слишком большой!

— Чему мы учили тебя, Урт Белый? — сердито проворчала старая белка. — Убей ее! Глинушка, ударька его сзади покрепче, тогда он расшевелится!

Когда Мара подошла еще ближе, Глинушка крепко стукнула барсука по спине:

— Вперед, лентяй! Дерись!

Белый барсук двинулся на Мару и, обхватив ее лапами, легко оторвал от земли. Маре казалось, что она попала в тиски. Пиккль судорожно сжал зубы и выстрелил из пращи в лапу огромного барсука.

— Хватит, великанище! Сию же минуту поставь ее на землю!

Это сработало как заклинание. Барсук выронил Мару и запрыгал на одной лапе, потирая ушибленное место. Нижняя губа его обиженно вытянулась, когда он заговорил:

— Я не великанище! И вообще, почему они заставляют меня драться?

Белка подбежала, ворча:

— Кто вас звал на наш остров? Уходите отсюда подобру-поздорову!

Старая барсучиха подошла к Маре, потрепала ее по загривку и, пока Мара восстанавливала дыхание, гладила ее по спине. Глинушка выглядела по-матерински озабоченной и внимательной.

— Полежи, Мара. Перевернись на спину и дыши глубже. У тебя все цело. Ясеника, я не думаю, что эти звери могут причинить нам вред.

— А зачем они окружили меня и хотели взять в плен? — Белка упрямо скрестила лапы на груди.

Пиккль шутливо махнул лапой:

— Не обижайся на нас, старушка. Ты первая начала пулять вишневыми косточками.

Урт Белый дернул белку за хвост и проговорил тоном обиженного ребенка:

— Я пить хочу. Можно, я попью воды?

— Пей на на здоровье, только не выпей все озеро.

Все уселись на берегу, пока барсук шумно припал к воде. Глинушка покачала головой:

— Посмотрите на него, и это сын одного из величайших барсуков-воинов. Но это не только его вина.

Урт Белый поднял голову от воды:

— Я голоден. Давно пора обедать, Ясеника!

Белка сильно дернула его за ухо:

— И когда ты только наешься, обжора! — И она повернулась к трем друзьям: — Полагаю, вы тоже проголодались? Не хотите ли пообедать?

Пиккль изящно поклонился:

— Покорми нас, о прекраснейшая из белок, и мы твои навеки.

— С тобой, долговязый, все ясно. — Ясеника легонько потрепала его по ушам. — Я вижу, тебя прокормить труднее, чем целую армию.

Глинушка встала и позвала всех за собой:

— Следуйте за мной. Только нужно пошевеливаться. Когда нас позвала Ясеника, я как раз поставила в духовку грибную запеканку. Надеюсь, она не сгорела.

Барсуки и белка жили неподалеку от озера в красивой пещере. Мара была восхищена. Пещера оказалась большой и хорошо проветривалась. В камне были вырублены два высоких окна. Пол устилали шерстяные циновки, а из старых пней были вырезаны несколько стульев, покрытых берестой. В углу размещался камин

с духовкой. В центре пещеры стоял каменный стол, на котором красовались вазы с фруктами.

При входе был умывальник, и друзья вымыли лапы, после чего уселись за стол. Ясеника и Глинушка ели медленно, призывая молодежь не стесняться. Впрочем, те в этом совсем не нуждались. Мара ела умеренно, но Пиккль, Бочонок и Урт Белый уплетали так, что за ушами трещало. Казалось, они голодали дней десять.

За обедом Мара заметила черный камень на длинном кожаном шнуре, который висел над камином. Она подтолкнула локтем Бочонка:

— Это и есть знаменитый Черный Камень Лог-а-Лога?

Бочонок встал из-за стола. Подойдя к камину, он прикоснулся к камню и почтительно склонил голову:

— Черный Камень Землероек Великого Южного Потока.

Урт Белый откинулся назад и потянулся за камнем. Сняв его с гвоздя, он принялся раскачивать его в лапах, улыбаясь:

— Я снял его с землеройки, которая много лет назад попала на наш остров. Маленький дикарь удрал от меня как ошпаренный. Он, должно быть, подумал, что я привидение. Ха-ха, так думают многие, кто меня видит. Раньше я часто играл с этим камнем, он выглядит как древняя реликвия. Ты, Мара, можешь взять его, если хочешь. — И Урт передал барсучихе камень, заметив ее радостную улыбку.

Мара приняла камень и обмотала шнурок вокруг своей лапы:

— Большое тебе спасибо, Урт Белый. Этот камень значит очень много для племени землероек и особенно для отца того малыша, у которого ты его взял.

Глинушка передала Пиккю большой кусок запеканки:

— Так вот зачем сюда приплыли две большие лодки с землеройками, — за камнем! Никогда бы не подумала. Мы решили, что они хотят здесь поселиться, и поэтому прошлой ночью заставили нашего Урта кричать привидением. Мы надеялись, что они испугаются и уплывут!

Ясеника внимательно посмотрела на Мару:

— Но ты ведь приехала сюда не только из-за Черного Камня.

— Я приплыла потому, что Лог-а-Лог попросил меня об этом. Как только он получит назад Черный Камень, его власть станет полной. Тогда он отвезет меня и Пиккля по морю на помощь Урту Полосатому в его битве против Фераго.

— Фераго Убийца?

Голос Урта Белого прогрохотал подобно грому, барсук отбросил свой стул, встал и заревел. Всякий след его былой доброжелательности исчез, горящие глаза сверкали над оскаленной пастью.

Ясеника и Глинушка вскочили из-за стола. Они бросились к барсуку и, схватив его за лапы, попытались усадить обратно. Он ревел изо всех сил:

— Фераго Убийца! Фераго Убийца!

Ясеника насыпала щепотку белого порошка в бокал с вишневым напитком и подала барсуку:

— Выпей это и выйди на воздух. Вздремни часок на полянке — и почувствуешь себя лучше.

Барсук послушно осушил протянутый бокал и пошел прочь. Когда он вышел, Глинушка схватила Мару за лапу:

— Урт Полосатый! Ты сказала — Урт Полосатый? Так он жив?

Мара выглядела озадаченной:

— Конечно жив. Урт Полосатый — владыка Саламандастрона. Он великий воин и, кроме того, старый ворчун. Из-за него я и оставила Саламандастрон.

Глинушка села в кресло, утирая лапой выступившие слезы:

— Урт Полосатый жив! Значит, полосатый барсучонок спасся от лап Убийцы! Расскажи мне о нем. Как он выглядит? Такой ли он большой, как его брат? Не торопись, рассказывай мне все о моем внуке и о себе тоже, малышка.

Мара не торопясь поведала историю своей жизни и все, что знала об Урте Полосатом с того самого времени, когда стала приемной дочерью горы.

Дри длинные лодки землероек стремительно ворвались в воды Великого Южного Потока. Серый рассвет обещал свежий ветер с северо-востока. На носу первой лодки, держа в лапах весла, сидели Арула и Веточка. При сильном попутном ветре грести не было никакой необходимости.

Самким притулился на корме рядом с Альфохом. Они вместе пытались отыскать следы лиса Детбраща и его пятерых следопытов.

— Твой лис наверняка тоже отправился этим путем, — сказал Альфох. — Мы будем править по реке до самых порогов.

— Порогов? — недовольно спросил Веточка. — Ты ничего не говорил о порогах! Где они?

— Там, — сказал Алфох и мотнул головой куда-то вперед. — Не беспокойся, скоро увидишь.

Течение усиливалось, берега замелькали сплошным потоком зеленого и коричневого цветов. Алфох все время выкрикивал команды:

— Пригнать головы, а то веткой снесет! Камень по курсу! Готовь весла! Прямо по носу бревно, сворачивай вправо.

Наконец он крикнул:

— Прямо по курсу пороги!

Пенная вода забурлила с обеих сторон и окатила Самкима с ног до головы, когда лодка зарылась носом. На корме два опытных кормчих правили веслами, заставляя лодку огибать камни. Арула бросилась на дно лодки, в страхе закрыв глаза лапами:

— Боюсь, что я стану первой в истории кротихой, которая утонула!

То и дело ее с обоих бортов захлестывали волны, днище скребло по подводным камням. Задрав корму и опустив нос, три лодки мчались по опасному потоку. Самким был поражен, как легко справляются землеройки со своим делом, спокойно и уверенно. Наконец после одного особенно длинного порога, похожего уже больше на водопад, лодки ворвались в полукруглую заводь, густо покрытую пеной, которая медленно колыхалась на поверхности. Ревущие пороги остались позади. Погрузив в воду весла, землеройки принялись выгребать в широкий спокойный поток.

Была уже середина дня, когда поток разделился на два русла. Алфох сложил лапы рупором и прокричал:

— Правь посредине!

Они подошли к длинному мысу. Спрыгнув на берег, Алфох указал на растущий невдалеке граб:

— Молло, заберись-ка на этот граб и осмотри окрестности!

Ловкий молодой Молло кинулся было к дереву, но Самким остановил его:

— Землеройки на воде, но на деревьях белки, дружище!

Подобно выпущенной из лука стреле, бельчонок взобрался по высокому стволу.

Граб был так высок, что Самким исчез из виду, но вскоре с той же ловкостью он спустился, легко спрыгнул на землю и доложил обстановку:

— Я видел их, видел! Они пошли левым рукавом! Алфох прыгнул обратно в лодку:

— Их счастье! Если бы они выбрали правый, не миновать им водопада. Далеко они?

Самким прыгнул в лодку следом за Алфохом:

— Думаю, часа два хорошей гребли.

Лодки устремились в левую протоку. Сколько хватало глаз, она текла спокойно и без поворотов. Алфох взмахнул веслом:

— Похоже, они направляются в море, но смотри-те в оба. С хищниками ни в чем нельзя быть уверенным.

Ветер усиливался. С северо-востока приближалась огромная темная туча. Веточка ухватил ртом поденку, которая имела неосторожность сесть на его лапу:

— Скоро будет дождь!

Вскоре после полудня Алфох принялся внимательно изучать левый берег, густо поросший ивняком. Он будто что-то искал.

— Гребите в эту заводь.

Самким пристально следил за действиями старшего товарища:

— Что случилось, Алфох?

Алфох указал копьем на заросли:

— Смотри!

Заросли скрывали вход в узкую протоку. Алфох показал Самкиму свежие следы на глинистом берегу протоки:

— С этим лисом нужен глаз да глаз. Негодяй догадался, что мы гонимся за ними, и нырнул сюда. Впрочем, думаю, он понятия не имеет, куда ведет эта протока. Это не путь к морю.

— А куда же? — Арула вглядывалась в заросли.

Алфох задумчиво поскреб подбородок:

— Известно куда, Арула. В Великое Озеро.

Это было все равно что идти на веслах по зеленому туннелю. В воде отражались высокие стволы и зеленые берега, все вокруг было совершенно зеленым. Самким оглядел своих товарищей, все они стали зеленатыми. Не считая хлюпанья весел, их окружало полное безмолвие.

Всю дорогу их сопровождали знаки недавнего пребывания лиса — сломанные ветки, царапины в глинистых берегах. Ветер все усиливался, он уже завывал в вершинах деревьев. Берега стали выше, а поток быстрее.

Внезапно Алфох увидел впереди лодку, которая сворачивала в новую протоку:

— Это они! Гребите! Мы их догнали!

Детбраш услышал его крик. Оглянувшись через плечо, он приказал крысам:

— Гребите! Это землеройки!

Вскоре лодка беглецов с громким всплеском вошла в воды Великого Озера. За ней почти вплотную шли

лодки землероек. Завывающий северо-восточный ветер срывал с поверхности воды клочья пены и поливал серые воды косыми струями дождя. Самким прикрыл лапой глаза, пытаясь разглядеть идущую впереди лодку. Буря то бросала ее вниз, то поднимала на гребень волны. То же самое творилось и с лодкой Самкима. Команда гребла изо всех сил, и вот бельчонок разглядел спину сидящего на корме лиса.

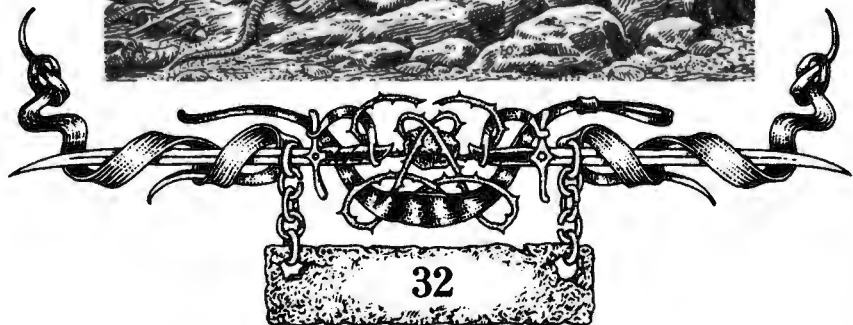
— Мы догоняем их, ребята! — крикнул Самким. — Гребите сильнее! — С копьем в лапе бельчонок встал, балансируя на носу лодки. — Гребите! Гребите, мореходы!

До беглецов было уже не более трети корпуса лодки. Самким оттолкнулся и взвился в воздух. Волна успела замочить ему лапы, но он приземлился точно на корме вражеской лодки. Крыса замахнулась на него веслом, но Самким увернулся и тут же нанес ей удар в живот.

Детбраш повернулся, размахивая мечом Мартина Воителя, и пошел на Самкима. Крик лиса перекрывал грохот бури:

— Сейчас я выпущу тебе кишки, щенок!

Фераго вытянувшись лежал на камне. Старая накидка была насквозь пропитана водой, которой Гнилоух поливал его обожженную спину. Фераго лежал на животе, притворяясь спящим, и внимательно следил за окружающими. Убийца ожидал покушения на свою жизнь. Кто отважится, Клитч или кто другой, он не знал, но был уверен в одном: беспомощный вожак — лакомая приманка для мятежника. Когда чуткий слух уловил предательский шорох в прибрежных камнях, убийца подозвал к себе Гнилоуха.

Тот смертельно устал после того, как целый день возился с Фераго, однако немедленно приблизился и коротко отдал честь:

— Да, хозяин? Что я могу сделать для тебя?

Фераго медленно стал подниматься и покачал головой:

— Гнилоух, ты хорошо поработал. Выглядишь ты совсем усталым.

— Нет, хозяин. Я свеж, как маргаритка. Мой долг — вылечить тебя.

Убийца добродушно потрепал крысу за ухом:

— И ты отлично справился, Гнилоух. Моя мать не возилась бы со мной так, как ты. Я хочу пойти взглянуть, чем занят мой сын. Ты можешь спокойно отдыхать всю ночь. Иди сюда, ложись на этот камень. Он большой и гладкий.

Гнилоух попытался что-то возразить, но Фераго оказался прав, камень и впрямь был прохладным и гладким. Гнилоух лег и зевнул:

— Спасибо, хозяин.

— О, это самое меньшее, что я могу для тебя сделать. — Голубые глаза Фераго ласково улыбались. — Вот, сейчас я укурю тебя своей накидкой. Ты не согласишься, какой мягкой сделала ее твоя вода. Как ты себя чувствуешь?

— Отлично, хозяин!

Фераго пригнулся и юркнул за камень. Через минуту Гнилоух уже вовсю храпел, влажная накидка защищала его от ночного ветерка, обдувающего побережье.

Весь день после обеда Форгрин точил свой меч, а Рванохвост то и дело поигрывал острой пикой. И вот они поползли по камням к укрытой накидкой фигуре,

лежавшей на большом камне около линии прибоя. Форгрин был посмелее, он первым высунулся из укрытия и тут же нырнул назад:

— Смотри, нет ни одного часового. Я говорил тебе, что теперь Клитч все возьмет в свои лапы.

Рванохвост кивнул лису:

— Слушай, дружище, я что-то боюсь. Как думаешь, Фераго не проснется?

Форгрин попробовал лезвие меча и усмехнулся крысе:

— Эх, скольких я порешил этой игрушкой. Надо его кончать, пока ты совсем не струсил.

Не осмеливаясь даже вздохнуть, они подобрались вплотную к спящей фигуре. Форгрин почувствовал прилив смелости. Поднявшись, он не сумел подавить в себе желание воскликнуть:

— Убирайся откуда пришел, проклятый горноста́й. Убирайся! — И рубанул мечом.

Лежавший под накидкой издал невнятный вздох и замер. Рванохвост нанес два сильных удара дубинкой по его голове.

— Он сдох, приятель? Дай-ка ему еще разок! — сказал лис Рванохвосту.

— Сдох, сдох. Незачем бить еще, — ответил кто-то.

Это был голос Фераго! В то же мгновение, коротко застав, Рванохвост умер, ибо Фераго ударил его ножом. Форгрин задрожал. Голубые глаза смотрели на него почти весело.

— Видишь, мы с тобой убили по крысе. Ты убил Гнилоуха, а я — Рванохвоста. А теперь ты убьешь горноста́я или я убью лиса.

Ужас лишил Форгрину дара речи. Булькающий звук вырвался из его горла, он повернулся и бросился наутек.

Фераго не было равных в метании ножа. Длинный кинжал вонзился Форгрину между лопаток, тот не успел пробежать и тридцати шагов.

Урт Полосатый, стоя на вершине горы вместе с Сапвудом и Бычеглазом, наблюдал за происходящим. На берегу вереница факелов двигалась прочь от Саламандастрона. Сапвуд кивком указал на них:

— Как думаешь, куда они теперь?

Бычеглаз стоял облокотившись на копье.

— Похоже на отступление, а?

Борсук покачал головой:

— Фераго не уходит просто так. Он хочет обмануть нас. Сапвуд, пойдешь за ними с Бычеглазом. Возьмите с собой еще кого-нибудь помоложе, на случай если придется передать мне что-либо срочное.

Сержант Сапвуд отдал честь:

— Нет никого быстрее Денежки, владыка. Она и пойдет с нами.

Клитч спрятался среди камней, внимательно наблюдая за горой. С ним было шестьдесят солдат, лично им отобранных. Молодой горностаи не сводил глаз с Саламандастрона, объясняя свой план:

— Когда они увидят, что войско отступает, их это озадачит. Барсук сделает то, что на его месте сделал бы любой, — пошлет своих зайцев на разведку. Тут-то все и начнется. Я хочу, чтобы вы захватили этих зайцев, причем живьем. Мертвый заяц для меня бесполезен, мне нужен живой заложник. Сети готовы, Мокрохвост?

Костлявый хорек указал на берег:

— Готовы, Клитч. Прямо на тропинке, ведущей к нашему войску.

Клитч поднял лапу, призывая к молчанию:

— Тихо, идут зайцы. Их трое.

Бесшумно ступая по песку, зайцы следовали по тропинке, по которой удалялось вражеское войско.

Клитч расставил своих солдат широким полукругом. Чиркнув кресалом, он зажег факел и помахал им. По этому знаку перед зайцами внезапно появились шестьдесят его воинов. Они замкнули кольцо, которое быстро сжималось.

Сапвуд встал в бойцовскую стойку, его глаза воинственно засверкали.

— Очень мило с их стороны послать нам навстречу делегацию, а, Бычеглаз?

Бычеглаз встал с ним спина к спине, поставив Денежку лицом к Саламандастроу.

— Нас окружили. Что будем делать? — Зайчиха нервно теребила свое копьё.

Ответ Сапвуда был спокойным и уверенным:

— Просто делай, как мы с Бычеглазом. Поверь, мы бывали и не в таких заварушках.

Кольцо окружения сжалось. Клитч стоял позади, его голубые глаза торжествующе сверкали в свете факелов.

— Вы наверняка хотите сражаться. К сожалению, должен вас разочаровать.

Бычеглаз поднял свое копьё:

— Не суетись, приятель, мы тебя не разочаруем.

Клитч тянул время, но теперь увидел, что его солдаты взяли за веревки, и подал сигнал:

— Давай!

Солдаты резко дернули за веревки и выдернули сеть из-под песка. С криком они натянули ее. Зайцы тщетно старались сохранить равновесие. В сумятице Сапвуд прокричал Бычеглазу:

— Мы в ловушке. Попробуй освободить Денежку!
Бычеглаз схватил Денежку и поднял ее над головой. Подпрыгнув повыше, он швырнул ее над головами врагов:

— Беги домой! Эу-у-ла-а-ли-а-а!

Сержант согнулся под сетью, наброшенной на него и Бычеглаза. Вскоре они уже лежали на земле.

Денежка стремительно бежала по песку. Горностай ухитрился схватить ее, но она прокусила ему лапу до кости, и он выпустил ее с воплем. Молодая зайчиха бежала к горе, дыхание клокотало у нее в груди, когда она думала о своих друзьях, оставшихся на берегу. Оглянувшись через плечо, она увидела, что за ней гонятся Клитч, Мокрохвост и другие. Песок так и летел из-под ее лап. Враги все приближались, пытаясь отрезать ее от берега, по которому она могла попасть в крепость. Стрела зловеще пропела у Денежки над головой, и Мокрохвост потянулся в колчан за второй. Зайчиха стала петлять, свернула влево, потом вправо. Стрела прогудела вновь, царапнув ей ухо. Гора была уже недалеко, и Денежка закричала:

— Эу-у-ла-а-ли-а-а!

Один из врагов хрипло зарычал и упал, пытаясь удержаться за копьё как за палку. У входа появились Барт Чертополох, Лунная Лапка и сам Урт Полосатый. Барт спешно схватился за лук и на бегу достал из колчана стрелу. Выстрелив, он заставил одного из врагов подпрыгнуть от боли и выпустить лук. Третий показал хвост и убежал, когда барсук схватил Денежку за одежду и перекинул через плечо.

Клитч и Мокрохвост остановились, страх исчез. Молодой горностай швырнул камень в спину барсука,

когда тот входил в гору, но промазал, и камень упал на песок. Тогда Клитч приподнялся на цыпочки и закричал:

— Будь повнимательнее завтра утром, Урт Полосатый. Увидишь, что я сделаю с твоими друзьями.

Фераго смотрел, как Клитч уводит своих солдат, которые несли колья. Стараясь говорить безразлично, Убийца обратился к сыну:

— Форгрин и Рванохвост мертвы. Твой план провалился.

Клитч поднял молоток и принялся забивать кол.

— Да? А о каком плане ты говоришь, старик?

Фераго схватил сына за лапу, выдернув молоток:

— Твой план — убить меня. Я сам убил Форгрину и Рванохвоста.

— Очень умно с твоей стороны. — Клитч освободил лапу. — Но я ничего не знаю ни о каком плане. Мой план — это взять заложников, и я осуществил его. Если бы я замыслил убить тебя, я бы не промахнулся. Прочь с моей дороги, старая развалина!

Ванным летним утром печально зазвонил колокол Джозефа. Вера Иголка сидела на западных ступеньках и тихо плакала, утирая слезы цветастым передником. Ее муж Тодд сидел рядом, упершись подбородком в трость и глядя на аббатство глазами полными слез.

— Бедняга Беррли. Не могу поверить, что он мертв. Нет больше Беррли, моего лучшего товарища. Кто теперь поможет мне варить октябрьский эль и готовить ягодное вино?

Вера шмыгнула носом, затем вытерла глаза и встала:

— Эта болотная лихорадка ужасна. За что на нас свалилось это несчастье? Я лучше чем-

нибудь займусь. Приготовлю обед или помогу больным. Не сиди здесь слишком долго, Тодд. Пойди вздремни на кушетке. Ты еще не совсем поправился.

Тодд медленно поднялся и побрел к аббатству рядом с женой.

— Я лучше посижу в винном погребе. Там мы, бывало, сиживали с Беррли по вечерам. О, пропади мои колючки! Пусть бы лучше она меня забрала, эта треклятая лихорадка, чем беднягу Беррли.

В изоляторе вся верхняя галерея была заставлена кроватями. Аббатиса Долина и Фургль в тревоге стояли у кровати брата Остролиста, вытирая его лоб и гладя ему лапы. Аббатиса бесцельно теребила свой кушак.

— Фургль, ты не мог бы чем-нибудь помочь ему?

— Хотел бы я это сделать. — Отшельник беспомощно пожал плечами. — Остролист в глубоком обмороке. Я мало знаю о таких вещах. Если обморок продлится, мы потеряем его.

Бреммун с трудом приподнялся на подушках:

— Ох, у меня все болит! Даже и не думайте о том, что Остролист умрет. Только он и умел готовить лекарства, которые нам всем помогали. Если его не станет, кто будет спасать нас всех?

Труган погладила лоб малыша Друни, затем поспешила к кровати Бреммуна:

— Потихе, дорогой. Такими словами ты можешь посеять панику среди больных.

Аббатиса Долина взяла выдру за лапу:

— Ты должна знать, как готовят лекарства, Труган. Ты же собирала травы для Остролиста. Значит, ты знаешь, как он смешивал их.

— Нет, я просто отдавала травы ему. — Труган грустно покачала головой. — Я могу отыскать травы

и нарвать их, но готовить лекарства, нет, с этим мне не справиться!

Кротенок Друни проснулся и начал плакать:

— Хур, хур, где мой дядя Беррли?

Труган поспешила успокоить малыша. Она вытерла ему слезы и заговорила с ним:

— Тише, малыш. Дядя Беррли ушел, но через несколько лет ты снова встретишься с ним.

Аббатиса Долина неожиданно приложила лапу ко лбу и тихо опустила на пол. Вера Иголка в это мгновение как раз подошла с кастрюлей бульона и несколькими чашками. Она поставила на стол поднос и склонилась к своей подруге. Аббатиса лежала без чувств.

— Кто-нибудь, помогите! — Вера беспомощно оглянулась по сторонам.

Труган своими сильными лапами подняла аббатису:

— Я так и знала, что это случится. Она думала обо всех, кроме себя. Фургль, похоже, она тоже заболела.

Отшельник бросил взгляд на аббатису, и его опасения подтвердились.

Труган посмотрела вокруг, закусив губу:

— У нас даже нет свободной кровати!

— Нет, есть, — снизила голос до шепота ежиха. — В спальне стоит пустая кровать, на которой лежал Беррли. Мы положим туда бедняжку аббатису.

В спальне царила тишина. Труган торопливо положила аббатису на кровать и осмотрелась, проверяя состояние других пациентов. Те либо спали, либо находились в глубоком обмороке, за исключением мышки Фиалки, которая слабо помахала своей сестре Турзель и тихо заплакала:

— Просыпайся, Турзель. Ну пожалуйста, проснись! На ступеньках слышались шаги. Труган и Вера повернулись к вошедшему Фурглю, который остановился в дверях.

— Все лекарства кончились... — Отшельник стоял, показывая пустую бутыль.

Ежиха выхватила бутыль из его лапы:

— Неужели это все, что ты можешь сказать нам, Фургль?

Еж тяжело вздохнул и сел на пол:

— Это невозможно! Еще одна свободная кровать в верхней галерее... Мы потеряли Бреммуна!

Труган покачала головой:

— Минуту назад он был еще жив. Неужели это правда, Фургль?

Отшельник грустно покачал головой:

— Я как раз вытирал ему лоб, он открыл глаза, посмотрел на меня и сказал, что очень устал. Затем повернулся к стене, закрыл глаза и умер.

Вера Иголка тоже села на пол, сильно побледнела и вся задрожала:

— Это значит, что остались мы втроем. Да еще мой бедный Тодд, который сидит в погребе. Вот и все здоровые в аббатстве!

Труган утерла пот со лба и тяжело уселась на кровать аббатисы. В то же мгновение ежиха была рядом с ней:

— Труган, ты-то в порядке, моя дорогая?

Выдра с трудом поднялась и заковыляла к окну:

— Все, что мне нужно, — это немного свежего воздуха. Помоги мне открыть окно, Фургль, я чувствую себя слабой, как котенок.

— Рэдово-о-олл!

— Святые желуди, что это? — Ежиха опять усе-
лась на пол.

Труган хлопнулась рядом с ней:

— Теперь я точно знаю, что и меня одолела болот-
ная лихорадка. У меня появились видения. Мне толь-
ко что привиделся Думбл, пролетевший мимо окна.

Фургль подпрыгнул, пытаясь открыть раму.

— Я тоже видел его! Он сидел на мешке, который
несла в лапах самая большая птица на земле!

Вера Иголка и Труган поспешили по ступенькам
к главному входу, громко крича:

— Помогите! Большая птица схватила Думбла!

Король Макстрах рассек воздух своими гигантски-
ми крыльями и сел на лужайку аббатства, потом осто-
рожно опустил на землю мешок.

— А ты не сказал мне, что живешь в таком кра-
сивом гнезде, Думбл!

Малыш спрыгнул с мешка и вынул оттуда Ледя-
ной Цветок.

— А это вовсе не гнездо, птичка, это аббатство Рэд-
во-о-олл!

В пещере Мара с изумлением слушала рассказ
Глинушки:

— Мой сын Урт Быстрый был самым сильным и
умным барсуком в юго-западных землях, а его жена
Урта Прекрасная славилась своей красотой и обходи-
тельностью. Они правили всем юго-западом, и все их
любили. Отец Урта Быстрого, Урт Сильный, к тому
времени давно уже умер. Я жила одна, и, так как в
моих землях было неспокойно, Урт взял меня к себе,
чтобы я жила с ними. Была осень, и Урта Прекрасная
разродилась двумя чудесными малютками, мы назва-

ли их Урт Белый и Урт Полосатый. В то время зверствовал Фераго Убийца со своей бандой.

Той зимой, когда крошкам исполнился всего год, снега было очень много и все время мела метель. Если б я знала, что Фераго кружит вокруг дома моего сына, я бы никогда не пошла в лес за подснежниками в тот день. Но я считала, что мой сын договорился о встрече с Фераго. Именно Урт Быстрый попросил меня набрать подснежников для своей жены, хотя я догадывалась, что он просто хочет удалить меня из дома.

Вернувшись, я застала страшную картину, оставленную набегом Фераго. Дом оказался разрушен, мой сын Урт Быстрый был мертв, а с ним и его жена, Урта Прекрасная. Из двух малышей в живых остался только Урт Белый. Что же касается Урта Полосатого, то я не знала, что с ним. Унес ли его Фераго? Или бросил в лесу? Ничего не знала, покуда ты, Мара, не пришла к нам. Судьба послала тебя, чтобы сообщить мне, что мой внук жив. Мне следовало догадаться об этом, он ведь был крепким малышом, как и его дедушка.

Урт Белый был не такой, временами он отличался мягкостью, но иногда становился совсем диким. Я много раз рассказывала ему историю его детства, пока он рос, надеясь, что придет день и он отомстит за смерть своих родителей. А в тот зимний день я бежала, прихватив с собой Урта Белого. Много лет мы скитались по лесам. Наконец мы встретили Ясенику, которая была рабыней бродячих лисов. Я сразилась с ними и освободила ее, и мы стали путешествовать втроем, ища мира и лучшей жизни. Как-то летом, с тех пор прошло уже много лет, мы и нашли этот остров, этот рай, где и жили спокойно до сегодняшнего дня.

Мара тронула лапу старой барсучихи:

— Почему ты не хочешь забыть прошлое и остаться здесь, Глинушка?

— Потому что ты внесла это прошлое в мой дом и потому что мой внук и я — барсуки, бойцы. Кроме того, неужели ты полагаешь, что я могу остаться здесь, зная, что мой внук сражается в землях у моря? Когда вы уйдете, мы пойдем с вами, и это будет послезавтра.

Мара встала:

— Я должна идти и сказать Лог-а-Логу, чтобы он втащил лодки на берег.

Тут заговорила старая бельчиха:

— Это умно. Берег, к которому вы пристали, очень каменистый, там опасно в бурю. Ступай разбуди Урта Белого. Он поможет вам втащить лодки на берег. И передай своим землеройкам, что они могут прийти к нам. Я бы хотела познакомиться с теми, с кем собираюсь отправиться в такое далекое путешествие.

— Ты тоже с нами? — Пиккль выглядел удивленным.

Бельчиха подобрала лук и стрелы, лежавшие на полу у камина.

— Конечно! Страх как люблю сражаться!

Пиккль задумчиво поскреб в голове, там, куда попали вишневые косточки:

— Я это заметил!

Лог-а-Лог и его землеройки тревожно завопили, когда на утесе показался Урт Белый. Пиккль тем временем спускался по веревке на берег.

— Не бойтесь, друзья! Это старик Беяк, наш друг. Он предлагает втащить лодки повыше, потому что завтра ожидается буря и тут все зальет водой. Эй, Мара,

спускайся и покажи старине Лог-а-Логу, что ты принесла ему!

Мара скользнула по веревке следом за зайцем. Не говоря ни слова, она повесила на шею Лог-а-Логу Черный Камень. И тут же все землеройки подняли лапы и радостно завопили:

— Логалогалогалог!

Затем по одному они стали подходить к своему предводителю, почтительно трогали Черный Камень и кланялись. Теперь и тени сомнения не было в том, кто является настоящим вождем Гуосима.

Лог-а-Лог схватил обеими лапами лапу Мары и потряс ее:

— Я никогда не забуду этого, Мара. — Его голос дрожал от избытка чувств. — Тебе стоит только позвать меня, и я тут же явлюсь.

Нордо положил лапу поверх лап своего отца:

— И я тоже, Мара.

Барсучиха улыбнулась им обоим:

— А теперь поберегите слова, друзья. Мне понадобятся ваши действия, когда мы доберемся до Саламандастрона и встретимся с ордой Фераго.

Белый барсук стал источником изумления и восторгов для всех землероек. С открытыми ртами они смотрели, как он, обхватив лапами поврежденную лодку и чуть только охнув, поднял ее. Он отнес ее на пять шагов и аккуратно положил на козлы, заготовленные заранее для ремонта судна.

Поколебавшись немного, Нордо дотронулся до мощных мышц, бугрившихся под белоснежным мехом барсука:

— Клянусь лодкой моего отца! Потребовалось бы по меньшей мере пятнадцать землероек, чтобы

поднять это судно! Ты обладаешь силой гиганта, Урт Белый!

Барсук улыбнулся и выпятил мощную грудь. Он был простоват и искренне наслаждался изъяслениями восторга.

О лодках Лог-а-Лог знал всё. Пиккль тихо сидел, следя за тем, как идет ремонт. Взяв кинжал с пилообразным лезвием, предводитель землероек аккуратно срезал слой намокшего дерева с борта лодки. Затем он приложил к обнажившемуся месту кусочек дубовой доски и приклеил его глиной, после чего, раскалив на огне кончик рапиры, проделал несколько отверстий, в которые вставил колышки и закрепил их там. Взяв с огня пыхтящую сковороду с сосновой смолой, он нанес на поврежденное место несколько толстых слоев смолы и сделал дерево водостойким.

Пиккль в восторге следил за происходящим.

— Я что говорю, приятель! Могу поспорить, теперь лодка побежит, как заяц.

Лог-а-Лог окунул кисть в смолу:

— Конечно! Такая смола является превосходным клеем. Говорят, что достаточно двух слоев, дабы замазать рот зайцу, дабы он перестал болтать и есть слишком много.

Сквозь плотную дождевую завесу Алфох и Арула пристально следили за битвой, сидя в тяжело подпрыгивающей на поверхности разбушевавшегося озера лодке. Только проворство спасало Самкима от Детбраша: лис оказался опытным бойцом и орудовал мечом Мартина весьма умело. Самким держал оборону, отчаянно пытаясь нанести ответный удар своей легкой рапирой. Крысы жались к бортам лодки, хмуро наблюдая за схваткой. Детбраш загнал Самкима на самый нос, откуда спасения не было. Зловеще ощерив клыки, лис ударил наотмашь — и рапира с лязгом сломалась у самой рукояти.

— Хватай весло! — громко крикнула Арула.

Три лодки уже спешили на помощь бельчонку, отчаянно борясь с огромными волнами.

Когда лис поднял меч над головой, Самким ударил его в живот обеими лапами. Лис рухнул на дно лодки, но быстро вскочил и зарычал:

— Я разрежу тебя на части и твоим хвостом буду мух отгонять!

Нос лодки Алфоха ударился в борт лодки Детбраша. Лис зашатался, пытаясь сохранить равновесие. Самким понял, что это шанс. Подпрыгнув, он двинул Детбраша в челюсть рукоятью рапиры. На морде лиса отразилось неимоверное удивление, и он рухнул за борт, все еще держа в лапе меч.

Хозяин Глубин появился внезапно, вынырнув из глубины. Его страшная голова появилась на поверхности.

Детбраш пронзительно взвизгнул, когда челюсти чудовища расщели его пополам. Меч выпал из безжизненной лапы. Не раздумывая, Самким прыгнул в воду и подхватил меч. Арула была всего лишь в нескольких дюймах от головы Хозяина Глубин. Размахнувшись, кротиха стукнула по этой голове веслом. Гигантская рептилия тут же ушла под воду. Веточка и Алфох подхватили Самкима за уши и втащили в лодку.

Неожиданно Хозяин Глубин вновь появился на поверхности. Четыре лодки встали вертикально, когда змей взметнул фонтан воды между ними. Все попадали за борт. Хозяин Глубин начал свой страшный пир, убивая всех без разбора среди бушующих волн.

Самким отчаянно сжимал меч. Во второй раз он почувствовал себя спасенным, когда лапы Арулы пота-

щили его к перевернутой лодке. Хозяин Глубин убивал всех подряд. Белая пена окрасилась в красный цвет, ножеподобные зубы хватали все, что попадало в поле его зрения, страшный хвост молотил, разнося лодки в щепу.

Веточка в ужасе закричал, когда челюсти чудовища сомкнулись на его спине. Змей зашипел, распахнул пасть и выпустил ежа, обратив свое внимание на бельчонка. Чудище нависло над ним с открытой пастью, и Самким с криком вонзил меч прямо в красное змеиное горло:

— Рэ-дво-о-о-олл!

Арула и Алфох бросились к Самкиму и потащили его назад, когда страшные челюсти захлопнулись. Все трое опрокинулись, голова Хозяина Глубин ушла под воду.

Самким с сумасшедшим упорством пытался высвободиться из объятий своих спасителей, криком заглушая звук бури:

— Ме-е-еч! Он утащил меч Мартина! Пустите меня!

Арула и Алфох ухватили его за хвост:

— Хур, подумай лучше о себе!

Вне себя от горя и возбуждения битвы, Самким стал бешено кусаться:

— Пустите! Я должен получить свой меч! Глупая землеройка, слепая кротиха, пустите меня!

Самким слишком поздно увидел весло, которое держала в лапах Арула. Искры брызнули у него из глаз, и он провалился в темноту.

Когда Самким пришел в себя, была уже ночь. Дождь прекратился, но северо-восточный ветер все еще свистал над озером. Бельчонок лежал на дне лод-

ки, следя за тем, как гонимые ветром тучи то и дело накатываются на бледную луну. Холодная мокрая тряпка лежала у Самкима на лбу. Она немного уменьшала боль, которая пронизывала его висок. Бельчонок застонал и попытался сесть.

Алфох мягко толкнул его назад:

— Не вставай, неугомонный. Как ты себя чувствуешь?

Самким закрыл глаза, боль немного утихла.

— Ужасно болит голова! А что случилось, Алфох? Я ведь ничего не помню.

— Хм, не помнишь? Тогда я освежу твою память. Ты просто взбесился!

Бельчонок болезненно заморгал, и события прошедшего дня ожили в его памяти.

— Арула, Алфох! Простите меня. Это все из-за того, что я лишился меча Мартина!

— Ты, конечно, парень чудаковатый, но все-таки ты мой лучший друг! — расплылась в улыбке кро-тиха.

Алфох стал рассказывать Самкиму о том, что произошло, пока тот был без сознания, а Арула занялась его повязкой.

— Хозяин Глубин ушел на дно и больше не появлялся. Крыс он сожрал всех. Мы потеряли шесть землероек и одну лодку. Не так-то легко, доложу я тебе, перевернуть на воде три лодки и при этом еще удерживать тебя и Веточку над водой...

Самким резко вскочил:

— Где Веточка? Он жив?

Алфох указал на одну из лодок:

— Он там. Мы пока не можем сказать, насколько тяжело он ранен. Когда рассветет, мы займемся им. Не

беспокойся, мои землеройки присмотрят за ним. А теперь отдыхай и постарайся поспать. Наше положение не сахар — мы потеряли все припасы, и ветер гонит нас слишком быстро. К тому же неизвестно куда. Не имеет смысла грести и сражаться с ветром. Ложись и отдыхай — это все, что мы можем сделать. По крайней мере, дождь прекратился и это ужасное чудовище больше не показывается.

Это была долгая ночь. Совершенно обессиленные, мокрые и продрогшие, друзья скорчились на дне несущейся лодки, пытаясь не обращать внимания на огромные волны, ходившие за бортом, пока они мчались в крошечную тьму.

Первым на рассвете проснулся Самким. Головная боль прошла, и теперь он чувствовал себя много лучше. Алфох, Арула и остальные все еще мирно посапывали, Самким медленно сел и огляделся. Ветер стих, тучи исчезли. Озеро было как зеркало. По воде прошла рябь, когда Самким опустил лапы в воду.

— Я бы отдал сейчас целое осиное гнездо за то, чтобы напиться. Ты не поможешь мне?

Над бортом соседней лодки появилась голова Веточки, он следил за тем, как Самким пьет. Бельчонок нашел стакан и наполнил его. Осторожно переступая через спящих, он подошел к борту и перебрался в соседнюю лодку. Положив голову ежа себе на лапу, бельчонок поднес к его рту стакан:

— Веточка, ты только поосторожней. Не глотай помногу. Как ты себя чувствуешь, старый мухолов?

Вода потекла по подбородку Веточки, он криво усмехнулся:

— Мне жаль, но я больше не могу оставаться здесь. — Веточка слабо ухватил лапу Самкима. — Нет,

не спорь и послушай меня. Это чудовище помяло меня, как сочную стрекозу. Не вздумай переворачивать меня и не смотри на мою спину, я весь покалечен. — Веточка слабо шевельнулся, и его мордочка исказилась от боли. — Ух-х-х! Хотел бы я сам вырыть для себя ямку в теплой сухой земле. Впрочем, все не так уж плохо. Утро чудесное, и я на руках у друга.

Арула и Алфох проснулись от рыданий Самкима. Команды всех трех лодок молча следили, как бельчонок плакал, раскачиваясь взад и вперед. Не обращая внимания на колючки ежа, Самким держал Веточку на лапах, словно детеныша.

— Он сказал, что собирается отыскать летний лес, полный ос и жучков. Затем он улыбнулся мне, и всё.

Клитч и Фераго с сотней солдат нагло шагали к Саламандастрону по залитому солнечным светом песку. Золотой барсучий медальон подпрыгивал на открытой груди Фераго, отражая сияние дня.

Урт Полосатый следил за ними из открытого окна. Положив свои огромные лапы на подоконник, он не отрываясь смотрел на медальон, тщетно пытаясь припомнить что-то давно прошедшее.

Два горностаи уселись на песок неподалеку от окна. Пищу и питье поднесли им Мигро и Фидл, горностаи ели, шумно чавкая. Голубые

глаза Фераго с насмешливой жалостью уставились на барсука.

— Какая жалость, что ты не можешь выйти и присоединиться к нам, барсук. У вас там, похоже, мало воды и еды.

Урт Полосатый сдержал подступающий гнев:

— Слушай меня, вонючка! Чего тебе точно не будет хватать, когда я сдамлю своими лапами твою глотку, так это воздуха! — Быстрым движением Урт Полосатый поднял свой огромный лук и наложил стрелу. — А вот это для тебя, маленький разбойник!

Клитч вскочил. Рванув на груди рубашку, он обнажил свою грудь:

— Стреляй, барсук! Что же ты, убей меня! Но в тот же момент, когда ты выпустишь свою стрелу, оба твоих друга будут убиты. Посмотри на берег!

На песке лежали Бычеглаз и Сапвуд, а Чернолаз с Гнилозубом держали свои копыя прямо у их горла. Урт Полосатый смотрел долго, пока понял, что происходит, ибо располагались они далеко, вне пределов выстрела из лука. Барсук опустил лук:

— Чего вы хотите?

— Почти ничего. — Клитч выплюнул изо рта рыбью кость. — Мы можем сидеть здесь, пока вы у себя в крепости не умрете с голоду. А чтобы было еще интересней, каждый раз, когда начинается прилив, можешь посмотреть, как умываются оба твоих приятеля. По крайней мере они умрут чистыми.

Гнев охватил барсука.

— Чего же вы все-таки хотите?

Фераго вынул кинжал и начал чертить что-то на песке.

— Когда мы впервые пришли сюда, мы хотели только твоих сокровищ. Теперь, как видишь, обстоятельства изменились и в придачу к твоим сокровищам мы хотим твою гору.

Урт Полосатый решительно покачал головой:

— Здесь нет никаких сокровищ, а что касается горы, ты никогда не получишь ее. Тебе никогда не бывать Хозяином Саламандастрона! Ты слышишь меня?

Клитч противно хихикнул:

— Мы слышим тебя отлично. Скоро и ты услышишь своих друзей. Бычеглаза и сержанта. Когда солнце высушит их и они напьются морской воды, ты услышишь, как они будут молить нас о скорой смерти. Что, интересно, ты скажешь тогда, а?

Вскоре после обеда начался прилив. К счастью для двух пленных зайцев, это не был большой весенний прилив. Они лежали навзничь, а вода бурлила вокруг.

Сапвуд покачал головой:

— Слушай, похоже, вода набралась мне в уши. Как думаешь, будет еще подниматься? Не люблю я тонуть.

Бычеглаз напрягся так, что веревка вокруг шеи натянулась.

— Я тоже, Сап. Ужасно, когда твоя спина и хвост мокнут в соленой воде. А где этот чертов Мигро?

— Вон там, сидят подтянув лапы повыше.

Бычеглаз скосил глаза в сторону и, увидев Мигро с Фидлом, которые сидели на теплых камнях, пошевелил лапой:

— Не подавай виду, сержант, но, похоже, я смогу высвободить одну лапу. Эти болваны не понимают, что веревки скручены из сухой травы и от воды размякли. Вот и весь фокус, одна лапа свободна! Принимаюсь за остальные. Как ты там, старина?

— Тружусь, — проворчал Сапвуд.

— Что будем делать, когда освободимся? Вон то бревно, что лежит в воде, выглядит симпатично. По суше нам до горы ни за что не добраться — они так наспигают нас копьями и стрелами, что мы станем похожи на две подушки для иголок.

— На что тебе бревно?

Бычеглаз высвободил вторую лапу.

— Разве не понял? Это же отличная лодка! Им и в голову не придет, что ты удерешь по воде.

Сержант вытряхнул воду из уха:

— Я?

— Ну да, ты. А я в воду ни-ни, и проплыть не могу ни дюйма, знаешь ли. А ты плаваешь, как утка.

Сапвуд не пришел в восторг от этой идеи:

— Извини, старина, но можно узнать, что ты собираешься делать, пока я буду крейсировать на бревне?

— Надо же будет чем-нибудь занять этих идиотов. — Бычеглаз довольно хмыкнул. — Кто-то же должен сделать это. Я только выколочу мозги из парочки голов и тут же догоню тебя. Не надо спорить, сержант. Кроме того, я старше тебя в звании, все-таки я лейтенант. Терпеть не могу субординацию, но, чувствую, с тобой иначе нельзя. Однако надо раздобыть оружие. Не одолжить ли нам его у этих дубинноголовых?

Мигро сладко подремывал, но Фидл принялся тормошить его:

— Что эти зайцы там орут, приятель?

Мигро сел и прислушался. Зайцы орали как резанные:

— Помогите! Тут какая-то рыбина хочет нас съесть!

Фидл схватил копье:

— Ты слышал? Большая толстая рыба!

Мигро тоже ухватился за копье:

— Хо-хо! Как раз скоро ужин. Побежали!

И они пошлепали к линии прибоя. Фидл поспел первым, размахивая копьем, он закричал:

— Где тут рыба?

Сапвуд мгновенно вскочил и одним ударом уложил его на песок. Мигро тут же развернулся и со всех лап кинулся обратно с криком:

— Убежали! Пленники убежали!

Спина Бычеглаза увязла в мокром песке, и поднялся он с большим трудом. Высвободившись, он побежал к бревну и начал спихивать его на глубину.

— Скорее, Сапвуд! Беги! Толкай эту штуку в воду!

Налегая на тяжелое бревно, зайцы толкали его, а по песку уже бежала к ним орда хищников во главе с Клитчем и Фераго.

Бревно наконец поплыло, и Бычеглаз усадил на него своего друга. Враг был уже на мелководье. Сапвуд повернулся и протянул Бычеглазу лапу:

— Не люблю без тебя, Бычеглаз!

Тот затряс головой и рассмеялся:

— Нет, Сапвуд, плыви один. Я задержу их. Приятной прогулки! — И он легонько двинул сержанта под подбородок кончиком копья, которое выхватил у Фидла. Волны подхватили бревно и понесли в открытое море.

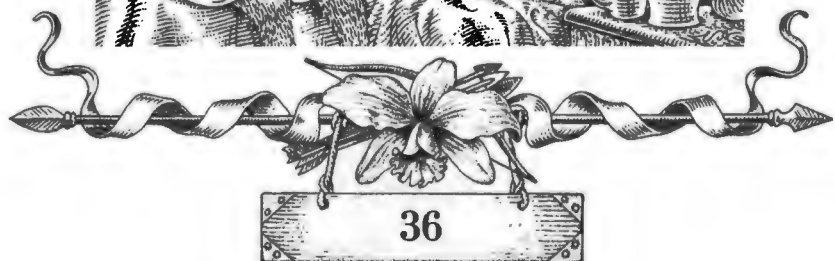
Костлявый хорек сильно обогнал остальных. Он бежал, размахивая мечом. Бычеглаз мгновенно разоружил его одним ударом своего копья. Схватив хорька, Бычеглаз с силой погрузил его голову в воду и закричал приближающимся врагам:

— Подходи, ребята? Кто следующий?

Сапвуд был уже вне досягаемости, течение несло его на юг. А Бычеглаз с копьем в лапе бросился по мелководью на врагов:

— Эу-у-ула-а-ли-а-а-а!

Думбл сидел на краешке кровати малыша Друни. Кротенок затаив дыхание слушал рассказ мышонка об удивительном полете:

— Бзззз! Прямо в небо!

Брат Остролист приоткрыл глаза:

— Разбудили меня от такого приятного сна.

Труган онемела от изумления и чуть не выронила кувшин с напитком из Ледяного Цветка. Тут же она воскликнула:

— Надо же! Фургль, смотри, брат Остролист очнулся!

— Какая радость! Он первый, кто впал в это ужасное забытие, и последний, кто пришел в

себя. Вот и не верь после этого старым легендам. Ле-
дяной Цветок, настоящий на талой воде, — кто бы
мог подумать, что все так быстро поправятся?

Вера Иголка пришла из изолятора. Она несла пол-
ный поднос горячих лепешек.

— Просыпайтесь, мои дорогие! С самого утра я
только и знаю, что пеку. Брат Ревунчик, когда ты
сможешь приступить к своим обязанностям на кухне?

Толстяк резво спрыгнул с кровати:

— Прямо сейчас!

— Тогда идем со мной. Надо еще покормить боль-
шую птицу. Я ее ужасно боюсь.

Землеройки начали было спускать лодки к воде, но
тут утреннюю тишину разорвал крик с одного из при-
брежных камней:

— Э-э-эй! Там Хозяин Глубин!

Лог-а-Лог посерел:

— Внизу остался Нордо!

Урта Белого и его бабушку не нужно было про-
сить дважды. Оттолкнув Мару и Пиккля, они схвати-
ли веревки и поспешили вниз. Мара и Лог-а-Лог сле-
довали за ними.

Подобно стволу огромного дерева, на берегу поко-
илось чудовище, его хвост оставался в воде, а голова
лежала на прибрежных камнях.

— Не приближайтесь! Он убьет вас! — донесся до
них голос Ясеники.

Мара осторожно двинулась вперед, глядя в широко
открытые глаза чудовища, затянутые белой пеленой:

— Он мертв!

Прижавшись спиной к камням, Пиккль стоял вме-
сте с Нордо.

— Мертв? Интересно, кто же мог убить такое чудовище?

Мара приблизилась к голове змея и обошла ее, затем притронулась к стальному клинку, который торчал из черепа:

— Вот что убило Хозяина Глубин!

Она ухватила за рукоять и выдернула сверкающий меч!

Крик изумления пронесся среди землероек, столпившихся на утесе. Глинушка осмотрела голову змея, размышляя, пока Мара обмывала меч в озере.

— Кто-то ранил это чудовище своим мечом, но оно уплыло. А когда попыталось закрыть пасть, оно только вогнало меч глубже и убило себя. Вчерашняя буря выбросила чудовище на берег.

Мара бережно держала меч. Он сверкал и сиял в солнечном свете, совершенно неповрежденный и острый как лезвие бритвы.

— Что ты думаешь о нем, Глинушка? Он слишком мал для барсука, а для землероек слишком велик.

Старая барсучиха осмотрела меч:

— Воин, который носил его, был, несомненно, превосходным бойцом. Этот меч сделан барсуком — я слыхала о таких вещах, — ничто не может повредить его клинок.

Пиккль вырвал из хвоста волосок и бросил его на лезвие. И тут же присвистнул от изумления:

— Ну, ребята, мы должны быть благодарны тому, кто убил это чудовище. Теперь озеро свободно!

Землеройки радостно закричали и стали готовиться к отплытию. Урт Белый снова взобрался на утес и принес оттуда обе лодки, затем в них погрузили

съестные припасы. Вскоре землеройки мерно взмахивали веслами:

— Мы камни и мели оставим в сторонке —
Гребите, ребята, отличные гонки!
И вовсе неважно, что узки и тонки, —
Как вольные птицы несутся долбленки!
Греби, брат, и весла тащи к подбородку —
Команде такая работка в охотку.
Себе прополощем мы песнею глотку,
Гоня по волнам свою верную лодку!

Погода оставалась прекрасной, и лодки все летели и летели вперед, пока остров не превратился в маленькую точку на горизонте. Лог-а-Лог, ориентируясь по солнцу, прокладывал курс.

Утром Урт Белый осторожно поднялся и потянулся, расправляя затекшие лапы и поигрывая мускулами. Внезапно он указал вперед и закричал:

— Смотрите, там какие-то темные тени в воде!

Холодок страха пробежал по спинам гребцов. Что если тут живет еще один Хозяин Глубин? Вполне возможно, что у него есть подруга, которая теперь горит желанием отомстить за его смерть.

Лог-а-Лог отдал приказ сушить весла. Две лодки неподвижно замерли в воде. Мара обратилась к Пикклю:

— Давай, Фолгер. У тебя хорошее зрение, забирайся мне на плечи и посмотри.

Балансируя на плечах Мары, Пиккль прикрыл глаза лапой и растопырил уши:

— Лог-а-Лог, здесь твои друзья. Кто-то выкрикивает твое имя Логалогалогалог.

— Это землеройки из Гуосима! Им нужна помощь! Гребите! Логалогалогалог!

И две лодки заскользили по воде, которая стремительно убегала за кормой.

Приветственный крик вырвался у команд трех лодок, когда Самким, спрыгнув, спустился вниз с плеч Алфоха и Арулы.

Молодая кротиха шутливо, но весьма чувствительно похлопала бельчонка по спине:

— Самким, ты отличный кричалыщик! Они услышали тебя. Смотри, плывут сюда. Да, Алфох?

Предводитель землероек сердечно потряс бельчонку лапу:

— Никто так здорово еще не выкрикивал клич Гуосима! Мы, пожалуй, сделаем из тебя настоящую землеройку!

Пять лодок встретились на бесконечной глади озера, и поначалу все примолкли. Лог-а-Лог стоял на носу своей лодки, гордо показывая Черный Камень, висевший у него на шее. Команды всех пяти лодок низко склонили головы в знак признания его власти над всем Гуосимом, затем раздался счастливый крик:

— Да это колония Алфоха с берега озера!

— Эй, Нордо, как поживает твое весло?

Дружеское похлопывание по спине и крепкие лапопожатия говорили о теплых чувствах, которые связывали землероек. Самким стоял безмолвно и с восторгом смотрел на молодую барсучиху, державшую в лапах меч Мартина. Переступив через борт лодки и не сводя с нее глаз, он заговорил:

— Меня зовут Самким из аббатства Рэдволл.

— А меня — Мара из Саламандастроны.

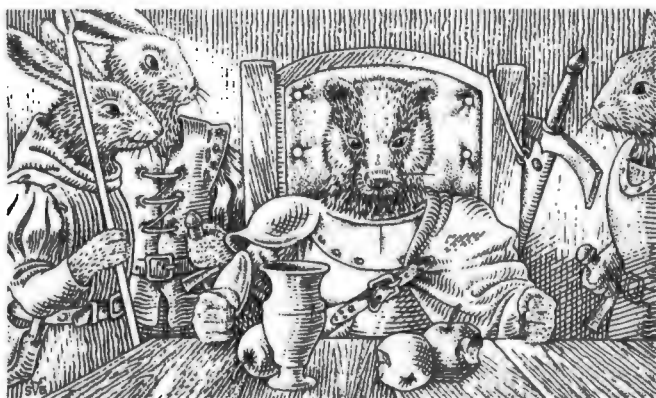
Они стояли, глядя друг на друга, пока Самким, собравшись с духом, не заговорил снова. В этот раз слова непрощеными слетали с его губ. Ему казалось, что он снова вернулся в аббатство и теперь стоит перед старинным гобеленом. Золотистые образы, затуманенные временем, скользили перед его взором, как листья по осеннему лугу... Труг, наряженный барсучихой, на празднике в День Названия... Большое пустое кресло в Большом Зале, на котором когда-то сидели барсучихи...

— Меч, который ты сейчас держишь в лапах, принадлежит аббатству Рэдволл. Некогда он принадлежал Мартину Воителю, и это его самого ты видишь на клинке.

Самким вздрогнул и провел лапой вокруг рта, сам не понимая, почему произнес эти слова. Он чувствовал себя довольно глупо. Мара была озадачена, но не задала бельчонку ни единого вопроса. На нее снизошли покой и умиротворение, и она протянула ему меч:

— Пусть твой меч благополучно доберется в аббатство, Самким из Рэдволла!

Урт Полосатый сидел в кресле, похожий на думающего горного духа, а вокруг стола собрались тридцать два зайца — весь Дозорный Отряд в полном составе.

Урт Полосатый встал. Его хриплый голос был угрюм и звучал обреченно:

— Сапвуд и Бычеглаз погибли. Я так и не понял, что именно с ними случилось, но против них была по меньшей мере сотня хищников. Наши дела идут неважно, друзья мои. Мы окружены врагами и вынуждены голодать, осажденные в крепости!

Не успело вдали замереть эхо его слов, как барсук опустил взгляд на покрытый скатертью

стол, его темные от бешенства глаза налились кровью. Лапы то сжимались, то разжимались, в углах рта показалась пена. Он стучал лапой по столу в такт своим словам:

— Мою гору держит в осаде этот голубоглазый горноста́й со своим выро́дком!

Кресло упало, задетое тяжелой лапой, когда барсук огромными шагами вышел прочь из зала.

Денежка поделилась водой и яблоками с Меховичком и Весельчаком, дежурившими на вершине горы. Воду они выпили залпом, но яблоки ели не торопясь, подсчитывая каждый укус и долго прожевывая.

Внезапно мокрая, обсыпанная песком фигура перемахнула через край кратера. Это был не кто иной, как Бычеглаз, живой и невредимый!

— Привет, Меховичок! Вот не думал, что ты тут голодаешь. Вот возьми немного груш. Они жестковаты, но такому обжоре, как ты, это вряд ли помешает.

При виде внезапно возникшего перед ними привидения малыши завопили от ужаса и порскнули в разные стороны. Они улепетывали так быстро, будто за ними гналась нечистая сила.

Бычеглаз уронил на землю два туго набитых мешка, которые принес с собой, и оглядел себя:

— Гм! Если бы увидел себя со стороны, я бы и сам испугался.

Все собрались вокруг обеденного стола, и Бычеглаз приступил к рассказу о своем чудесном спасении:

— Хо-хо, видели бы вы, как старина Сап плыл по морю! А тут еще навалилась целая куча этих хищни-

ков. Пришлось поработать пикой и рассчитаться кое с кем. Провалиться мне на этом месте, если там не собрался целый полк или даже два! Но я оторвался от погони и нырнул в море. Сроду я так не плавал, клянусь! Я нырнул и поплыл, как рыба, под водой. Потом я, конечно, вынырнул, чтобы глотнуть воздуха, смотрю, а они все еще близко. Ну, вдохнул я поглубже и снова ушел под воду. И так много раз, пока я окончательно не оторвался от орды старины Фераго. Потом я обвалялся в песке, чтобы соорудить нечто вроде камуфляжа, и рванул сюда. Ах да, по дороге я еще набрал кое-каких припасов, знал, что вы тут вроде как голодаете. Слышь, а где старина Урт Полосатый?

Барт Чертополох махнул лапой:

— Наверное, в кузнице. Он тут совсем из себя вышел, так злился на Фераго. Тебе лучше пойти и доложить ему, что ты жив.

Бычеглаз просунул голову в дверь кузницы и громко сказал:

— Бычеглаз прибыл! В полном порядке и добром здравии, владыка!

Огонь в горне был погашен, кузница оказалась пустой. Бычеглаз заметил, что одно из окон раскрыто настежь. Выглянув в окно, заяц от отчаяния охнул.

В полном боевом вооружении Урт шагал по берегу по направлению к лагерю Фераго. Взяв свое копье на изготовку, Владыка Саламандастрона выкрикнул вызов:

— Не трусь, Фераго, иди, и мы сразимся с тобой! С тобой и твоим вырождением! Я предлагаю тебе рукопашную или любую другую битву, по твоему выбору.

Я — Урт Могучий, рожденный в новолуние! Господин Горы! Эу-ула-а-ли-а-а-а!

Мигро погиб от удара копья Бычеглаза, и отвечать за побег пленников пришлось другому стражнику, Фидлу. Его безжизненное тело висело перед ордой головорезов, прибитое к столбу. Когда ушей Фераго достиг крик Урта Полосатого, горностаи отошел от столба и торопливо стал отдавать приказы:

— Ты, Черноглаз, собери лучников у камней, где мы сражались. Гнилозуб, возьми с собой сорок копеечников и приготовься ударить барсуку в спину. Клитч, ты пойдешь со мной. Делай, как я сказал!

Клитч был в плохом настроении. Победа, которой они так долго добивались, принадлежала ему, но он был слишком молод, и армия подчинялась Фераго. Тот по-прежнему оставался полновластным хозяином орды. Клитч молчаливо сидел на камне, кривя губы в сторону Фераго:

— Опять твои дурацкие планы! Они наверняка провалятся, как и другие.

Убийца резко встряхнул его:

— Ты, как всегда, ничего не понимаешь. Я намерен устроить барсуку засаду. В этот раз все сработает. Точно так же я убил барсука Повелителя юго-западных земель и его жену за несколько лет до того, как ты родился. А теперь приготовь оружие и следуй за мной!

Зайцы столпились на смотровых площадках, внимательно наблюдая за происходящим.

Бычеглаз принял командование в отсутствие Урта Полосатого, и его слово стало законом.

— Владыка Урт решил закончить это дело сам. Он вызвал на бой двух горностаев. Когда они встретятся, мы должны оставаться здесь, это Бой Командиров. Ни одному хищнику не позволено будет вмешаться в ход битвы, поэтому оставайтесь здесь. Это приказ!

Внизу у линии приboя стояли Фераго и Клитч, за их спинами виднелась каменная стена. Урт Полосатый пристально смотрел на них. Подняв забрало, он изо всех сил старался не рассмеяться. Это было именно то, чего он ждал, то, к чему так стремился. Кроме кинжалов, Фераго был вооружен булавой и цепью. Клитч взял с собой короткий меч и пику. Урт опирался на рукоять своего огромного копья, высотой оно было вполовину его роста, но устрашающе тяжелое. Наконечник копья в форме листа так и сверкал на солнце.

Барсук обратился к обоим горностаям:

— Давайте договоримся. Если вы победите, го-
ра ваша, но вы должны выпустить моих зайцев,
не причинив им никакого вреда. Если побеждаю я,
твоя армия разворачивается и убирается отсюда. Со-
гласны?

Фераго потрогал медальон у себя на шее и от-
ветил:

— Согласен.

Урт Полосатый продолжил:

— Никто не должен вмешиваться в нашу битву —
это Бой Командиров, и он должен идти по правилам
чести. Согласны?

— Согласны! — Глаза Фераго сверкали искренно-
стью.

Урт опустил забрало, проговорив последние слова:

— Никто не сдается, никто не отступает! Бьемся до смерти!

В блеске полуденного солнца все трое стали медленно сходиться.

Самким и Арула вместе с Марой и Пикклем сидели в лодке, которую волны несли к морю и Саламанда-строну. Ночь они провели в разговорах о жизни со своими новыми друзьями и узнали почти все друг о друге. Самким и Арула понимали, что должны помочь освободить от хищников Саламандастрон и Страну Цветущих Мхов.

Еще до рассвета они пересекли Великое Озеро и вошли в Большой Южный Поток, который и должен был вывести их в море. Пять лодок с двумя белками, тремя барсуками и целой толпой землероек на борту бороздят водный простор. Землеройки дружно пели:

— Землеройки мы с тобою
И всегда готовы к бою,
Ибо честь нам дорога —
Прем с рапирой на врага!
Логалог! Логалог! Логалог!
Мы отважны, и, поверьте,
Мы не знаем страха смерти,
И готов из нас любой
Выступить на смертный бой!
Логалог! Логалог! Логалог!

Фераго раскрутил булаву и цепь. Железный шар с шипами просвистел почти рядом с Уртом. Клитч скользнул вправо и метнул дротик в голову барсука. Урт Полосатый с рыком обернулся, отразил удар, древком копья отбросил в сторону булаву и заставил Фераго упасть на песок. В камнях притаилась засада, поджидающая, пока Урт повернется и покажет им спину. Фераго пополз по песку за спину барсука. Урт Полосатый бросил ему булаву и цепь:

— Подбери свое оружие, горностаи!

Клитч подобрался поближе и мечом ударил Урта по плечу. Короткий меч попал в незащи-

щенное место между доспехов. Со стоном Урт обернулся и ударил по мечу своим мощным копьем. Фераго, еще лежа на песке, сумел дотянуться до булавы с цепью. Взмахнув цепью, он захватил ею колено барсука, Урт споткнулся и упал. Его латы загремели. Клитч кинулся к нему, занеся меч, но Урт быстро приподнялся и сидя нанес удар. Закованная в металл лапа ударила Клитча в грудь, и горноста́й покати́лся на камни. Дыхание у него перехватило, он с изумлением смотрел на кровь, бежавшую из царапин в том месте, где его задела железная лапа.

Фераго подхватил копьё, оброненное Клитчем, и двинулся на противника. Высвободившись от цепи, барсук поднялся. Они столкнулись, и Фераго в отчаянии завопил, увидев, что его копьё переломилось, как легкая соломинка:

— Клитч, помоги! Помоги!

Эти вопли не произвели никакого впечатления. Глаза Клитча были полны слез, он потирал свою болевшую грудь. Растянувшись на камнях, он крикнул в сторону затаившихся солдат:

— Убейте барсука!

Фераго вытащил свои кинжалы. Бросившись плашмя на землю, он покати́лся под лапы Урта, подальше от громадного копья, но тот отпрыгнул и нанес противнику страшной силы удар. Тело горноста́й взлетело в воздух, и как раз в этот момент сидевшие в засаде выпрыгнули из-за камней и помчались к барсуку, гремя оружием.

Сплюнув сгусток крови из раны в пасти, нанесенной обломком копья, Урт Полосатый гневно закричал:

— А ну подходи!

Фераго пытался подняться, бешено вопя:

— Не стреляйте из луков, пока я не отползу!

Хищники приближались, отрезая Фераго от его врага. Опустив копье, барсук бросился на врагов, крича во всю силу легких:

— Эу-у-у-ла-а-а-ли-и-и-а-а-а!

Копья и мечи били по латам Урта Полосатого, и он скрылся в завывающей толпе. Барсук заревел и стал швырять в воздух тела врагов, дубася их и коля копьем. Шлем свалился с его головы, копье уже лежало на земле, но барсук продолжал отчаянно сражаться с превосходящими силами врага. Но вот он опять скрылся из виду. Клинки сверкнули в свете солнца, едва видимые в куче визжащих хищников. Урт Полосатый поднялся, как мощный гейзер, вырывающийся из земли, в зубах его был зажат лис, а в каждой лапе он держал по крысе. Швырнув бездыханные тела в толпу, он снова двинулся на врагов, словно безумный.

Они снова набросились на него и пригнули к песку. Сцепив зубы и размахивая лапами, Урт продолжал сражаться, латы на нем треснули, и он сбросил их за ненадобностью. Фераго и Клitch сжимали друг друга в объятиях от радости, предвкушая победу...

— Эу-у-ла-а-ли-и-а-а-а!

Не меньше сорока стрел вонзились в хищников, когда Бычеглаз с двумя десятками зайцев подобрался к сражающимся по песку, затем вступили в битву их копья. Зайцы с ходу пошли в бой, их копья доставали врага везде. Огорошенные хищники рассеялись, ища спасения среди камней, но их остановили грозные крики Фераго и его сына, которые давно прятались между скал:

— Бей их! Не давайте им убежать!

— Кончай барсука!

Шесть зайцев поддерживали спотыкающегося барсука. Бычеглаз и остальные прикрывали отход, забрасывая врага стрелами.

Лапы Урта Полосатого оставляли глубокие борозды в песке, зайцы почти волоком тащили его, но барсук изо всех сил старался идти сам.

Смертоносные стрелы свистели в воздухе, и ряды хищников дрогнули. На смену упавшим духом воинам Фераго послал из засады другой отряд:

— У них стрел почти не осталось! Догоните их!

Барт Чертополох пробормотал Бычеглазу, когда гора была уже недалеко:

— Плохо дело, командир. Нам не втащить Урта в окно, через которое он выбрался. Что будем делать?

Бычеглаз оглянулся через плечо, оценивая ситуацию:

— Ступай, старина. Прикажи Денежке и другим открыть один из нижних входов. Ступай!

Фераго следовал за своими солдатами, выкрикивая угрозы и ругательства. Клитч оставался позади. Стоя на высоком камне, он следил за отступлением противника. Вдруг его охватило волнение, и он подозвал ближайшего из хищников к себе:

— Смотри, Вислохвост! Они отворили большой вход в гору! Беги быстрее и сообщи об этом остальным. Мы можем ворваться в гору!

Бычеглаз, Барт Чертополох и другие зайцы едва справлялись с Уртом. Они подняли барсука и попытались затолкать его внутрь, но тот начал рваться назад. Едва не теряя сознание, он жаждал вернуться к битве.

— Никогда не доверяйте хищникам. Мне следовало самому догадаться об этом, проклятые предатели. Я покажу им! Где мое копьё, Бычеглаз?

Заяц отчаянно пытался помешать барсуку:

— Ты не в форме, владыка. Давай войдем внутрь, и ты передохнешь.

Урт сел на краю входа, раскачиваясь из стороны в сторону и горестно глядя на своих друзей:

— Не говори ерунды! В тот день, когда я не смогу участвовать в бою, я...

Тут барсук потерял сознание, и Бычеглаз воспользовался моментом, чтобы затолкнуть его в гору. Урт упал на землю, но оказался уже в коридоре. Десятки заячьих лап подхватили барсука и потащили к кровати, которая представляла собой грубо отесанный камень, стоявший подле кузни.

Денежка пристроилась рядом с Бартом Чертополохом и Светлячком, нацелившими свои луки на приближающуюся орду. Зайчиха сильно беспокоилась:

— Чтобы затащить владыку в гору, мы убрали почти все камни, которые загораживали этот выход. Теперь понадобится целая вечность, чтобы снова загородить его.

Барт Чертополох выпустил стрелу из лука и наповал сразил неосторожно приблизившуюся крысу.

— Прикрывай пролом и жди команды от Бычеглаза. Эй, Светлячок, держи лук крепче!

А на морском берегу глаза Фераго горели торжеством. Еще бы, он вел свою орду прямо в крепость Саламандастрон, и ничто уже не могло помешать ему.

— Хур, это еще одно Великое Озеро?

— Нет, это море, Арула. Мы добрались до моря! — Пиккль обвел лапой огромное водное пространство перед собой.

Мара повернулась направо и указала на высокую гору с плоской вершиной:

— Смотрите, это Саламандастрон!

Гора высилась совершенно отдельно, вдали от соседнего кряжа, который темнел на фоне розовеющего вечернего неба. Глинушка положила лапу на плечо Урта Белого:

— Посмотри, Урт. Там правит твой брат Урт Полосатый!

Лодки весело подпрыгивали на волнах. Лог-а-Лог дал команду, и лодки повернулись носом к линии прибоя. Одна за другой они выписывали широкий полукруг, который в конце концов должен был привести их к пляжу перед горой. Постепенно стемнело, а они все еще продолжали грести.

— Что там плывет впереди? — спросил Алфох громким шепотом.

Лог-а-Лог уставился в темноту и обратился к загребным:

— Держи правее, надо разобраться с бревном, которое плывет по правому борту!

Вдруг с бревна донесся знакомый голос:

— Предупреждаю — я буду сражаться за свою жизнь!

Мара изумленно уставилась на Пиккля, и оба тут же закричали:

— Сапвуд!!!

Сержанта подняли на борт. Заяц крепко обнял Мару и Пиккля, не отрывая глаз от огромного белого барсука, сидевшего в другой лодке слева от него.

— Кто этот большой белый барсук? Он ничуть не меньше нашего владыки.

Мара развязала мешок с провизией:

— Скоро узнаешь. Сегодня не стану рассказывать, пора спать, надо хорошо отдохнуть перед завтрашним боем. Вот смотри, это еда. Ты наверняка здорово проголодался, сержант.

— Да уж, проголодался — не то слово. Я сейчас готов съесть жаркое из собственных ушей!

Тем не менее прошло еще некоторое время, прежде чем Сапвуд смог отправиться спать. Старая барсучиха Глинушка подробно расспросила его о том, что происходит в Саламандастроне. Потом провела короткое совещание с Марой, Уртом Белым, Лог-а-Логом и Ал-фохом:

— После разговора с сержантом Сапвудом я полагаю, что гора моего внука Урта Полосатого находится в большой опасности. В нашей помощи остро нуждаются. Лог-а-Лог, когда мы сможем высадиться на берег?

Предводитель землероек пристально смотрел на лунный свет, заливающий его маленькую флотилию:

— Мы плывем по течению, и ветер дует нам в спину. Если так оно и будет, мы достигнем берега, наверное, к рассвету, хотя если добавить гребцов, то мы подойдем на час раньше.

Глинушка не колебалась:

— Так и сделаем, мой друг. А теперь давайте проведем военный совет и разработаем план...

Нижний вход не устоял, и орда Фераго ворвалась в Саламандастрон.

Барт Чертополох и его маленький отряд героически обороняли открытый вход в гору, стреляя из луков, пока все стрелы не вышли и Бычеглаз не послал Морскую Траву и еще десяток зайцев отозвать их. Копья лязгали, пращи не переставали стрелять, покуда зай-

цы переходили к оборонительным действиям, отступив от входа в лабиринт туннелей.

Лежа в своей кузнице, расположенной на среднем уровне горы, Урт Полосатый был привязан к постели широкими бинтами. Он находился между жизнью и смертью. Головорезы Фераго заполнили нижние коридоры, врывались в пещеры и комнаты, но всюду им давали отпор зайцы, которые были в численном меньшинстве и сражались по-партизански: то и дело они оказывались в самых неожиданных местах, нанося удары по врагу, и из самых укромных уголков в хищников летели стрелы.

Теперь Дозорным Отрядом командовал Бычеглаз. Чтобы удержать врага в нижних коридорах, он призвал на помощь весь свой воинский опыт. Зайцы нападали, внезапно появляясь, и затем, подобно дыму, исчезали в темнеющих туннелях. Бычеглаз руководил обороной из кузни, ибо, даже отдавая приказы, он стремился быть ближе к мечущемуся в горячке барсуку.

— Лунная Лапка, возьми Меховичка и Денежку. Ступайте в южный коридор и приготовьте там для врагов мясорубку. Как только вернутся Сережка и Весельчак, я пришлю вам подкрепление.

Лунная Лапка отдала честь и отправилась на место назначения. Бычеглаз проводил ее взглядом, недовольно покачал головой и обратился к Барту Чертополоху:

— Неважно идут наши дела, старина. Долго нам не продержаться, их слишком много.

Бычеглаз взял давно уже мокрый носовой платок и вытер горячий лоб барсука. Тот лежал без сознания, он боролся со стягивающими его тело бинтами, борю-моча в забыты:

— Зима... золотой медальон... холодно... папа, мама... где вы? Белый снег, белый брат... холодно!

Бледная луна робко бросала свет на медальон Фераго. Горностай сидел на песке рядом с Клитчем. Впервые за долгое время отец и сын пришли к одному и тому же тактическому плану.

Фераго вытащил кинжал и указал на вершину горы:

— Я беру сотню бойцов и иду туда, ты атакуешь изнутри.

Голубые глаза Клитча радостно сверкали в ночи.

— Вот и я хотел предложить то же самое. К за-
втрашней ночи гора будет нашей!

Фераго приставил кинжал к груди сына:

— На всякий случай запомни — сражайся до победного конца, не останавливайся ради поисков сокровищ. Я сам займусь этим делом, когда мое войско закончит работу.

— Твое войско? — Клитч копьем отбросил кинжал от своей груди.

Убийца ловко вернул кинжал на место.

— Да, мое войско! И так будет до тех пор, пока я жив!

Молодой горностай вскочил и побежал по камням ко входу в пещеру. Но прежде чем скрылся из виду, он успел обернуться и крикнуть на ходу своему отцу:

— Тут мы с тобой опять сходимся, старик. Войско твое... пока ты жив!

За час до рассвета землеройки выпрыгнули из лодок на берег и вытянули их на песок, как раз перед Саламандастроном. Самким и Арула глянули наверх и увидели, что берег пуст. Их лапы крепко сжимали оружие.

— Самким, куда подевались хищники?

Сапвуд шел по песку, разглядывая следы:

— Это нетрудно сказать, Арула. Боюсь, мы прибыли слишком поздно.

Глинушка взяла Ясенику и вынесла ее на берег. Затем, прихватив весло, она присоединилась к ним.

— Сейчас не время для досужих разговоров. Стройтесь, друзья!

Все побросали дела, которыми занимались, и столпились вокруг мудрой барсучихи. Она отдавала приказы:

— Урт Белый, Самким и Арула, ступайте с Алфохом и его землеройками и разузнайте, как обстоит дело в горе. Пиккль, ты ступай с ними, будешь гонцом. Остальные останутся здесь со мной.

Вооруженные рапирами и веслами, землеройки Алфоха бесшумно шли вслед за Пикклем и белым барсуком. Самким нес меч Мартина и не отставал. Арула шла рядом с ним с заряженной пращей. Пиккль привычно направился к главному входу и тихо застонал, увидев открытую пасть прохода:

— Похоже, Фераго пробрался в гору.

Когда они поравнялись со входом, Самким, подняв лапу, призвал всех к молчанию:

— Ш-ш-ш!

Гнилозуб взял стрелу в лапу. Протиснувшись через отверстие входа, он принялся искать на песке местечко помягче. Он уже почти уселся, когда огромная белая лапа схватила его за горло. Самким приставил меч к его горлу и бешено прошипел:

— Одно неверное движение, и ты лишишься головы! А теперь говори, что здесь происходит?

Гнилозуб выложил все, что он знал:

— Наше войско в горе, мы пробиваемся вглубь...

Пиккль дернул его за ухо:

— Где Фераго и Клитч?

— Клитч там, там же Черноглаз, Вислохвост и все остальные. А Фераго я не видел с самого начала атаки. Клянусь!

Урт Белый и Самким обменялись понимающими взглядами.

— Придется верить ему на слово, — проворчал белый барсуک. Стукнув по загривку Гнилозуба так, что тот обмяк, он в нерешительности замер.

Самким принял командование на себя:

— Скоро рассветет, нужно пошевеливаться. Пиккль, передай Глинушке, что мы пошли через верх. Если она сможет провести остальных через этот пролом, то мы нападём на врага с обеих сторон.

Алфох хлопнул бельчонка по спине:

— Отличная мысль! Ты уверен, что никогда прежде не командовал?

Взвалив свою огромную дубину на плечо, Урт Белый начал взбираться наверх. Арула поплевала на лапы в знак того, что тоже начинает восхождение:

— Хур, терпеть не могу высоту. Все-таки я кроти-ха, а не белка. Но посмотрим, кто быстрее!

Над Саламандастроном рассвет уже расцвел во всем своем великолепии, когда Мара и Глинушка помчались по песку в сопровождении землероек Лог-а-Лога. Пиккль посидел минуту, чтобы восстановить дыхание, но тут же вскочил:

— Слышь, братцы, подождите меня хотя бы!

Лунная Лапка погибла при обороне лестницы. Зайчиха поставила Денежку и Меховичка позади себя. Молодые зайчата с копьями наперевес защищали проход от прокладывающей путь наверх орды хищников.

Смертельно раненная, Лунная Лапка успела крикнуть:

— Бегом к Бычеглазу! Просите его прислать подкрепление. — Минуту она смотрела в залитые слезами глаза Денежки. — Не стой здесь, Денежка. Делай, как я сказала. Ступай!

У Лунной Лапки был заточенный с обеих сторон дротик. С бешеной злостью она ударила им по голове хорька. Дротик разломился на две части, хорек упал замертво. Размахивая обломками, зайчиха бросилась навстречу наступающему врагу с громким криком:

— Эу-у-ла-а-а-лиа-а-а!

Задыхаясь от слез, зайчата доложили все историю Бычеглазу. Он усадил их, стараясь говорить спокойно:

— Похоже, мы потеряли нижние этажи. К сожалеению, не могу предложить вам ни еды, ни питья. Просто посидите тут и отдохните. Барти, старина, ты как себя чувствуешь?

Чертополох скрестил лапы на груди. Кивнув зайчатам, он подобрал свой лук и колчан со стрелами и вытянулся перед командиром:

— Готов к употреблению, Бычеглаз. Командир, если я случайно не вернусь, ты знаешь, что делать. В таких обстоятельствах лучше уходить отсюда вместе с владыкой наверх.

Вершины горы отряд Урта Белого достиг уже при свете дня.

Алfox, глянув наверх, зарядил пращу. Раскрутив ее, он крикнул Самкиму:

— Смотри, наверху крыса!

Голова крысы была едва видна, но, когда Алfox крикнул, крыса привстала и обнаружила себя. Камень, выпущенный из пращи, с гулким стуком ударил ее пониже уха. Крыса вскрикнула и покатилась с горы. Немедленно на ее месте оказалась толпа хищников, швыряющих камни и мечущих стрелы.

— Откуда они взялись? Кто они? — донесся голос Фераго.

Арула прицелилась и метнула из пращи камень в направлении голоса. Она была вознаграждена криком Убийцы:

— О, моя лапа! Убейте их!

Кто-то из бойцов Алфоха встал, чтобы выстрелить из пращи, но стрела сразила его прямо в глаз, и он упал мертвым. Урт Белый схватил с земли огромный камень и бросил его, убив одним ударом крысу и ранив лиса.

— Эу-у-ла-а-а-лиа-а-а! — Огромный белый барсук бросился вперед, неуязвимый для стрел и камней.

Самким и Арула подхватили его клич:

— Рэдво-о-олл!

— Логалогалогалог! — кричали землеройки, карабкаясь по камням и стреляя на ходу из пращей.

Клитч вел свой отряд по извивающемуся проходу, направляясь к лестнице. Достигнув ее, он отпихнул в сторону тело Лунной Лапки и закричал:

— Убить! Всех убить!

Прижавшись к стене, он пропустил своих солдат вперед и криво усмехнулся, услышав предсмертные крики тех, кто оказался в пределах досягаемости стрел Барта Чертополоха и его лучников.

— Вперед, головорезы! Это всего лишь пара зайцев!

Бычеглаз взял в лапы длинный лук и стрелы. Выдав пращи Денежке и Меховичку, он зашагал навстречу шуму битвы, доносившемуся до него через главный проход.

— Пошли, зайцы! Эх, скоро сказка сказывается... Надо идти на выручку старине Барти. Владыка будет здесь в безопасности, пока я не вернусь. Денежка и ты,

Меховичок, а ну-ка улыбнулись и пошли! Это приказ. А теперь крикнем вместе: «Эу-у-ла-а-а-лиа-а-а!»

Стоя позади своей команды, Клитч наблюдал, как посевший от страха Вислохвост подбежал к нему с нижнего этажа. Молодой горноста́й хмуро глянул на него:

— Тебе нужно быть наверху, где идет бой!

Вислохвост был смертельно напуган и тяжело дышал. Не успев отдышаться, он протянул лапу назад и проговорил:

— Послушай!

Эхо отражалось от стен и катилось по каменному проходу, достигая ушей горноста́я:

— Логалогалогалогалог!

В нерешительности Клитч пожал плечами и криво улыбнулся:

— Логалог! Что это?

Меткая стрела угодила Вислохвосту прямо в грудь, и как раз в этот момент Лог-а-Лог, Мара и Пиккль появились из-за поворота во главе отряда землероек.

С ужасным криком Клитч бросился бежать, сминая толпу своих головорезов, сгрудившихся на лестничной площадке, пока не укрылся в относительной безопасности в середине толпы. Не рассуждая, он схватил за горло ближайшего к нему лиса и прокричал:

— Об этом мне никто не говорил!

Лис собирался что-то ответить, но стрела Бычеглаза оборвала его жизнь. Клитч дико поглядел на обмякшее в его лапе тело и простонал:

— Ловушка! Мы оказались в ловушке!

С громогласным ревом Урт Полосатый разорвал наконец бинты, которыми был привязан к кровати. Схва-

тив огромный кузнечный молот, он заковывал на верхний уровень. Правитель горы черпал силу из каких-то неведомых источников, им овладела одержимость война, и никто не мог бы устоять против него, несмотря на его страшные раны.

Отряд Урта Белого достиг вершины горы и теперь сражался у самого кратера. Фераго глянул на белого барсука, и его захлестнула волна страха.

— Убейте белого! Я озолочу того, кто зарубит барсука!

Не меньше двадцати хищников сгрудились вокруг Урта Белого, он отбивался от их бешеного натиска. С мощным рыком барсук орудовал своей дубовой палицей. Самким сражался на самой вершине, его меч мелькал в солнечном свете. Вооруженная пращей Арула прикрывала его спину.

— Давай, Самким! Пусть Рэдволл гордится тобой!

Алфох и его землеройки дрались рапирами, веслами и пращами. Солдаты Фераго бились с упорством отчаяния. Почувствовав, что имеет шанс, Фераго скользнул к Урту Белому, зная, что если ему удастся убить барсука, то исход битвы будет предreshен в его пользу. Урт Белый стоял спиной к Фераго, без передыху круша противника своей палицей. Фераго вытянул оба своих кинжала и пригнулся, готовый вспрыгнуть на спину барсука и воткнуть клинки в незащищенную шею. И вот Фераго взвился в воздух...

Время остановилось — и вдруг он услышал рев, увидел, как прямо перед ним вырос Урт Полосатый. Две страшные лапы поймали его и сжали в смертельной хватке. Фераго вскрикнул от ужаса и принялся судорожно колоть обоими кинжалами, вонзая их в тело ревущего барсука.

Страшные раны, которые Урт Полосатый получил до того, вместе с ранами, наносимыми ножами Фераго, заставили его темные глаза подернуться пеленой смерти, но жизнь еще не покинула его. Собрав последние силы, Урт Полосатый успел навсегда избавить Саламандастрон от Фераго, — крепко сжав в лапах голубоглазого горностоя, он прыгнул с вершины горы в бездну, издав последний в своей жизни боевой клич:

— Эу-у-ула-а-а-лиа-а-а!

В этот момент Урта Белого осенила догадка, что он только что видел своего потерянного брата. Морда белого барсука стала такой страшной, что всякий, кто приближался к нему, терял остатки мужества.

Алфох оттолкнул Самкима в сторону:

— Оставь его здесь. Бери Арулу и моих землероек и ступай внутрь горы, пока он не убил нас всех. Пусть разбирается здесь с хищниками.

Самким понял Алфоха с полуслова, вид расшвиравшего барсука и охваченных паникой хищников говорил сам за себя. Подталкивая Арулу впереди себя, бельчонок последовал за отрядом землероек по проходу, который спиралью шел внутрь Саламандастрона.

Денежка вошла в кузницу с колчаном стрел. Она протянула его Бычеглазу:

— Это последние. Больше нет!

Бычеглаз усмехнулся:

— Хорошо, старушка. Сражайся пращой, Денежка. Посмотри на Меховичка, он швыряет камни, как бешеный. Хочешь услышать добрую новость, старушка? К нам на выручку подоспел отряд землероек, они сражаются на нижних уровнях.

Меховичок со страхом оглянулся через плечо:

— Смотри! Они уже позади нас!

Неся на плече весло и пращу, Арула весело склонила голову:

— Мы не позади вас, зайцы. Мы с вами!

— Рад встретиться с вами! — Бычеглаз обменялся лапопожатиями с Алфохом и Самкимом. — Наверное, лучше отложить более близкое знакомство до окончания войны, так?

Самкиму ужасно понравился большой заяц. Схватив меч обеими лапами, бельчонок вновь приготовился драться и кивнул:

— Согласен!

Лес весел, пращей и рапир вырос позади Самкима и Бычеглаза. Заяц отложил лук и взялся за копье:

— Эу-у-ула-а-а-лиа-а-а!

— Рэдва-о-о-олл!

— Логалогалогалог!

Услышав боевой клич, отряд, сражавшийся внизу у главного входа, подхватил его.

Для банды Фераго битва была безнадежно проиграна. Клитч убил двух ближайших к нему хищников и, упав на ступеньки, прикрылся их телами, прикинувшись мертвым. Отрезанный от своих основных сил, небольшой отряд хищников сражался с отчаянием. Мара была полностью захвачена жаром схватки. Впереди нее сражался Самким, его мордочка сияла азартом битвы, когда он прокладывал путь сквозь редкие ряды хищников. Мертвым телам уже некуда было падать. Наконец Мара и Самким встретились в центре битвы. Внезапно все стихло. Победа!

Звери, которые только что кричали и отчаянно сражались, вдруг примолкли. Тела друзей и врагов валялись вокруг, будто листья после осеннего урагана.

Голос Денежки, усиленный эхом, пронесся по всей горе:

— Бычеглаз, я хочу выйти на солнышко!

Бычеглаз ласково погладил ушки зайчихи и огляделся:

— Кто же из нас этого не хочет, Денежка? Пойдемте все вместе на свежий воздух.

Когда они выбрались наружу, Мару вдруг схватила за лапу Глинушка.

— А-а-а-а-а! — послышался страшный стон старой барсучихи. Глинушка выпустила лапу Мары и кинулась бежать. Мара тоже чуть было не закричала, увидев то, что открылось глазам Глинушки, и бросилась за ней.

Урт Полосатый лежал, смертельной хваткой сжимаемая горло Фераго Убийцы. Оба были мертвы. Рядом стоял Урт Белый и плакал как маленький.

Глинушка разомкнула смертельные объятия Урта Полосатого. Когда она снимала с шеи горностая золотой медальон, к ней подошли Сапвуд и Бычеглаз. Оба зайца низко склонили головы.

Глинушка одной лапой перевернула мертвого Фераго:

— Возьмите его и бросьте в море. Он не заслуживает погребения в земле.

Ослепшая от слез Мара смотрела, как Глинушка надевает медальон на снежно-белую шею Урта Белого:

— Когда-то он принадлежал моему отцу, потом твоему отцу. Он должен был достаться твоему брату

Урту Полосатому, но теперь принадлежит тебе. Носи его с гордостью.

Мара опустилаcь на колени и крепко обняла тело Урта Полосатого. Слова смешивались со слезами:

— Я вернулась слишком поздно. Теперь я не могу рассказать тебе о том, что таится в моем сердце. Я долго скиталась, прежде чем вернуться домой, но за это время я поняла то, чему ты пытался научить меня. Для всех ты был Уртом Могучим, владыкой горы. Это имя будут помнить всегда. Ты не слышишь меня сейчас, но я хочу добавить еще одно слово к твоему титулу. — Молодая барсучиха подняла безжизненную лапу и водрузила ее себе на голову, произнеся единственное слово: — Отец!

Клитч лежал тихо, прислушиваясь к голосам победителей. Ему было жарко и не хватало воздуха. Растолкав мертвые тела, он выбрался наверх и пополз по ступенькам. Его единственной надеждой было добраться до кратера и убежать на восток, пока его враги отдыхают на песке с западной стороны горы.

Горноста́й сделал несколько неверных поворотов в верхних галереях, ища выход. Внезапно его охватила паника. Клитч кинулся бежать. Некоторые коридоры заканчивались тупиком, другие выходили в залы. Он бежал, кляня про себя тупость Фераго и всей орды, ввязавшихся в столь безнадежное предприятие. Облизывая пересохшие губы, Клитч вдруг оказался в проходе, ведущем в темную пещеру. Ощупывая холодные каменные стены, он беззвучно зарыдал. Да есть ли вообще выход из этой проклятой горы?

Лапа Клитча ударилась в темноте о что-то гулкое и, судя по звуку, деревянное. Он подскочил от боли, закусив губу, чтобы удержаться от крика. Когда боль

несколько утихла, он разглядел, что это за предмет. Оказалось, что их даже несколько. Бочки!

Выдвинув одну из них, Клитч был вознагражден звуком какой-то жидкости, плескавшейся на дне. Вода растеклась из опрокинутой бочки по полу, и Клитч, опустившись на четвереньки, стал лакать ее. Прохлада жидкость освежила его и восстановила силы.

Поднявшись во весь рост, Клитч пригнулся и двинулся по узкому проходу. Его шаг стал увереннее.

Теперь коридоры казались светлее, полными свежего воздуха, — путь наверх был открыт.

Неожиданно сильная боль в желудке заставила его согнуться пополам. Минуту он постоял спокойно, и боль прошла. Выпрямившись, горноста́й побежал к вершине кратера, к свободе!

Дважды он останавливался от приступов боли, но каждый раз она отступала, и он спешил вперед.

Теперь Клитч пошел медленнее, его лапы стали коченеть, было такое чувство, будто он опустил их в ледяную воду. Горноста́й заморгал. Почему ясный день вдруг стал темнеть? Наконец Клитч достиг вершины и лег у края кратера. Теперь ему все время приходилось бороться с приступами тошноты, сотрясавшей все его тело. Клитч свернулся клубком и примостился между двумя валунами. Он поспит здесь, пока не почувствует себя лучше. Некогда голубые глаза подернулись пленкой, остекленели, и горноста́й соскользнул в бесконечную тьму.

Прошло два дня, оба были наполнены печалью и тяжелой работой. Саламандастрон пришлось очищать от всего, что напоминало только что завершившуюся войну. На древках, воткнутых в песок на берегу моря, развевались знамена, здесь вырыли братские могилы для зайцев и землероек, погибших в борьбе за освобождение горы. Дальше по берегу шли ничем не отмеченные захоронения солдат Фераго.

Глубоко в горе Арула обнаружила склеп. Она организовала отряд землероек, дав им задание раскопать и расчистить проем. Когда все было сделано, кротиha почуяла запах све-

жей воды, чистого прохладного источника. Это открытие сделало гору неуязвимой для любой осады, дав ее защитникам неограниченные запасы драгоценной воды.

Оставалось исполнить последний печальный долг — захоронить Урта Полосатого рядом с его предками.

Самкима пригласили на церемонию. Когда он явился, через его плечо вилась перевязь меча Мартина Воителя. Бельчонок нес фонарь, освещая дорогу трем барсукам, которые несли на плечах тело Владыки Горы. Бычеглаз и сержант Сапвуд шли рядом, изредка подсказывая Самкиму дорогу.

Урт Белый уложил тело покойного в тайную пещеру. Самким огляделся вокруг, рассматривая каменные стены, испещренные загадочными надписями и картинами, сделанными лапами барсуков. Сапвуд шмыгнул носом и утер глаза, когда разглядел последнюю надпись:

— Это сделал сам Урт Полосатый. Смотрите, это он, а это ты, Урт Белый. А вот Самким, он держит меч. Жаль только, что я не могу прочесть написанное лапой моего друга Урта Полосатого.

Глинушка смогла. Самким поднял повыше фонарь, и барсучиха молча изучала древние письма. Закончив чтение, она повернулась к присутствующим:

— То, что здесь написано, предназначалось для меня, поэтому я и не изображена ни на одной из этих картинок. Я одна должна хранить тайны горы, пока Урт Белый не будет посвящен в сан Владыки Саламандастрона. Одно могу сказать: Урт Полосатый пожелал быть похороненным под неким «итакто», только я не могу понять, где это. Вам что-нибудь известно об этом?

Свет фонаря заколебался, все в замешательстве усталились друг на друга.

— Итакто? — переспросил Бычеглаз и пожал плечами. — В нашей горе нет места с таким названием.

Самким стал прохаживаться по пещере, повторяя про себя:

— Итакто, итакто...

В дальнем конце помещения стена была гладкая, но никаких рисунков и надписей на ней не было. Самким провел по ней лапой и вдруг подпрыгнул от удивления:

— Смотрите, эта стена не каменная!

Это был занавес, сделанный из какого-то грубого материала. Сосновой смолой к нему были приклеены камни и песок, они и создавали эффект каменной стены. Урт Белый осторожно отодвинул занавес. Страшное зрелище предстало глазам собравшихся. На огромном каменном троне сидел ветхий скелет барсука в полном боевом облачении. Альков позади занавеса был полукруглым, его замыкал огромный резной камень.

— Письмена говорят о том, что эти останки принадлежат Старому Броктри, первому Владыке Саламандастрона. — Голос Глинушки эхом прокатился по пещере.

Сапвуд почтительно коснулся закованной в броню лапы:

— Наверняка этому старому барсуку известно, где находится итакто.

Мара стояла, не сводя глаз со скелета. Когда чувство страха отступило, она заметила нечто странное. Выступив вперед, она осмотрела стену сбоку от трона:

— Его лапа словно указывает сюда. Смотрите!

К камню была прикреплена продолговатая медная пластина, позеленевшая и потускневшая от времени. Глинушка дохнула на нее и протерла песком поверхность, так что та заблестела. Вплотную приблизив глаза к пластине, барсучиха внимательно осмотрела ее:

— Совершенно гладкая пластина, на ней ничего не написано.

Все уселись на пол, не сводя глаз с пластины. Бычеглаз повернулся ко входу, где они оставили тело Урта Полосатого:

— Бедный Урт, похоже, он никогда не упокоится под своим итакто.

Мара все смотрела и смотрела на медную пластину, долго и пристально.

— Передай-ка мне фонарь, Самким.

Бельчонок сделал, как его просили. Мара поместила фонарь на подлокотнике трона, рядом с лапой скелета.

— У кого острое зрение?

Сапвуд поднял лапу:

— Похоже, мои гляделки видят получше остальных.

— Тогда сядь сюда и скажи, что ты видишь, Сапвуд.

Мара подвинулась, и сержант занял ее место. Он сидел, глядя на сверкающий металл, тускло блестящий в свете фонаря:

— Ох, клянусь хвостом! Я вижу слова — вернее, буквы, — хотя не знаю, что они означают. Никогда не учился письму. Слишком занят был другими делами, всякие битвы, знаете ли, сражения...

— Самким, — прервала зайца Глинушка, — дай ему свой меч. Сапвуд, ты можешь нацарапать на полу те буквы, что видишь?

— Конечно.

Это была надпись на языке барсуков, и Глинушка торжествующе прочла:

— Итакто! — Затем она поместила свою лапу на пластину и провела вдоль нее лапой через всю комнату. Лапа уперлась в каменный выступ сбоку от трона. — Дайте фонарь. Это здесь! Видите, на этом выступе вырезано слово? Оно находится прямо напротив слова на медной пластине, только в зеркальном отражении. Это слово не «итакто», а «откати».

Урт Белый выглядел озадаченным. Он стал повторять слово снова и снова, сначала быстро, затем более медленное:

— Откати, откати! — Тяжело подойдя к камню, он ухватил его своими мощными лапами, усмехнулся и глянул на друзей: — Отойдите с дороги!

Мара знала, что Урт Белый обладает чудовищной силой, но даже она сомневалась в том, что ему под силу сдвинуть гигантский обломок скалы. Она хотела было выступить вперед и предложить свою помощь, но Глинушка предостерегающе подняла лапу:

— Не надо, Мара. Он сам справится.

Упершись покрепче задними лапами, отчего те стали похожи на два дубовых ствола, Урт напрягся изо всех сил. Прикинув к камню, он громоподобно взревел и оторвал валун от пола.

Широко раскрыв глаза от страха, Бычеглаз схватил Сипвуда за лапу:

— Гром и молния! Он не откатил его... просто поднял!

Урт Белый сделал три шага и опустил валун на пол. Громкий стук заставил задрожать стены пещеры. Камень прикрывал дыру. Держа фонарь, Мара и Самким легли на пол, и их глазам предстали древние сокровища барсуков Саламандастрона!

Жемчуг южных морей, серебряные чаши и золотые блюда, драгоценное оружие, выкованное лапами прежних Повелителей Горы, — длинные мечи, сабли, рапиры, странные кривые мечи, щиты, копья, пики, кинжалы и палицы, — сделанные из дорогих пород дерева и драгоценных металлов. Все это лежало огромной сверкающей кучей, распространяя во все стороны отблески синего, красного и янтарного света. Этот свет мелькал перед глазами Мары, и в памяти ее вспыхнуло то мгновение, когда Клитч пытался вывести у нее что-либо о сокровищах горы.

— Так вот они, сокровища барсуков!

Урта Полосатого похоронили в парадном облачении там, где он просил.

Хо, привет аббатству!
Вера Иголка даже подпрыгнула на месте:

— Клянусь колючками, это же Труг!

Труган перегнулась через парапет и радостно затрясла головой:

— Ой, это же мой братец! Где ты пропадал так долго и что это за птицы с тобой?

Труг, внешне очень похожий на возвратившегося с поля брани героя, вальяжно шагал по дороге. На голове его красовалась шапочка, снятая с побежденного им горноста, который в свою очередь снял ее с побежденной выдры. В шапочке заливчато торчало великолепное

соколиное перо. Труг смахнул с головы свой головной убор и низко поклонился:

— Добрый день, милые дамы. Позвольте представить: мои друзья Рокангус, Кривой Ключ, Ржаное Крыло и Острый Коготь. Прошу принять их наилучшим образом.

Попозже в этот же день аббатиса Долина с удовольствием следила за тем, как Труг, покачивая крошку Думбла на колене, справляется с полдником, накрытым по такому случаю для выдры и четырех соколов прямо в саду. Думбл без устали рассказывал сногшибательные истории о том, как он совершил героический перелет в мешке.

Наконец опустился вечер, и Труган повела Думбла спать. Труг сидел, разомлев, за бутылкой октябрьского эля, донельзя довольный тем, что вернулся домой, в свое возлюбленное аббатство. К нему как раз явилась почетная депутация, возглавляемая старым Тоддом Иголкой, который подарил герою специально для него вырезанные из яблоневого дерева миску и ложку. Почтенный еж, неловко опираясь на трость, пытался произнести поздравительную речь:

— Мой дорогой, у меня мало слов, но этот дар я приношу от чистого сердца. Я вырезал это специально для тебя, Труг. Рэдволл обязан тебе жизнью. Посмотри на миску, вот здесь вырезано твое имя и все такое, а брат Ревунчик сказал, что в любой момент, стоит тебе только захотеть, он наполнит ее супом.

Поздно ночью все собрались в саду у костра. Лето близилось к концу, и ночи стали прохладнее. Брат Остролист протянул свою кружку, чтобы ее еще раз наполнили сидром.

Остролист подул на пенящийся напиток и поднес его к губам:

— Да, фрукты созревают быстро, дружище. Клянусь, я страшно скучаю по молодым Самкиму и Аруле. Скорей бы уж они вернулись!

Сестра Настурция сидела рядом с ними, глядя в огонь костра. В наступившем молчании она запела:

— Идет бельчонок с моим великим мечом,
Идет молодая кротиха с мешком за плечом,
Идет длинноухий, проворный и вечно голодный, —
С ними идет Защитница в Рэдволл свободный. —

Настурция вдруг потрянула головой и села прямо: — Боже милостивый, что это я опять сижу тут и распеваю неизвестно что?! Какие глупые песенки! Извините меня!

— Не надо извиняться. — Кротоначальник погладил ее лапу. — Это был голос Мартина Воителя.

Аббатиса Долина пошевелила костер палкой. Искры взлетели и поплыли в ночное небо.

— Спасибо нынешнему лету! — сказала она. — Теперь я могу не беспокоиться за этих сорванцов! Если Мартин говорит, что они возвращаются, этого достаточно. Завтра я выставлю отряд встречающих!

Солнце ярко осветило склоны Саламандастрона, разогнало утренний туман, открыв отряд землероек, выстроившийся рядом с отрядом зайцев. Все взоры были устремлены на главный вход, и, когда камень откатился в сторону, раздался шум. В открывшемся проеме показалась Глинушка, с головой украшенной венком из полевых цветов. На барсучихе было надето красивое голубое платье. Она отступила в сторону, и из горы показалась великолепная процессия.

Первыми шли почетные гости из Рэдволла — Самким и Арула. Бельчонок, конечно, нес свой меч, а кротиха — весло землероек, перевитое плющом. Позади них выступали предводители землероек, Лог-а-Лог и Алфох. Их плечи покрывали зеленые туники, лапа каждого покоилась на эфесе рапиры. Затем шли Мара и Пиккль. Барсучиха, в нарядном кафтанчике цвета старого золота, несла на кончике копья огромный букет роз. Пиккль, одетый в светло-песочного цвета мундир, нес заячий лук и колчан со стрелами. Позади них шла Ясеника, ее нарядный плащ украшали морские раковины. Урт Белый замыкал шествие вместе с Сапвудом и Бычеглазом.

Теперь, когда Урт Полосатый покоился в своем парадном облачении, белый барсук надел его боевое вооружение, в котором тот был, когда спустился на берег, чтобы сразиться в своей последней великой битве. Урт Белый сам подправил его в кузне.

До самых кончиков когтей он выглядел настоящим воином. Солнце сверкало на его снежно-белом меху, Сапвуд опустился на колени и подставил голову под лапу Урта Белого.

— Это мой внук, — раздался голос Глинушки. — Его прадедом был Урт Коготь, а его отцом Урт Сильный, а братом — Урт Полосатый. Тот, кто сегодня стоит перед вами, будет править этими землями, пока продлятся его дни. Правитель Горы! Командир Дозорного Отряда! Воин и Владыка Саламандастрона! Салют Урту Белому!

Копья, рапиры, луки и весла взметнулись вверх подобно набежавшей волне.

— Эу-у-ула-а-алиа-а-а-а!

Все собравшиеся подхватили клич горы, и эхом отозвался каждый камень. Саламандастрон получил нового Правителя.

После церемонии на берегу накрыли столы для торжественного обеда. Хорошая пища, но немудреная. Саламандастрон был военным поселением, и в мастерстве приготовления праздничных блюд даже лучшие из его поваров не могли сравниться с братом Ревунчиком из Рэдволла.

Самким смотрел на лодки землероек, колышущиеся на линии прибоя. Меч Мартина лежал рядом с ним. У бельчонка не было желания присоединиться к остальным, он предпочитал одиночество.

Мара села позади него и тоже стала смотреть на море. Не глядя на нее, Самким начал высказывать вслух свои мысли. Вскоре это перешло в беседу, во время которой бельчонок и барсучиха избегали смотреть в глаза друг другу.

— Лето умирает, Мара. Я чувствую приближение осени. Листья желтеют, некоторые уже стали совсем бурыми.

— Так и должно быть, Самким. Никто не может остановить ход времени. Наверное, ты тяжело переживаешь разлуку с домом. Каков Рэдволл осенью?

— Там красиво в любое время года. Осень — пора сбора урожая. Мы начинаем собирать фрукты и овощи. В это время делают октябрьский эль, варят каштаны в меду. Мы допоздна сидим вокруг костра в саду, наслаждаемся ужином и слушаем истории и песни о прошедших днях. По утрам обычно тихо. Шуршат листья в лесу, в траве выступает роса, пахнет хлебом и булочками, которые пекут на кухне. Днем можно полежать на солнышке и съесть спелое яблоко или сочную сливу. Рэдволл не похож ни на какое другое место.

— Ты, должно быть, очень любишь свой дом?

— Да, аббатство — это все для меня. А ты, Мара? Саламандастрон такой замечательный, ты любишь его?

Барсучиха медленно пропускала песок между когтями.

— Я выросла в этой горе. Сегодня утром я почувствовала, что по-настоящему люблю это место. Но, боюсь, я никогда не стану чувствовать себя тут как дома. Здесь слишком много тяжелых воспоминаний. Я не хотела бы оставаться здесь до старости. Уже сегодня я заметила перемены в Урте Белом, он все больше становится похожим на своего брата. Жизнь здесь не для меня.

— Что же ты собираешься делать? Куда пойдешь?

— Я последую за своим сном.

— А-а! Сегодня ночью тебе приснился Мартин Воитель?

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он и мне приснился. Мартин велел мне оставаться одному, и тогда ко мне подойдет Защитница аббатства. Это ты, Мара?

Барсучиха обернулась и глянула бельчонку прямо в глаза:

— Мартин сказал мне, что это моя судьба. Он сказал, что я буду счастлива в Рэдволле.

Самким взял ее лапу:

— Так оно и будет. Нам пора домой, Мара из Рэдволла!

Осень была уже у порога, но аббатиса Долина стойчески отказывалась назначать День Названия. Каждый день с самого утра она выставляла на стены дозорных, которым надлежало стоять до сумерек — и в солнечные дни, и в ненастные, когда из леса подступали туманы. Но Самким и Арула все не шли.

Как-то ветреным утром, сидя в сторожке, аббатиса Долина и Вера Иголка потягивали мятный чай с ореховыми бисквитами. Подруги вышивали прикроватные коврики. Вера Иголка поправила на кончике носа очки:

— Мои старые глаза стали сильно уставать в последние дни. Наверное, это из-за долгого ожидания на стене. Я подолгу смотрю вдаль.

Аббатиса сурово глянула поверх очков на подругу:

— Вера Иголка, что я тебе говорила? У нас хватает молодежи, которая так и рвется на стену. Тебе нет никакой нужды стоять там в ненастье.

Ежиха подлила чаю своей гостье:

— Но я хочу первой увидеть их. Кроме того, это спасает меня от нашего Думбла. Этот малыш — суший террорист!

— Точно! — Аббатиса закивала в знак согласия и сделала стежок. — Куда я ни пойду, обязательно выныривает Думбл и начинает клянчить День Названия.

— Может быть, Осень Орла? — хихикнула ежиха.

— Честное слово, если я еще раз услышу такое, оторву маленькому негоднику хвост! — возмутилась аббатиса.

В этот самый момент маленький негодник был участником одного из многих секретных совещаний, происходивших в последние дни. Третий день варили эль, и такие тайные совещания вошли в привычный распорядок дня. Кротоначальник и Тодд Иголка устраивали их в погребе, или в спальне, заставляя брата Остролиста присматривать за дверями, или просто в саду. С Думбла взяли страшную клятву, что он ни словом не обмолвится ни аббатисе Долине, ни ежихе. До тех пор, конечно, пока не придет время.

Очаги на кухне гасили поздно, в горячих духовках румянились на добавку оладьи, булочки, пирожки и запеканки. Кроты постоянно сновали через сад, по секрету беседуя друг с другом. Некоторые из них ка-

тили огромные сыры из кладовых и тоже беседовали. Другие толкали перед собой большие бочки с октябрьским элем и клубничным напитком и тоже беседовали. А иные беседовали, укрывшись за какими-то таинственными мешками.

Ближе к обеду ветерок сник, и также поникла голова аббатисы Долины. Старушка заснула прямо в кресле у камина. Вера Иголка укрыла ее пледом, который они вдвоем и вышили, и, стараясь не шуметь, вышла за порог.

Солнце как раз показалось из-за рваных туч, когда король Макстрах расправил крылья и сделал короткую пробежку. При этом золотой орел чуть не столкнулся с ежихой. Резко затормозив, он повернулся и стал разбегаться в обратном направлении. Ежиха почтительно следила за ним.

— Извините, Ваше Величество, я не помешала? Вы, наверное, делаете утреннюю зарядку?

Макстрах фыркнул и еще раз переступил с одной лапы на другую:

— О нет, дор-р-рогая. Если это и зар-р-рядка, то зар-р-рядка для кр-р-р-ыльев, моим пер-р-р-ьям нужен хор-р-роший ветер-р-р.

Как следует разбежавшись, он взмыл в воздух.

Все пять лодок землероек были уже на широкой глади Великого Южного Потока. Мара сидела рядом с Самкимом, работая веслом вместе с остальными. До барсучихи доносились слова, которыми обменивались Арула с Пикклем, сидевшие в другой лодке. Арула с увлечением рассказывала зайцу о пирах в аббатстве Рэдволл. И вдруг раздалась команда:

— Суши весла! Достать луки и стрелы!

Мара подняла глаза и увидела огромную хищную птицу, которая описывала круги над водой и медленно приближалась к лодкам. Мара угрожающе подняла весло, а Самким, обнажив меч, стал рядом с ней.

Лог-а-Лог крикнул:

— Не стрелять, пока она не станет атаковать.

Огромная птица парила над лодками. Выписывая один из кругов, она настолько снизилась, что задела кончиком крыла Мару и Самкима.

— Эй, вы, хр-р-рабр-рр-рецы, попр-р-робуйте только выстр-р-релить, и я заставлю вас пожалеть об этом.

Пиккль опустил весло и почесал за ушами:

— Что прокуковала это почтенная птичка? Кто-нибудь может мне сказать, а?

Алфох зажал лапой рот зайцу:

— Помолчи, мне кажется, она хочет что-то сказать. Птица определенно не собирается причинять нам вред, иначе она бы давно уже напала на нас. Эй, наверху! Мы — землеройки из Гуосима! Кто ты и откуда явился?

Орел снизился и прокричал:

— Рэ-э-э-дво-о-о-лл!

Самким подпрыгнул от удивления и, замахав мечом, прокричал в ответ:

— Рэ-э-э-дво-о-о-лл!

Орел развернулся и унесся на север вдоль другой протоки.

Самким задрожал от волнения:

— Ты слыхала, Мара? Хватайте весла! Я уверен, он хочет, чтобы мы следовали за ним. Что скажешь, Лог-а-Лог?

Предводитель землероек взялся за весло:

— Думаю, ты прав. Во всяком случае, он летит в правильном направлении; двигаясь по этой протоке, мы намного укоротим путь. Ладно, давайте следовать за птицей. Весла на воду, Гуосим!

Там, куда гребем мы, веслами крутя,
Отдыхать, ребята, ляжем мы, крихтя.
Белые кувшинки дремлют над водой,
Чистой и прозрачной, тихой, ледяной.
Эх, весло-веслище, спину ты нам гни,
В тихую затоку лодку пригони,
Где, простив обиды другу и врагу,
Соп вкусим последний мы на берегу —
У плакучей ивы, где журчит вода,
В землю пуховую ляжем навсегда...

— Садись-ка в повозку, Вера. — Труг стоял, держа на плече упряжь.

Маленькая зеленая коляска была уже готова для поездки. Аббатиса Долина и Вера Иголка были разбужены на рассвете, у ворот сторожки их уже поджидали Тодд и сестра Настурция. Все собрались на лужайке.

Труг оглянулся на них через плечо:

— Все готово, шевелите лапами! Пожалуйте в коляску, мы совершим чудесную прогулку. Идет?

Ежиха поплотнее закуталась в плащ:

— Покорно благодарю, Труг. Для чего нам эта прогулка?

Труг нетерпеливо фыркнул:

— Мы отправимся за фиалками и камнеломкой, что растут на церковном дворе у Святого Ниниана. Я уже говорил вам, что они очень нужны брату Остролисту для приготовления лекарств. Садитесь! Не идти же пешком!

Не слишком охотно обе подруги сели в коляску и откинулись на подушках, разложенных на сиденье специально для них.

— Но почему так рано? — недовольно покачала головой аббатиса Долина.

Тодд Иголка распахнул главные ворота:

— Потому что это самое лучшее время для фиалок и камнеломки. Хорошей прогулки!

Ежиха погрозила лапой своему мужу:

— Что это ты задумал, отсылая нас в такую даль? Неужели не нашлось кого-нибудь помоложе, кто сумел бы нарвать травы?

Труг весело катил коляску по тропинке сквозь туман занимающегося рассвета.

Позади них Тодд Иголка захлопнул ворота и побежал через лужайку, размахивая своей тростью:

— Они уехали. Надо торопиться!

Лодки причалили к берегу там, где указал орел Макстрах. Дальнейший путь стал приятной прогулкой через тенистый лес. Путники зажгли фонари и углубились в Лес Цветущих Мхов. Самким и Арула шли

вперед, следя за темным силуэтом Макстраха, когда он появлялся над верхушками деревьев.

Арула глубоко вздохнула:

— Хур, пахнет чем-то вкусным, Самким. Это запах родного очага!

Самким потянул носом:

— Я, кажется, понимаю, что ты имеешь в виду.

Мара сорвала листик и растерла его в ладони, продолжая вглядываться в чащу леса:

— Деревья, Пиккль, я в жизни не видела столько деревьев. Они стоят так величественно и торжественно, будто часовые, и здесь не слишком жарко и совсем не холодно. И песок совсем как у нас около Саламандастрона. Я чувствую, что скоро полюблю эти места.

— А я чувствую, что полюблю любое место, где меня толком накормят, старушка. После ужина прошла уже целая вечность, я проголодался.

В тот же рассветный час, когда коляска выехала за ворота аббатства, путники вышли из леса на опушку. Идти здесь было значительно легче, но за плечами у них была уже целая ночь пути. Неунывающий Пиккль решил подбодрить спутников, слагая на ходу немудреную песенку:

— Я хвостика кончик на свеженький пончик
Готов поменять хоть сейчас,
А также без риска за пудинга миску
Возьмите скорей правый глаз!
За левое ухо несчастное брюхо
Салатом напичкаю впрок,
И лапу берите, какую хотите,
За торт и черничный пирог!
И, блюдо учуя, какое хочу я,
Я требую целый поднос, —

Без всякого спора, великий обжора,
Готов променять я свой нос!
Махаться мне мило, хоть шило на мыло,
Но рот свой не стану махать,
Поскольку тогда не знаю куда
Все это я буду пихать!

Солнышко согрело всех, путешественники зашагали веселей, а высоко в небе парил золотой орел. Все громко закричали:

— Ура! Рэдва-о-олл! Логалогалогалог!

Аббатиса Долина потеряла глаза и подозрительно огляделась вокруг. Солнце уже поднялось высоко, и теперь колеса повозки стучали по твердой земле.

— Труг! — окликнула она. — Ты куда завез нас? Я не была в этих местах целую вечность, но узнать их я все равно могу. Мы давно уже миновали церковь Святого Ниниана.

Труг пробормотал что-то неразборчивое себе в усы и ускорил шаг. Вера Иголка внезапно проснулась:

— Что случилось, дорогая? Что такое «Лог-а-Лог»?

— Что еще за Лог-а-Лог? Ничего я не говорила ни о каком Лог-а-Лог.

Ежиха призвала аббатису к молчанию:

— Остановись, пожалуйста, Труг. Послушайте!

Труг убавил шаг. Все трое внимательно прислушались. До них докатился далекий звук:

— Рэдва-о-олл! Логалогалог! Рэдва-о-олл! Логалогалог!

Вера Иголка недоуменно покачала головой:

— Кто это там шумит?

Широкая улыбка появилась на лице аббатисы. Она наклонилась вперед и легонько потрепала Труга по спине:

— Это Арула и Самким! Вперед, Труг!

Тропа повернула, Самким тут же увидел приближающееся к ним облачко пыли и услышал скрип колес.

Бдительный, как всегда, Лог-а-Лог крикнул землянкам:

— Луки и стрелы готовы! К нам кто-то приближается!

Но Самким и Арула уже узнали Труга и его спутниц, которые теперь стояли в повозке, размахивая платками.

— Да это же аббатиса и Вера Иголка! И старина Труг! Бежим к ним, Арула!

Вдвоем они рванулись к повозке и вскоре услышали радостный крик ежихи:

— Это мои милые Самким и Арула! Ох, негодники! Посмотри на них, Долина, только посмотри! И наш Самким с мечом! Это меч Мартина!

Все приветственно закричали, и непрощенные слезы побежали из глаз аббатисы.

Труг затормозил, громко крича:

— Я знал, что это вы, сорванцы!

Наконец аббатиса взяла себя в руки. Она обняла Самкима и Арулу:

— Еще будет время послушать рассказы. Сейчас, пожалуй, лучше поприветствовать гостей и пригласить их в наше аббатство!

Мара старалась держаться позади толпы. Чувствуя себя смущенной, она внимательно слушала аббатису и ежиху.

— Мы рады встретиться с вами, Лог-а-Лог и Алфох! Сердечно благодарю вас за то, что доставили наших друзей домой. Но вот незадача, вас так много, а мы не приготовили ничего особенного сегодня к обеду.

Однако мы от всей души приглашаем вас в аббатство Рэдволл. Самким, Арула, проводите всех к нам домой. Я уверена, что вы извините нас, если мы отправимся впереди вас, чтобы организовать нечто вроде завтрака. Труг, разворачивай повозку и скорей в аббатство. Вера, не стой столбом, садись в тележку — и поехали!

Вскоре после полудня гости уже приближались к воротам аббатства. Их встретили очень смущенные аббатиса и ежиха, так и продолжавшие сидеть в тележке. Аббатиса в отчаянии заломила руки навстречу подошедшим:

— Нас не пускают, Самким! Мы кричали, кричали, но никто не отворяет. Труг побежал к задней стене, чтобы посмотреть, нельзя ли там взобраться наверх.

Вера Иголка смущенно теребила передник:

— Просто позор на мои колючки! Не пускают в родное аббатство, и вас никто не встречает, вы так и останетесь голодными!

— Извините, может, я могу чем-нибудь помочь?

Аббатиса подняла грустные карие глаза и увидела перед собой очаровательную молодую барсучиху. Дольна в изумлении откинулась на подушки:

— О Самким! Почему ты не сказал мне сразу?

Барсучиха робко погладила лапу аббатисы:

— Меня зовут Мара.

— Мара. Какое хорошее имя. — Аббатиса крепко пожала обе лапы барсучихе. — Помогите нам, Мара.

Размеренным шагом подойдя к воротам, Мара сильно стукнула по ним лапой и громко произнесла:

— Именем аббатисы, откройте!

И в ту же секунду обе створки распахнулись.

Потом был веселый переполох. Все жители аббатства столпились на лужайке перед главным входом, приветствуя пришедших. Ежиха и аббатиса были изумлены происшедшим, пока не подошел наконец Труг и не обратился к ним:

— Простите наш дерзкий сюрприз. Меня впустили через северный вход. Король Макстрах отслеживал прибытие Самкима в течение последних трех дней. А теперь не беспокойтесь, все будет в порядке!

Все обступили Самкима и Арулу, бельчонок весело размахивал мечом и кричал не хуже остальных. Крепко взявшись под лапы, аббатиса и Мара возглавили процессию.

В центре сада был накрыт великолепный стол.

Пиккль с открытым ртом смотрел на представшее его глазам зрелище:

— Клянусь ушами! Я слышал о хорошей жратве, но никогда не думал, что бывает такое!

Думбл появился из-под стола:

— Вот и День Названия, мамушка Долина! Как же мы назовем эту осень?

Аббатиса влюбленно оглянулась на Мару с Пикклем, стоявших рядом с Самкимом и Арулой:

— Осень Возвращения Домой!

Осенний праздник в честь Возвращения Домой оказался событием, надолго оставшимся в памяти жителей Рэдволла. В первый раз за много-много лет большое барсучье кресло оказалось занятым: в нем сидела Мара, нынешняя Защитница аббатства.

Брат Ревунчик, в новом белом переднике и поварском колпаке, стоял с поварешкой в лапе на самом верху бочонка с элем, чтобы каждый мог видеть его. Прежде чем начать речь, толстяк многозначительно кашлянул:

— Гм, прошу внимания! Поскольку большинство из вас наши гости, аббатиса попросила меня произнести приветственное слово. Или два.

Аббатиса кашлянула и тихо прошептала Алфоху:

— И не думала просить его о чем-нибудь таком!

Брат Ревунчик тем временем продолжал:

— Весьма необычно видеть так много гостей за нашим столом. Никогда не видел сидящими рядом золотого орла, четырех соколов, барсучиху и целую армию землероек, не говоря уж о зайце. Добро пожаловать в Рэдволл! Оставайтесь с нами в такой счастливый день. Не знаю, придется ли вам по вкусу наша еда, она такая простая, но мы с помощниками стремились накормить вас как можно вкуснее.

Друни нырнул головой под скатерть и крикнул:

— Дай-ка лучше им самим попробовать твою простую еду!

Раздался взрыв смеха. Среди общего веселья Мара поднялась с места и обратилась к покрасневшему Ревунчику:

— Я не сомневаюсь, что ваша еда придется всем по вкусу. Слава твоей кухни идет по всей Стране Цветущих Мхов. Но мы хотели бы, чтобы этот праздник прошел как обычно. Аббатиса, ведь обычно ты произносишь приветственное слово? Не будешь ли ты так добра и в этот раз?

Аббатиса Долина встала и нараспев стала читать традиционное приветствие аббатства, и все склонили головы.

— Белки, мыши и сжи,
Бархатные кротики,
Что на пир пришли набить
Круглые животики, —
Начиная пить и есть,
Лету вы воздайте честь
За богатые дары
На роскошные пиры!

Среди взрыва аплодисментов и стука ложек начался пир. Столы составили в виде огромного креста, на них разместили пять главных блюд. На северном конце возвышался праздничный грушевый торт с миндальным кремом и орехами. Напротив него, на южном конце, стоял черносмородиновый пудинг, плавающий в персиковом желе с клубникой. Восточный конец был украшен красносмородиновым желе с хлопьями миндаля и медовым кремом. На западном конце стола имелась золотистая медовая запеканка, сдобренная мятным сиропом и засахаренными орехами. В центре же стола высился огромный торт из сладкого стрелолиста и всевозможных фруктов с прослойкой из сотового меда, смешанного с яблочным и малиновым пюре. Кувшины, графины и бутылки с октябрьским элем, одуванчиковым, лопуховым и смородиновым вином и настойкой из первоцвета занимали свои позиции между огромными фляжками с розовой водой и вышитыми салфетками для липких лапок.

Все принялись дружно есть и пить, и так продолжалось до самого вечера.

Аббатиса уселась в свое кресло, запрятала лапы поглубже в рукава, как она любила делать, и прикрыла глаза:

— Вы должны простить меня, но сегодня был такой длинный день, и мне нужно немного вздремнуть. Самким, я знала, что ты обязательно возвратишься. Ты вернул меч Мартина, завтра король Макстрах водрузит его на прежнее место. Там он будет присматривать за нашим аббатством. Мое сердце довольно не только потому, что ты принес меч, но и потому, что ты привел к нам барсучиху Мару. У нас никогда не

было недостатка в героях — сам посуди: Труг, малыш Думбл, Арула, ты сам, все вы такие храбрые! Отчего бы нам, старикам, теперь не подремать в родных стенах, наслаждаясь добрым здоровьем, миром и благополучием...

Бельчонок и барсучиха сидели, глядя, как засыпает аббатиса Рэдволла, окруженная друзьями.

Колокол Джозефа мелодично прозвонил теплым весенним вечером, как раз в ту минуту, когда старая кротиха неторопливо подошла к маленькому костерку, разведенному под березой в саду. Кротенок поджаривал каштан, насадив его на палку, рядом сидел его друг-мышонок и дремал.

Взяв кротенка за лапку, старушка прошептала ему:

— Пойдем-ка, Баррем, тебе давно пора спать. И возьми с собой свой орешек.

Лапка в лапке, они пошли в ту сторону, где располагались спальни аббатства, бабушка задавала вопросы внуку:

— История была интересной, а, Баррем?

Малыш бежал рядом вприпрыжку:

— Хур, интересная, но я не думал, что наш старичок окажется таким вралем.

Кротиха остановилась и погрозила внуку лапой:

— Хур, нельзя так невежливо отзываться о старике Думбле, малыш! Он совсем не врал! Тебе следует извиниться!

Малыш лукаво улыбнулся своей бабушке:

— Извини, мамушка Арула. В той истории рассказывалось про тебя, и это, наверное, чистая правда.

Старушка Арула погладила бархатную головку своего внука:

— Прощаю тебя, сорванец.

И они не торопясь продолжали свой путь.

— Бабушка, а почему Думбл всегда спит в саду? Он никогда не заходит в спальню.

— Понимаешь, он ждет, что когда-нибудь к нам в гости прилетят птички — орел и соколы. Они обещали ему.

Вместе они вошли в дом, оставив за собой дверь открытой, ибо аббатство Рэдволл всегда было радо гостям.

Оглавление

КНИГА ПЕРВАЯ БЕГЛЕЦЫ И ИСКАТЕЛИ

11

КНИГА ВТОРАЯ ВОИНЫ И ЧУДОВИЩА

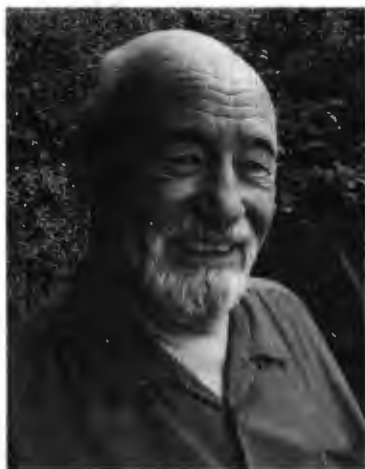
133

КНИГА ТРЕТЬЯ ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

247

Брайан Джейкс — великолепный рассказчик. Он родился и вырос в Англии, в Ливерпуле, и сменил множество профессий. Он был моряком и портовым грузчиком, клоуном и водителем грузовика, работал почтмейстером и полицейским, занимался боксом, руководил музыкальной фолк-группой, вел собственную передачу на радиостанции Би-Би-Си. Литературную карьеру он начал как сценарист и успел получить признание, но интереснее ему оказалось писать книги. Сериал «Рэдволл», общий тираж которого превысил 30 миллионов экземпляров, принес Джейксу титул одного из самых популярных писателей мира.

Сегодня Брайан Джейкс работает над очередным романом из цикла «Рэдволл» и придумывает новый сериал.

Книги сериала «Рэдволл» снискали своему автору, Брайану Джейксу, славу одного из лучших детских писателей мира. В чем секрет их популярности? Наверное, в том, что Джейкс, сам воспитанный на книгах Стивенсона и Хаггарда, Лондона и Дефо, пишет о простых, но важных и увлекательных вещах — о том, что жить надо весело, но радостную жизнь подчас приходится защищать от злобы и зависти; о том, что, заступаясь за слабого, ты становишься сильнее и можешь совершить подвиг; о том, что каждого, кто готов сделать первый шаг в неизведанное, за порогом ждут настоящие приключения.

Рэдволл — больше, чем просто книги, — это большой и интереснейший мир. Не случайно столько людей в разных странах причисляют себя к сообществу его поклонников. О приключениях героев Рэдволла снят мультипликационный сериал, поставлены спектакли и мюзиклы, а число интернет-сайтов, посвященных сериалу, исчисляется десятками. Начать знакомство с жизнью Рэдволла в сети мы советуем с ресурсов: www.redwall.org и www.redwall.net

Книгу можно заказать
в Интернете по адресу
WWW.OZON.RU

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Читайте шестую книгу
из сериала «Рэдволл»
«Мартин Воитель»

*Совсем маленьким
попал Мартин в рабство
к горностаю Бадрангу и лишился
отцовского меча. Но вместе с друзьями
отважный мышонок вырвался
из мрачного замка Маршанк
и вступил в бой
с коварным похитителем
легендарного оружия.*

Книгу можно заказать
в Интернете по адресу
WWW.OZON.RU

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ

- Санкт-Петербург:** Издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-56,
факс 327-01-60
ООО «Русич-Сан»
тел. (812) 589-29-75
- Москва:** ООО «Азбука-М»
тел. (095) 911-99-74
ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 265-81-93
- Екатеринбург:** ООО «Валео Книга»
тел. (3432) 42-07-75
- Новосибирск:** ООО «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28
- Саратов:** ООО «Читающий Саратов плюс»
тел. (8452) 50-88-44
- Хабаровск:** ООО «МИРС»
тел. (4212) 22-74-58, 22-73-30
- Челябинск:** ООО «ИнтерСервис ЛТД»
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52

INTERNET-МАГАЗИН

Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»
<http://www.ozon.ru/>

КНИГА — ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192236, а/я 300
тел.: (812) 268-90-93; e-mail: postbook@areal.com.ru

Литературно-художественное издание

Брайан Джейкс
САЛАМАНДАСТРОН

Редактор Сергей Степанов
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Татьяна Виноградова, Алевтина Борисенкова
Верстка Антона Вальского
Директор издательства Максим Крютченко

ИД № 03647 от 25.12.2000.

Подписано в печать 21.04.2003.

Формат издания 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Тираж 40 000 экз.
Усл. печ. л. 21,39. Изд. № 422. Заказ № 2790.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

САЛАМАНДАСТРОН и окрестные земли

«РЭДВОЛЛ»

Поколение за поколением
царствовали владыки-барсуки
в крепости Саламандастрон.
И год за годом в тайной пещере
под цитаделью хранились
их несметные сокровища.

Легенды об этом богатстве не давали
покоя предводителю разбойников
Фераго Убийце — безжалостному
горностаю с холодными голубыми глазами.
И однажды, когда Лето Ленивой Форели
царило в Стране Цветущих Мхов,
его армия вторглась на побережье
и осадила крепость Саламандастрон.

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ!

ISBN 5-352-00422-8

9 785352 004227